

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*

Н.М.Карамзин

ISSN 0869-6322

2002

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ
И.В.СТАЛИНА
С В.ПИКОМ
И О.ГРОТЕВОЛЕМ

К 75-ЛЕТИЮ
КОСМОНАВТА
В.М.КОМАРОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

АРХИВНАЯ
СПРАВКА НА
В.Л.БУРЦЕВА

СОВРЕМЕННИКИ
О МИТРОПОЛИТЕ
АНДРЕЕ
ШЕПТИЦКОМ

ПИСЬМА
П.Г.ВИНОГРАДОВА
В.И.ВЕРНАДСКОМУ

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivo Historico

№ 2

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2002

№ 2

Выходит 6 номеров в год

ДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Постановление
об образовании
КГБ СССР.
1954 г.

Бюро ЦК РСДРП –
Заграничной
Делегации

Письмо
М.И.Цветаевой
1922 г.

Об аресте
и освобождении
князя Г.Е.Львова

Воспоминания
графини
Е.Л.Камаровской

Управление
придворного
ведомства
в царствование
Екатерины II
и Павла I

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А.ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В.АНАНЬИЧ, Н.Н.БОЛХОВИТИНОВ, О.В.ВОЛОБУЕВ,
В.П.КОЗЛОВ (председатель), С.В.МИРОНЕНКО, В.С.МЯСНИКОВ,
Р.Г.ПИХОЯ, Н.Н.ПОКРОВСКИЙ, А.Н.САХАРОВ, А.К.СОРОКИН,
А.Д.СТЕПАНСКИЙ, А.О.ЧУБАРЬЯН, В.В.ШЕЛОХАЕВ, С.О.ШМИДТ

Редакция:

В.Ю.АФИАНИ (зам. главного редактора), О.И.ГОРЕЛОВ
(зам. главного редактора), Г.И.НАУМЕНКО (отв. секретарь),
М.И.ОДИНЦОВ, А.Н.СВАЛОВ, Ю.В.СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-17-52

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».
Адрес издательства: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-34-57. E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.gipn.net> [gopher://gopher.gipn.net](http://gopher.gipn.net)

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@gipn.net

Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

© «Исторический архив», 2002

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

ЗА СОВЕТАМИ В КРЕМЛЬ

Запись беседы И.В.Сталина с руководителями СЕПГ.
Март 1948 г.

В последние годы отрядным явлением в российской историографии являются публикации многочисленных документальных изданий. Перечисление их заняло бы не одну страницу. Для наших целей наибольший интерес представляют публикации, относящиеся к становлению «социалистического содружества» в Европе¹. Однако они не охватывают такую часть проблемы, как германский вопрос и этапы становления восточногерманского государства — Германской Демократической Республики. Эти особенности внешней политики СССР раскрываются в отдельной публикации — «СССР и германский вопрос. 1941—1949»². Вошедшие в данный сборник документы раскрывают многие нюансы политического курса советского руководства в германском вопросе, а сопровождающие их вступительные статьи содержат частичный анализ и дополнительные материалы, необходимые для его более глубокого понимания.

Историкам хорошо известно, что даже обширные публикации документов не могут полностью раскрыть освещаемые проблемы. Известные лакуны имеются и в названных выше изданиях. К их числу можно отнести в первую очередь отсутствие документов о позиции самого И.В.Сталина, который был непререкаемым авторитетом в определении общих направлений политики страны. В Архиве Президента Российской Федерации (АПРФ) хранятся записи бесед Сталина с руководителями СЕПГ, относящиеся к периоду 1947—1952 гг. Небольшие отрывки из них были опубликованы³. Появились в печати ценные материалы, связанные с подготовкой и ходом встречи Сталина с руководителями СЕПГ 31 января 1947 г.⁴ В отдельной статье был дан их суммарный обзор, акцентирующий внимание на общем подходе Сталина к германскому вопросу⁵. В целом они позволяют соста-

¹ Наиболее важными из них представляются следующие: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Отв. редактор Г.П.Мурашко. Т. I. 1944—1948 гг. Москва — Новосибирск, 1997; Т. II. 1949—1953. Москва — Новосибирск, 1998; Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953. Документы. Отв. редактор Т.В.Волокитина. Т. 1. 1944—1948. М., 1999; Т. 2. 1949—1953 (в печати).

² К настоящему времени вышли из печати два тома: СССР и германский вопрос. Составители Г.П.Кынин и Й.Лауфер. Т. I. 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. М., 1996; Т. II. 9 мая 1945 г. — 3 октября 1946 г. М., 2000.

³ См.: Narinsky M. Stalin and the SED Leadership, 7 April 1952: «You must organize your own State» // Cold War International History Project Bulletin. Issue 4/ Fall 1994. P. 34—35, 48.

⁴ См.: Bonwetsch B., Bordjugov G. Stalin und die SBZ: Ein Besuch der SED-Führung in Moskau vom 30. Januar — 7. Februar 1947 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Jg. 42(1994), № 3. S. 279—303.

⁵ См.: Волков В.К. Германский вопрос глазами Сталина (1947—1952) // Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 118—151. Статья была опубликована также на немецком языке. См.: Wolkow Wladimir K. Die deutsche Frage aus Stalins Sicht

вить более полное представление о позиции Сталина в германском вопросе. Но главное, они открывают возможность услышать «собственный голос» руководителей двух партий.

Общее содержание этих бесед не является секретом. Заметки и записи, сделанные В.Пиком в ходе и по горячим следам этих бесед, были опубликованы в Германии еще в 1994 г.⁶ Они достаточно точно передают их содержание. Однако нюансировка взглядов Сталина, ряд деталей и конкретный ход беседы нередко ускользали из поля зрения В.Пика. Такая ситуация легко объяснима: В.Пик стремился зафиксировать наиболее важные для него как политического деятеля мысли и конкретные формулировки. Записи же бесед сделаны профессиональными дипломатами и, надо полагать, были просмотрены и исправлены если не самим Сталиным, то его ближайшими соратниками и помощниками. Они более аутентично и полно отражают мысли Сталина и, следовательно, открывают возможность глубже понять отдельные его рекомендации и установки, а в ряде случаев приоткрывают завесу над истинными мотивами его политической линии.

Беседы Сталина с руководителями СЕПГ во многом подобны аналогичным встречам с лидерами других восточноевропейских компартий и стран. Все они чем-то напоминали паломничество верующих к святым местам. Поэтому будет совсем не лишним попытаться охарактеризовать искусство Сталина как участника переговоров и хозяина кабинета, где он встречал посещавших его политических деятелей и иностранные делегации.

Имя Сталина по заслугам вошло в историю как символ тирании. Имеющаяся литература и особенно историческая публицистика, основываясь на общеизвестных фактах, рисуют образ кровавого диктатора, который уничтожил больше людей, чем любой другой душегуб XX столетия. Между тем ушедший век был полон диктаторов и тиранов, так что недостатка в сравнениях не имеется. И если задаться целью заложить основы «сравнительной тиранологии», то можно, пожалуй, выявить много общих черт, которые всех их роднили. Но были и отличия, сугубо персональные и индивидуальные черты, которые охотно и с большим знанием дела отмечали другие диктаторы. Весьма характерно, например, мнение Гитлера, который однажды заметил, что для Сталина народ — это «навоз истории»⁷. Действительно, проведенные под его руководством коллективизация деревни, от которой наше сельское хозяйство не оправилось и по сей день, печально знаменитые «чистки» и шквал репрессий 1937—1938 гг. унесли десятки миллионов жизней. От рук Сталина погибло большинство его прежних единомышленников (достаточно вспомнить ряд показательных процессов над партийными и государственными деятелями СССР, репрессии против деятелей Коминтерна и руководителей ряда зарубежных компартий).

Сталину посвящены горы литературы. Основной их массив — это панегирики, написанные еще при его жизни. Пожалуй, редко кому воскуривали столько фимиама, как ему. «Величайший гений всех времен и народов» — такое выражение являлось стандартным для возвеличивания его деяний. Прямой противоположностью этой пропагандистской литературе были резко разоблачительные кни-

(1947—1952) // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft / 48. Jahrgang. 2000. № 1. S. 20—49.

⁶ См.: Pieck W. Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik. 1945—1953 / Hrsg.: R.Badstübner, W.Loth. Berlin, 1994.

⁷ Это не мешало Гитлеру по-своему восхищаться «гениальностью» Сталина, беспощадностью его методов («В своем роде он просто гениальный тип»). Гитлер не стыдился признаваться, что многому у него научился. См.: Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 227, 289, 332, 451, 456.

ги людей, вырвавшихся из-под власти Сталина, зачастую спасая свою жизнь⁸. В послевоенные годы, уже после смерти Сталина, вышли мемуары многих военачальников, государственных и партийных деятелей, которые дополнили уже вырисовывавшийся портрет достаточно яркими штрихами.

В литературе о Сталине бросается в глаза малое число строго научных исследований. Часть их создана зарубежными учеными⁹. Среди советских историков выделяется труд Д.А.Волкогонова¹⁰. В целом тему нельзя считать закрытой. Посткоммунистический период показал живучесть старых идей, объясняемую во многом ностальгическими воспоминаниями и трагическим обнищанием большинства населения страны. Портреты Сталина зачастую мелькают в руках демонстрантов, и это не только проявление короткой памяти людей. За такими сценами стоят не развеянные до конца остатки культа личности Сталина («был культ, но была и личность»).

Культ Сталина и его международный авторитет особенно возросли на заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы, достигнув апогея в декабре 1949 г., когда отмечалось его 70-летие. Казалось, подвиг народа в войне, приведший к разгрому гитлеризма и фашистского блока, смыл многие грязные пятна с фигуры вождя, закамуфлировал его пороки. Пропаганда упорно рисовала портрет «отца народа», гениального государственного деятеля, политика планетарного масштаба, безошибочно определявшего стратегические линии международного развития и внутренних дел.

На годы войны и послевоенный период пришелся также пик международной активности Сталина. Среди лиц, с которыми он встречался, были Ф.Д.Рузвельт и У.Черчилль. Опубликованные документы их встреч и бесед в Тегеране, Ялте и Потсдаме показали, что он успешно справился с этими сравнительно новыми для него функциями, нисколько не уступая своим искушенным партнерам, а кое в чем даже превосходя их. В журнале записи лиц, принятых Сталиным в его кремлевском кабинете¹¹, зафиксированы участвовавшие визиты к нему как иностранных дипломатов (в частности, только в 1945 г. он принял посла США в СССР А.Гарримана 15 раз), так и многочисленных делегаций и государственных деятелей различных стран.

Характерен контраст впечатлений от встреч со Сталиным советских людей (военачальников, партийных и государственных деятелей, хозяйственников и т.д.) и иностранцев. Лицо, глядевшее на первых, принадлежало диктатору, вольному казнить или миловать, тогда как вторым он чаще представлялся как немногословный и внимательный собеседник, мудрый и доброжелательный. Облик двуликого

⁸ Такие книги появились довольно рано. К их числу относятся, например, вышедшие на Западе еще в конце 30-х гг. книги А.Кривицкого и А.Орлова, переизданные в России в годы перестройки и после падения советского режима (См.: Кривицкий А. Я был агентом Сталина. М., 1991; Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991), а также все эмигрантское творчество Л.Д.Троцкого, частично изданное в России в последние десять лет.

⁹ Назовем только две из них: Deutscher J. Stalin: A Political Biography. N.Y., 1966; Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1928. История и личность / Пер. с англ. М., 1991.

¹⁰ См.: Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина. В 2-х кн. М., 1989. Кн. I. ч. 1—2; Кн. II, ч. 1—2.

¹¹ См.: Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924—1953 // Исторический архив. 1994. № 6; 1995. №№ 2, 3, 4, 5—6; 1996. №№ 2, 3, 4, 5—6; 1997. № 1.

Януса вообще присущ многим диктаторам. Но ни у кого, пожалуй, он не достигал такого совершенства, как у Сталина. Рассматривая эту сторону «вульгарного дарования» вождя в специальном исследовании, А. Антонов-Овсеенко писал: «Создается впечатление, что он вступил в соревнование со всеми именитыми деспотами истории» и «превзошел их всех»¹². Действительно, Сталин сумел обвести вокруг пальца, например, многих виднейших писателей 1930-х гг., приезжавших в СССР. Среди них были такие тонкие психологи, как Бернард Шоу, Лион Фейхтвагер, Ромен Роллан, Герберт Уэллс и другие. Не кто-нибудь, а Анри Барбюс писало нем, как о «человеке с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата»¹³. А эти люди были независимы от него, и их считали знатоками человеческих душ.

Сталин мог внушать людям иллюзию собственного величия и поддерживать ее длительное время. Неоднократно встречавшийся со Сталиным и пользовавшийся его благосклонностью писатель Константин Симонов был одним из них. Он стал изживать это наваждение много лет спустя после смерти Сталина и под конец жизни поделился своими наблюдениями с читателями. По мнению К.Симонова, «способность в некоторых обстоятельствах быть большим, а может быть даже великим актером была присуща Сталину и составляла неотъемлемую часть его политического дарования»¹⁴. В своих воспоминаниях К.Симонов дает зарисовки серии «маленьких спектаклей», которые были «сыграны мимоходом». Являлся Сталин и своеобразным оракулом, изрекавшим истины в последней инстанции. Эту его черту также подметил К.Симонов, обращая внимание на ряд его противоположных высказываний в разные годы. И что же? «Всякий раз он был прав, не мог быть не прав, но чем дальше, тем труднее выстраивалась ложная логика этой правоты»¹⁵. К.Симонов признается во внутренние искренних попытках постичь его логику. «Но мозги иногда лопались от этих по-своему честных стараний совместить несовместимое»¹⁶.

Все эти черты Сталина — политического актера, наряду с его политической изворотливостью и мастерством мистификации, очень ярко проявились в его встречах и контактах с новыми политическими лидерами, пришедшими к власти в странах Восточной Европы в ходе освобождения последних от фашистской оккупации и в первые послевоенные годы. В подавляющем большинстве это были выходцы из компартий соответствующих стран, причем в ряде из них в новую элиту вошли отдельные представители социал-демократии и в исключительных случаях — выходцы из других партий и социальных слоев. Историки могут только сожалеть о том, что практически никто из них не оставил воспоминаний о вынесенных с этих встреч личных впечатлениях. Помимо восторженных воспоминаний Э.Ходжи имеются лишь воспоминания некоторых югославских деятелей, особенно М.Джиласа. В своей книге «Беседы со Сталиным», написанной в 1961 г., т.е. много лет спустя после разрыва советско-югославских отношений и последовавшего острого политического конфликта, он все же счел уместным вспомнить о своем восторженном отношении к Сталину и сильном впечатлении от встреч с ним. «Вместо привычного "лика", выдуманного его собственной пропагандой, вам являлся буднично-деятельный Сталин — нервный, умный, сознающий свою значи-

¹² Антонов-Овсеенко А. Театр Иосифа Сталина. М., 1989. С. 216.

¹³ Там же. С. 18—19.

¹⁴ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 216.

¹⁵ Там же. С. 234.

¹⁶ Там же. С. 235.

тельность, но скромный в жизни человек»¹⁷. Аналогичные чувства, судя по всему, испытывал и И.Броз Тито. По свидетельству того же Джиласа, «и у Тито, спустя пятнадцать лет после разрыва со Сталиным, ожило уважение к его государственной мудрости»¹⁸.

Если судить по журналу посетителей кремлевского кабинета Сталина, то за последний военный год и послевоенный период (т.е. за 1944—1952 гг.) у него было около 140 встреч и бесед как с отдельными деятелями, так и с партийными и правительственными делегациями стран Восточной Европы и советской зоны оккупации Германии (позднее ГДР)¹⁹. Сюда не входят приемы и беседы на кунцевской и других дачах, которые не поддаются учету. Львиная доля этих приемов приходилась на польских визитеров (59 зафиксированный встреч). В реальной жизни каждая их таких встреч оказывала заметное, а подчас и определяющее влияние на решение судьбоносных проблем той или иной страны, причем влияние долгосрочное. Они были составной частью политического механизма советизации Восточной Европы, консолидации советского блока. Тем более удивительно, что, пожалуй, половина этих встреч и бесед не была запротоколирована и не оставила иных архивных следов, кроме записей в журнале посетителей. Для исторической науки это, несомненно, невосполнимая утрата.

Исходя из записей в журнале посетителей, имело место 11 встреч Сталина с восточногерманскими политиками, причем три из них были только с В.Ульбрихтом, а восемь — с делегациями, состав которых был достаточно стабильным²⁰. В Архиве Президента РФ хранятся протокольные записи шести этих встреч (31 января 1947 г., 26 марта и 18 декабря 1948 г., 4 мая 1950 г., 1 апреля и 7 апреля 1952 г.) Все они находятся в отдельной папке в личном деле Сталина²¹. В общей сложности они занимают около 150 страниц плотного машинописного текста. В четырех случаях указано, что запись была сделана В.Семеновым (причем, один раз — вместе с Г.Короткевичем). В двух случаях исполнитель не указан, но можно высказать предположение, что им был тоже В.Семенов, который участвовал во всех этих встречах. Отсутствие записей других бесед может означать, что протокол, возможно, не велся вообще, хотя не исключено, что отдельные документы содержатся в каких-нибудь «особых папках» и пока не обнаружены или недоступны исследователям. Имеющиеся записи позволяют уточнить многие действительные взгляды и мнения Сталина по германскому вопросу и мотивировку его отдельных позиций.

Для Сталина было характерно, что он тонко улавливал тот момент, когда те или иные лидеры (и представляемые ими партии) из бывших коминтерновских функционеров превращались в реальных политических лидеров своих стран. Для СЕПГ и ее руководителей такой момент размыт в силу особенностей становления

¹⁷ Эта книга М.Джиласа выдержала ряд изданий в Югославии и других странах. Для удобства читателя в данной статье дается ссылка на книгу М.Джиласа на русском языке, куда она вошла как составная часть. См.: Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 55—64.

¹⁸ Там же. С. 155.

¹⁹ Приблизительность числа (140) объясняется тем, что случались дни, когда некоторые лица посещали Сталина дважды. Хотя названная цифра близка к оптимальной, реально возможны и незначительные отклонения в ту или иную сторону. В это число не включены приемы китайских лидеров и руководителей Монголии, а также лидеров других компартий.

²⁰ Подробности см.: Волков В.К. Указ. соч. С. 118—151.

²¹ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 303. Л. 1—187.

ГДР. Однако с определенной долей условности можно полагать, что встреча 26 марта 1948 г. была именно таковой. На этот вывод наталкивает сам характер обсуждавшихся вопросов и их решение, а также момент проведения встречи.

За время, прошедшее после предыдущей встречи (31 января 1947 г.), произошли события, изменившие облик Европы. 1947 год стал в этом отношении переломным. Подписание 10 февраля 1947 г. в Париже мирных договоров с пятью странами — бывшими союзниками гитлеровской Германии (Италией, Финляндией, Болгарией, Венгрией и Румынией) стало последним совместным действием держав антигитлеровской коалиции. «Холодная война» быстро набирала обороты. Провозглашение доктрины Трумэна (март 1947 г.) и плана Маршала (июнь 1947 г.) имели далеко идущие последствия. Московская (10 марта — 24 апреля 1947 г.) и Лондонская (25 ноября — 15 декабря 1947 г.) сессии СМВД, посвященные германскому вопросу, закончились безрезультатно. Советские предложения восстановить экономическое единство Германии, создать какой-либо единый политический орган, сдвинуть с места вопрос о подготовке мирного договора были отклонены или заблокированы западными державами. Более того, они приступили к формированию сепаратного западногерманского государства, начали подготовку к денежной реформе в своих зонах оккупации как шаг к их окончательному экономическому обособлению от восточной зоны.

Усиление противостояния Запада и Востока сказалось на политике Советского Союза и восточноевропейских стран. В сентябре 1947 г. было создано Коминформбюро, на первом же заседании которого в докладе А.А.Жданова была сформулирована концепция «двух лагерей» на международной арене, конфронтационная по своему содержанию. В повестку дня стал вопрос о наведении «порядка» в «социалистическом лагере». Подверглись критике не согласованные с Москвой действия руководителей Болгарии и Югославии — Г.Димитрова и И.Броз Тито. Прошедшая в Москве 10 февраля 1948 г. встреча руководителей трех компартий и государств (СССР, Болгарии и Югославии) стала заметным этапом на этом пути, но вместе с тем наметила и расхождения с КПЮ. В конце февраля 1948 г. в Чехословакии произошел фактически государственный переворот, давший полноту власти коммунистам. Это событие еще больше усилило напряженность в отношениях с Западом. Наконец, с середины марта 1948 г. стал развиваться советско-югославский конфликт, приведший вскоре к первому кризису в рамках советского блока. В таких сложных условиях состоялась встреча Сталина с В.Пиком и О.Гротеволем 26 марта 1948 г.²²

В связи с этой встречей необходимо остановиться еще на одной особенности Сталина — государственного деятеля и политика, а именно на его способностях как стратега. Исследователи жизненного пути и политической деятельности Сталина приходят к выводу, что стратегом он был плохим. Он умело действовал там, где задачи были очевидны и цели ясно просматривались. Но все его решения, имевшие поворотный, стратегический характер, приводили к крупным ошибкам, просчетам и провалам. Во внутренней политике таким было решение о коллективизации сельского хозяйства, приведшее уже во второй половине XX века к потере продовольственной самостоятельности страны. Никакими объективными причинами не вызывались массовые репрессии, прокатившиеся по стране в 1937—1938 гг., обескровившие офицерский корпус накануне войны и нанешие гигантский ущерб экономике и всем сферам государственного управления, лишив его выдающихся специалистов при общем кадровом голоде в стране, а также окончательно дискредитировавших идеи социализма. В международных делах проявила

²² Это была единственная встреча Сталина с руководителями СЕПГ, в которой не принимал участие В.Ульбрихт. Причины его отсутствия неизвестны.

свою полную несостоятельность его установка Коминтерну в конце 20-х гг. относительно надвигавшейся якобы мировой революции. Чудовищным по своим последствиям был просчет в отношениях с гитлеровской Германией, приведший к недооценке угрозы фашистского нападения на Советский Союз летом 1941 г., за что страна расплатилась гигантскими жертвами и потерями. К этому ряду надо отнести и его подход к германскому вопросу, который был, пожалуй, центральной проблемой «холодной войны» в Европе.

Став однажды на линию использования лозунга единства Германии как геополитической проблемы, решение которой должно было помочь осуществить все другие внешнеполитические планы в Европе, Сталин уже не сворачивал с этого пути, несмотря на кардинальное изменение обстановки. Но был ли его замысел реальным? Отличался ли он продуманностью, как говорят шахматисты, на несколько ходов вперед? Был ли он совместим с иными целями, а также с внешнеполитическими концепциями других великих держав? Рекомендации и разработки МИД им востребованы не были, о чем свидетельствуют уже опубликованные документы. Отсюда проистекло и отсутствие продуманных инструкций Советской военной администрации в Германии (СВАГ), несогласованность ее действий с МИД, во многом импровизированный характер их деятельности. Указания, которые лидеры СЕПГ получали от Сталина, также свидетельствовали об отсутствии у него четких представлений о соотношении его «программы-максимум» с конкретными политическими процессами, происходившими в Восточной Германии («программа-минимум»), а также политикой западных держав в Западной Германии.

Приведенные выше соображения приходят на ум при чтении протокола беседы Сталина с руководителями СЕПГ 26 марта 1948 г. Естественно, для полной оценки советской политики в германском вопросе одного документа недостаточно. Но и он способен пролить свет на некоторые ее нюансы, которые иначе будут непонятны.

Публикацию подготовил член-корреспондент РАН В.К.ВОЛКОВ.

**Запись беседы тов. И.В.Сталина¹
с руководителями Социалистической Единой Партии Германии
Вильгельмом Пиком² и Отто Гротеволем³
26 марта 1948 г. в 19 час. 00 мин.^а**

Сов[ершенно] секретно

Присутствуют: В.М.Молотов⁴, А.А.Жданов⁵, Г.М.Маленков⁶, В.С.Семенов⁷ (СВАГ), переводчики — Г.Я.Короткевич⁸ и Ф.Эльснер⁹.

ПИК благодарит И.В.Сталина за прием, а также за помощь, которую оказывает СЕПГ советская военная администрация в Германии.

И.В.СТАЛИН спрашивает, действительно ли военная администрация оказывает помощь или это комплимент.

ПИК и ГРОТЕВОЛЬ говорят, что получают действительную помощь.

СТАЛИН, шутя, переспрашивает — значит, не только угнетают, но и помогают?

^а Заголовок документа.

ПИК, смеясь, подтверждает. Затем он говорит о том, что он будет излагать политические вопросы, а Гротеволь — экономические. По словам Пика, на настроения немецкого народа влияет обострение противоречий между союзниками по вопросам империалистического или демократического мира с Германией, единства, или расчленения Германии, демократического ее развития или колонизации посредством «плана Маршалла»¹⁰. Широким массам эти противоречия не так ясны, но они оказывают влияние на настроение масс, особенно в Берлине. Западные державы стараются влиять на население и направить его против СССР, внушая немцам враждебность против коммунизма, который хочет якобы поглотить народ, отнять у немцев их частную собственность и пр.

СТАЛИН смеется.

ПИК говорит, что, хотя эта пропаганда глупа, но она имеет влияние на население, воспитанное в антикоммунистическом духе еще при Веймарской республике¹¹ и затем при Гитлере¹². Одним из моментов, способствующих антисоветским настроениям среди немцев, являются аресты немцев при отсутствии какой-либо связи арестованных с родственниками.

СТАЛИН спрашивает, кто арестовывает этих немцев?

По словам ПИКА, арестовывают советские оккупационные власти, причем после ареста эти люди как бы исчезают из жизни, им не предоставляют возможности связаться с родственниками, нет и публичных процессов. Население приписывает вину СЕПГ, которая, якобы может, но не желает изменить это. Пик предлагает, чтобы при важных арестах оба председателя СЕПГ были информированы советской военной администрацией, а также, чтобы была разрешена переписка арестованных с родственниками и чтобы устраивались открытые судебные процессы. Пик объясняет, что на западе Германии оккупационные власти тоже производят большие аресты, но там разрешается связь с родственниками и время от времени устраиваются открытые процессы, что способствует разряжению атмосферы.

СТАЛИН спрашивает, что, может быть, советскими властями арестовываются иностранные агенты, шпионы?

ПИК отвечает утвердительно, но указывает, что бывают и другие аресты, производящиеся по доносу реакционеров. Арестованные фашисты, например, из «вервольфа», иногда дают показания против социалистов с целью облегчить свое положение. По таким неправильным показаниям были аресты социалистически настроенной молодежи, а также политически надежных людей СЕПГ. Хотелось бы знать причины подобных арестов, а также освободить неправильно арестованных людей из лагерей интернированных.

СТАЛИН спрашивает, почему руководители СЕПГ не писали сюда об этом.

ПИК отвечает, что не хотели мешать И.В.Сталину обращениями по мелким вопросам.

СТАЛИН бросает реплику «какая это помеха!»

ПИК говорит, что они хотели изложить просьбу об этом здесь и считают необходимым пересмотреть методы, не отменяя мер, необходимых для обеспечения безопасности. Трудности для партии возникли также из-за экспроприации собственности в связи с земельной реформой и конфискацией предприятий у фашистских и военных преступников. При этом были допущены некоторые ошибки, хотя партия считает, конечно, эти демократические преобразования совершенно необходимыми.

СТАЛИН спрашивает, кто производил отчуждение?

СЕМЕНОВ отвечает, что земельная реформа закончена немецкими органами еще осенью 1945 года, и дальнейшего отчуждения земельной собственности не производилось. Экспроприация предприятий фашистских и военных преступников проводилась решениями немецких комиссий в землях, а СВАГ лишь утверждала эти решения.

ПИК признает, что, земельная реформа закончилась, но конфискация предприятий до сих пор еще проводится.

СТАЛИН спрашивает, кому передаются конфискуемые предприятия?

ПИК отвечает, что они переходят в собственность немецких органов управления.

СТАЛИН подчеркивает, что, таким образом, эти предприятия переходят к немецкому обществу, а не к русским.

ПИК упоминает о том, что часть предприятий перешла в собственность советских акционерных обществ.

СТАЛИН спрашивает, передаются ли сейчас предприятия советским акционерным обществам?

ПИК не отвечает прямо на этот вопрос и говорит о новых изъятиях собственности в зоне в пользу немецких органов управления.

СТАЛИН спрашивает, кем производятся эти изъятия?

ПИК отвечает, что они производятся немецкими комиссиями, но буржуазные партии протестуют против этой меры.

СТАЛИН говорит, что он, Сталин, имеет власть над советской военной администрацией, но не над немцами. Первая жалоба относится к администрации. Это он, Сталин, принимает. Вторая жалоба против немцев...

ПИК говорит, что он хотел этим показать, какие трудности встречает партия.

СТАЛИН замечает — «понимаю».

Далее ПИК говорит о росте влияния СЕПГ в массах, особенно в связи с народным конгрессом¹³. СЕПГ ведет борьбу против «плана Маршалла» и создания западно-германского государства. Поэтому возникают резкие противоречия с западными державами, что влечет за собой террористические меры против СЕПГ. Благодаря народному конгрессу, партии удалось привлечь к движению большое число буржуазных элементов. Состоялись два созыва народного конгресса. Первый был созван во время Лондонской сессии Совета министров иностран-

ных дел¹⁴. Была избрана делегация, которую СМИД^а отказался выслушать. Второй конгресс¹⁵ происходил в годовщину революции 1848 г.¹⁶ и принял, решение о сборе подписей под ходатайством о проведении народного голосования по вопросу о единстве Германии, а также избрал народный совет из 400 членов, представляющий собою маленький парламент. Второй конгресс принял также важные решения по демократическому и хозяйственному строительству Германии. Первый конгресс был скорее импульсивным, а второй — более деловым. В первом конгрессе участвовало 2200 делегатов, из них 460 — из западных зон. Во втором конгрессе — 2000 делегатов, из них 512 — из западных зон. Большая часть представителей западных зон перешла границу нелегально. Тем не менее, дело обошлось без арестов. На первом конгрессе от СЕПГ было 600 представителей, на втором конгрессе — 360. Посредством уменьшения количества представителей СЕПГ хотели показать, что конгресс не является только делом СЕПГ.

СТАЛИН спрашивает, к какой партии принадлежали те, кто приехал на конгресс с Запада?

ПИК отвечает, что 80% были коммунисты. Но были также известные люди из буржуазных кругов.

СТАЛИН просит подтверждения этому.

ПИК упоминает о проф.Хестермане из Мюнстера, который выступал в прениях на немецком народном конгрессе. Были также представители других партий, в том числе СДПГ^б. Второй конгресс прошел с успехом, что видно из мер против конгресса, принятых оккупационными властями западных держав, которые запретили конгресс и ведут наглую агитацию против него даже в Контрольном совете, где Робертсон выступил с оскорбительными нападками на конгресс. СЕПГ обратилась к английскому правительству с просьбой заставить Робертсона взять свои оскорбительные выражения обратно.

Далее Пик приводит данные о составе Народного совета, в который избрано из советской зоны 300 членов, а из западных зон — 100. Членов СЕПГ всего избрано 85 чел., СДПГ — около 10, остальные — представители других партий и массовых организаций.

СТАЛИН переспрашивает — «социал-демократы тоже вошли?»

ПИК отвечает утвердительно. Он говорит далее о том, что хозяйственные мероприятия в советской зоне имеют большое влияние на население, особенно передача предприятий фашистских военных преступников в руки народа. Большую помощь в повышении производительности труда оказал приказ СВАГ № 234, который исходит из лозунга: «Больше производить. чтобы лучше жить». В советской зоне достигнуто некоторое улучшение экономического положения, но оно все же продолжает оставаться трудным. Большое значение для хозяйственной работы имеет реорганизация Немецкой экономической комиссии¹⁷. В противоположность постепенному экономическому подъему в советской

^а СМИД — Совет министров иностранных дел.

^б СДПГ — Социал-демократическая партия Германии.

зоне, в западных оккупационных зонах наблюдается упадок. Продовольственное положение там хуже.

СТАЛИН спрашивает, — хуже продовольственное снабжение на Западе? Действительно так?

ПИК подтверждает и указывает, что на этой почве там были массовые забастовки. Английские оккупационные власти пытались приписать коммунистам план перевода забастовок в восстание (так называемый «план М»). Они писали, что у коммунистов есть еще более опасный «план Р». СЕПГ сразу же объявила, что это изобретение английской секретной службы, чем отбила у англичан охоту заниматься дальше этими «планами». Известную поддержку в этом партия получила со стороны представителя ХДС^а в двухзональном Экономическом совете Землера¹⁸, который резко критиковал политику американцев на Западе, подчеркнув, что она ведет к нужде и что ХДС сам станет во главе забастовок. Клей заявил, что Землер лжет. Когда ХДС Баварии снова избрал Землера своим представителем в двухзональный Экономический Совет, Клей не утвердил его избрания.

Пик указывает далее на порочность денацификации в западных зонах, где на руководящих постах в органах управления сохранились старые реакционные кадры. Во главе судебных органов и полиции стоят фашистские офицеры. Даже Шумахер¹⁹ был вынужден заявить протест по этому поводу. Нет сомнения в том, что Шумахер является английским агентом и что его заявление имело целью внести успокоение в СДПГ. Англичане и американцы препятствуют также любой национализации промышленности в своих зонах. Пропагандируя «план Маршалла», они говорят о помощи, которую будто бы собираются предоставить Германии. Контрагитация СЕПГ в этом вопросе не стала такой действенной, как в вопросе о единстве Германии, вследствие распространенных среди населения иллюзий, связанных с «планом Маршалла». В борьбе с «планом Маршалла» партии пока не удается увлечь за собой широкие массы. КПП в западных зонах организационно и политически слаба. Мы рассматриваем ее как партию, находящуюся под единым руководством СЕПГ. КПП объявила о признании принципов и целей СЕПГ. На западе были организованы комитеты рабочего содружества КПП — СЕПГ. но эти комитеты не признаны оккупационными властями. Организации КПП насчитывают 312500 членов, а СДПГ — 800000 членов.

СТАЛИН спрашивает — это где, на западе?

ПИК подтверждает. Столь же невелико представительство КПП в ландтагах. В 12 землях западных зон из 1300 мандатов коммунисты имеют 83 мандата, т.е. 6,3%.

СТАЛИН спрашивает, не закрыта ли КПП формально в западных зонах оккупации?

ПИК отвечает отрицательно. Он указывает далее, что из 20 млн. голосов при выборах в западных зонах коммунисты получили 9,1% голо-

^а ХДС — Христианско-демократический союз, политическая партия.

сов. Однако, влияние КПГ на предприятиях больше, особенно в Руре, где на выборах в производственные советы коммунисты получили 34% голосов. Слабость КПГ состоит в отсутствии общего руководства. До сих пор руководящие органы партии существовали только в землях, а сотрудничество между партийными организациями земель было слабым. На последнем пленуме ЦП СЕПГ решено создать единое бюро для всех западных зон, в которое вошли три хорошо подготовленных товарища, работающих в западных зонах.

СТАЛИН спрашивает, почему не соединились коммунисты и часть социал-демократов в одну общую партию?

ПИК отвечает, что Шумахер резко против единства и исключает из СДПГ каждого, кто пытается выступать за единство с коммунистами.

СТАЛИН спрашивает, есть ли какая-нибудь оппозиция у социал-демократов?

ПИК отвечает утвердительно. Она развивается тем больше, чем становится яснее, что СДПГ наносит вред рабочему движению. Со своей стороны, Шумахер пытается противодействовать этому посредством клеветы на коммунистов.

СТАЛИН говорит, что он имеет в виду другое. Если бы на западе также была объединенная партия, то это было бы лучше. Целесообразно снять вывеску коммунистов, которая пугает многих. Это было бы хорошо. При таком объединении было бы достаточно, если хотя бы немногие социал-демократы перешли в объединенную партию.

ПИК объясняет, что они отказались от объединения партий, когда был выдвинут упрек в том, что СЕПГ — это переименованная КПГ.

СТАЛИН замечает, что если есть какая-либо оппозиция в СДПГ на западе, то ее можно было бы взять в объединенную партию и произвести объединение. Это разве невозможно?

ПИК говорит, что это возможно и ссылается на пример в Дортмундте, где фактически уже была создана объединенная партийная организация.

СТАЛИН спрашивает — разве это невыгодно?

ГРОТЕВОЛЬ говорит, что объединение невозможно, т.к. оккупационные власти запрещают переименование компартии и объединение рабочих партий.

СТАЛИН переспрашивает, запрещается ли объединение?

МОЛОТОВ подтверждает, что запрещается.

ПИК указывает, что западные оккупационные власти запрещают даже совместные собрания социал-демократов и коммунистов.

СТАЛИН спрашивает, разве оккупационным властям нужна вывеска коммунистов? Затем он объясняет, что на западе настолько была сильна травля против коммунизма, что отпугивает сейчас население.

ПИК приводит пример, что плакаты о народном конгрессе в Бремене оккупационные власти заставили подписывать именем КПГ, чтобы напугать население.

СТАЛИН замечает — жулики. Им нужно это пугало, жупел!

ПИК говорит о трудностях работы для коммунистов в западной Германии, вследствие чего недавно даны указания сочетать легальную работу с нелегальной и готовиться к переходу на нелегальное положение.

СТАЛИН говорит, «а если коммунисты объявят себя рабочей партией, как это сделали в Польше!»

ПИК говорит, что об этом надо подумать, но потребуется разрешение оккупационных властей, которые могут отказать.

СТАЛИН говорит, что надо попробовать. Это было бы неплохо.

ПИК рассказывает о помощи, которую оказывает СЕПГ коммунистам западной Германии кадрами, бумагой и денежными средствами. Если в 1946 г. было передано КПГ западных зон 1,3 млн. марок, то сейчас передано им 4,3 млн. марок. Пик просит Сталина о передаче для немецкого радиовещания радиостанции «Дойчландзендер», которая в настоящее время используется для ретрансляции московских радиопередач для советских оккупационных войск. Предоставленная в распоряжение немцев берлинская средневолновая радиостанция не слышна в западной Германии, в частности, в Рура.

СТАЛИН спрашивает — «одной радиостанции достаточно?»

ЭЛЬСНЕР говорит, что «Дойчландзендер» — это сильнейшая радиостанция Германии.

СТАЛИН спрашивает о радиостанции в Науэне и получает ответ, что она разрушена во время военных действий.

Сталин спрашивает о том, какое расстояние от Берлина до Рура. Он добавляет, что можно дать хоть две радиостанции, чтобы СЕПГ своими передачами покрыла всю Европу.

ПИК повторяет, что берлинская радиостанция, находящаяся в распоряжении немцев, не слышна в западной Германии.

СТАЛИН спрашивает Пика, чего он хочет.

ПИК отвечает, что они хотят, чтобы им была передана радиостанция «Дойчландзендер».

СЕМЕНОВ говорит, что «Дойчландзендер» принимают народные приемники во всей Германии, а берлинскую средневолновую станцию народные приемники не берут. Он считает возможным передать «Дойчландзендер» в распоряжение немцев, против чего возражает Соколовский²⁰.

МОЛОТОВ замечает, что в свое время СВАГ возражал против передачи этой радиостанции немцам по той причине, что она должна находиться под четырехсторонним управлением, так что если бы СВАГ передала эту станцию-немцам, то союзники взяли бы ее себе.

СЕМЕНОВ подтверждает это и говорит, что теперь это затруднение отпало.

СТАЛИН говорит, что мы передадим эту станцию.

ПИК говорит о мощном пропагандистском аппарате, которым располагают западные оккупационные власти в Берлине, которому СЕПГ пока не может противостоять. СЕПГ развивает агитацию в советском секторе Берлина, но в западных секторах оккупационные власти меша-

ют работать на предприятиях, запрещают вывешивать плакаты, созывать собрания, создают троцкистские группы. В октябре этого года в Берлине состоятся новые выборы. Пик не думает, что выборы будут лучшими для СЕПГ чем в 1946 г. Они были бы рады, если бы союзников удалить из Берлина.

СТАЛИН замечает — давайте общими усилиями попробуем, может быть, выгоним.

ПИК рассказывает о результатах профсоюзных выборов в Берлине, во время которых СЕПГ потеряла голоса, в том числе у металлистов. Это серьезное дело. Необходимо вести правильную политику, чтобы наверстать упущенное. Надо преодолеть слабости СЕПГ в политической пропаганде, т.к. будет трудно, если социал-демократическая оппозиция завоюет еще ряд профсоюзов. Соотношение сил между СЕПГ и буржуазными партиями в Советской зоне складывается в пользу СЕПГ. Партия получила на выборах в Ландтаги 47,6% голосов избирателей, а вместе с объединением крестьянской взаимопомощи и культурбундом имеет 50,5% мандатов. Обе буржуазные партии — ХДС и ЛДП^а имеют в ландтагах 49,5% мандатов. Однако, в некоторых землях буржуазные партии имеют в ландтагах слабое большинство. Отсюда необходимость поддержания блока с этими партиями, которые оказывают сильное давление на СЕПГ по политическим вопросам, особенно, когда затрагиваются вопросы собственности. По численному составу СЕПГ является самой сильной партией во всей Германии и имеет 1774 тыс. членов партии. СДПГ в западных зонах и в Берлине насчитывает 800 тыс. членов, в том числе в Берлине 45 тыс. членов. СЕПГ в Берлине имеет 108 тыс. членов. Буржуазные партии в советской зоне насчитывают 382 тыс. членов, а в Берлине 31 тыс. членов. В профсоюзах организовано 4 млн. рабочих и служащих.

СТАЛИН спрашивает — где это?

ПИК отвечает, что в Советской зоне. Это составляет 64% всех работающих в промышленности, на транспорте и в учреждениях. Внутрипартийное положение в СЕПГ в последнее время улучшилось. Растет внутренняя спаянность партии. Однако, еще остаются пережитки деления на бывших коммунистов и бывших социал-демократов. Клевета наших противников вызывает некоторые колебания в партии, например, по вопросу об арестах. Партия испытывает большие трудности в кадрах, ибо она должна посылать работников для органов управления, хозяйственных органов, массовых организаций, партийного аппарата, прессы и др. Круг подготовленных работников из бывших социал-демократов невелик. Поэтому трудно соблюдать паритет, от которого в скором времени, возможно, придется отказаться. Очень важна также подготовка кадров. Система подготовки кадров в СЕПГ такова. В производственных группах и в группах по месту жительства ежемесячно проводятся вечера по политическим вопросам. В производственных организациях в них принимает участие до 50% членов партии, а в непро-

^а ЛДП — Либерально-демократическая партия.

изводственных — от 20 до 40%. В 115 округах (крайсах) работают окружные школы с 4800 слушателями. Через эти школы уже прошло около 60 тыс. партийных активистов. Имеется 6 трехмесячных школ в землях с 620 слушателями. Высшей ступенью партийного образования является Высшая Партийная Школа. Курс ее недавно продлен до двух лет. Она имеет 200 слушателей и 27 преподавателей, которые очень перегружены. При Высшей Партийной Школе имеются отраслевые краткосрочные курсы. В мае открывается трехмесячная Академия для работников управленческого аппарата, которая затем будет реорганизована в годичную Академию с 600 слушателями. Она будет готовить кадры высших чиновников для органов управления, а также преподавателей. Пик говорит о намерении партии ввести в 6 университетах и 3-х высших школах Советской зоны в качестве обязательного предмета со сдачей экзамена новую дисциплину — «научный социализм». Такое название избрано для того, чтобы противостоять пропаганде против социализма с запада.

СТАЛИН спрашивает, согласны ли с этим другие партии?

ПИК говорит, что они должны согласиться. В Германии много говорят о социализме, но выдают за социализм совсем другое. Есть даже христианские социалисты.

СТАЛИН снова спрашивает, все ли партии согласны с этим?

ПИК продолжает, что для проведения этого плана необходимо подготовить 20 доцентов. Это важно, чтобы противодействовать реакционным влияниям в высшей школе. Поскольку студенты уклоняются, то этот предмет СЕПГ хочет сделать обязательным.

СТАЛИН смеется.

ПИК говорит, что они объявят студентам, что последние не обязаны быть социалистами, но если они против марксизма, то, по крайней мере, должны знать, что это такое.

СТАЛИН смеется и спрашивает — и что же, они согласны? Ведь это будет делаться на государственные деньги, а не на партийные.

ПИК говорит, что они проведут это и что тут не будет трудностей.

СТАЛИН спрашивает — не будет?

ПИК отвечает утвердительно. Он говорит также, что Золотухин из советской военной администрации поддерживает эту идею и рассчитывает добиться успеха. Далее Пик говорит, что из 16200 студентов университетов и высших школ советской зоны только 4600 студентов выходцы из рабочих и крестьян. 4200 студентов — члены СЕПГ (26%), членов ХДС — 7,5%, членов ЛДП — 9,2%. Остальные студенты беспартийные. Под вывеской беспартийных скрываются реакционеры. В составе студенческих советов 36% членов СЕПГ, 19% членов ХДС, 19% членов ЛДП и 25% беспартийных.

Пик говорит, что, таким образом, перед партией стоят еще большие задачи. Они велики также и в отношении работы с буржуазными партиями. Кайзер, выступавший вначале за «христианский социализм», в последнее время пытался перетянуть ХДС советской зоны на сторону западных держав. Большие колебания были также в ЛДП, особенно в

Берлине, где засели реакционеры. Необходимо найти опору внутри этих партий и устранить реакционеров. Это можно сделать, опираясь на народный конгресс и выступая за мир и единство Германии. Пик говорит о необходимости образования четвертой партии для бывших номинальных нацистов, переселенцев из военных областей и части военнопленных.

СТАЛИН говорит, что это нам известно. Мы не возражаем. Он спрашивает — не сообщали ли им об этом?

ПИК отвечает утвердительно. Он говорит, что это дело они уже начали с издания газеты «Национал Цейтунг». Однако, имеются трудности в подборе руководства этой партии, поскольку для этого нужны люди, которые не пойдут против нас, но и не слишком открыто связаны с нами.

СТАЛИН подтверждает.

ПИК говорит, что буржуазные партии резко настроены против создания такой новой партии, так как они понимают, что она будет развиваться за их счет.

Далее Пик говорит о движении членского состава СЕПГ и о том, что ими намечается проверка с целью очистить партию от людей, записанных в партию дважды — по месту работы и по месту жительства. За последнее время СЕПГ потеряла 12500 членов, которые вышли из партии частично из-за недовольства продовольственным снабжением, а частично потому, что партия не смогла ассимилировать их ввиду слабости воспитательной работы. За то же время принято 42 тыс. новых членов партии. Необходимо усилить работу по изучению и воспитанию новых членов партии и, кроме того, провести индивидуальную вербовочную кампанию на предприятиях.

Резюмируя, Пик говорит, что он имеет две просьбы к Сталину, касающиеся вопросов об арестах и радиостанции.

СТАЛИН говорит, что он записал это. Он спрашивает, ведется ли работа среди женщин?

ПИК отвечает, что существует Демократический женский союз²¹, успешно работающий среди женщин.

СТАЛИН спрашивает — а как дела с молодежью?

ГРОТЕВОЛЬ указывает, что Союз свободной немецкой молодежи²² насчитывает 600 тыс. членов и успешно работает среди молодежи.

СТАЛИН спрашивает, есть ли такой союз у социал-демократов на западе?

ЭЛЬСНЕР отвечает утвердительно.

ПИК говорит о слабости работы партии среди интеллигенции, хотя в культурбунде СЕПГ имеет решающее влияние.

Далее говорит ГРОТЕВОЛЬ. Он констатирует, что Лондонская конференция²³ создала новое положение для Германии. Потсдамское соглашение предусматривало ясную процедуру выработки мирного договора для Германии. Она разбита. Совет министров иностранных дел, как орган, который может выработать мирный договор, отпадает. Встает вопрос, кто будет заключать мир и какой это будет мир. В международ-

но-правовом отношении Германия находится в безвоздушном пространстве. В политическом смысле она лишена правительства. Контрольный совет в течение ряда месяцев не может решить коренные вопросы и после заседания 20 марта, на котором Соколовский сделал резкий запрос о лондонском совещании трех держав²⁴, наступило дальнейшее свертывание работы. Контрольный Совет фактически не работает. Отсутствует инстанция, которая будет проводить план репараций для всей Германии. Мы сделали из этого вывод для себя. На народном конгрессе было объявлено о национальном бедствии и был сформулирован ряд лозунгов. Если нет такого органа, который должен выполнять общегерманские задачи, то немецкий народ должен встать на путь национальной самопомощи. Но национальная самопомощь ограничивается фактами вмешательства оккупационных властей. В западной Германии после провала лондонской конференции в декабре 1947 г. проведены известные сепаратные меры по реорганизации Экономического Совета и фактически образовано правительство. Стержнем политики западных оккупационных властей в Германии является сейчас «план Маршалла». Дискуссия в Контрольном Совете о финансовой реформе свидетельствует об опасности сепаратной финансовой реформы в западной Германии. Это означало бы завершение экономического расчленения Германии. Сепаратная финансовая реформа является одним из основных элементов «плана Маршалла» в отношении Германии. Однако, в западных зонах большая часть населения пребывает в состоянии политической апатии. Она смотрит на доллар и полагает, что «план Маршалла» даст возможность немцам жить лучше. Но мы оцениваем положение так, что должно наступить разочарование относительно экономических результатов «плана Маршалла», т.к. буржуазная политика исключает какую-либо гуманность. В действительности, в Западной Германии не разрешается повышение продукции и развитие экспорта промышленных товаров, а возрастает вывоз сырья и восстанавливаются старые монополистические органы, причем Рур снова превращается в центр промышленности вооружения.

СТАЛИН спрашивает, подымается ли производство в Руре?

ГРОТЕВОЛЬ говорит, что добыча угля в Руре повысилась до 300 тысяч тонн в сутки.

СТАЛИН спрашивает относительно производства металла в Руре.

ГРОТЕВОЛЬ говорит, что по металлу имеется небольшое повышение, которое достигнуто применением премиальной системы продовольственного снабжения. Точных цифр о производственных мощностях в западных зонах Гротеволь не имеет. Мы боремся, — продолжал Гротеволь, — против «плана Маршалла», за мир, против диктатуры монополий, за демократию. Характерно, что среди немецкой технической интеллигенции и коммерсантов развивается враждебность к «плану Маршалла». В этих кругах растет убеждение, что естественными хозяйственными связями для Германии являются связи с востоком и юго-востоком Европы. Такое мнение в этих кругах растет быстрее, чем даже среди рабочих. Гротеволь указывает, что забастовки в западных зонах не имели политического характера, а были выражением

имели политического характера, а были выражением протеста против голода. Гротеволь говорит далее, что реакционные силы в своей пропаганде основной удар направляют против большевизма, России и СЕПГ, которую они отождествляют с Россией. СЕПГ ищет пути, чтобы выйти из такого положения. Самой действенной мерой в этой борьбе является организация сносной экономической базы в Советской зоне. Поэтому хозяйственные вопросы Советской зоны выдвигаются сейчас на первый план, которые должны быть органически увязаны с хозяйственными лозунгами партии всей Германии^а. Промышленное производство Советской зоны в 1936 г. составляло 14,8 млрд. марок. В 1947 г. оно составляло 9,4 млрд. марок, исключая предприятия советских акционерных обществ, вместе с продукцией которых валовая продукция зоны составляет 10,4 млрд. марок. Таким образом, по сравнению с уровнем 1936 г. промышленное производство достигло 56%.

СТАЛИН спрашивает, взяты ли при этих расчетах сопоставимые цены, и получает утвердительный ответ.

ГРОТЕВОЛЬ говорит о том, что по плану 1948 г. предусмотрено повышение промышленной продукции советской зоны на 5% по сравнению с 1947 г. Мы желаем, — сказал он, — повышения продукции на 10%, но тут возникают трудности, которые мы одни не преодолеем. Гротеволь говорит, что для прироста промышленной продукции на 10% необходимы следующие дополнительные количества сырья за счет импорта: 250 тыс. т. проката и стали, 300 тыс. т. каменного угля, 22 тыс. т. хлопка, 1700 т. шерсти, 3000 т. льна, 1200 т. пеньки.

Кроме того, из продукции советских акционерных обществ необходимо выделить для немецкого хозяйства 38 тыс. т. искусственной шерсти и 5000 т. искусственного шелка. Коснувшись вопросов снабжения, Гротеволь сказал, что в настоящее время в советской зоне выдается около 1500 калорий на человека в день. В 1950 г. следовало бы увеличить нормы до 2600 калорий. Но поскольку сельское хозяйство сильно разрушено в результате войны, решение этой задачи невозможно без импорта продовольствия из-за границы. Поэтому необходимо ввезти зерна 280 тыс. т., кормов 120 тыс. т., жмыхов 1200 тыс. т. Довоенное потребление мяса и жиров в зоне было 600 тыс. т., а ныне производство составляет лишь 200 тыс. т. Таким образом, дефицит составляет 400 тыс. т.

СТАЛИН спрашивает, увеличилось ли население зоны?

ГРОТЕВОЛЬ отвечает утвердительно.

Когда он называет цифру потребности в жмыхах, СТАЛИН спрашивает, не ошибка ли это, и говорит, что Гротеволь приводит слишком большие цифры.

ГРОТЕВОЛЬ допускает возможность ошибки. Он указывает далее на необходимость создания основы для развития сельского хозяйства посредством ввоза кормов для скота и обеспечения удобрениями. Потребности зоны в азотистых удобрениях исчисляются в 150 тыс. т., которые можно выделить из продукции предприятий советских акционер-

^а Так в тексте. По смыслу — «для всей Германии».

ных обществ. Кроме того, необходимо дополнительно ввезти 120 тыс. т. фосфатов. Необходимо также выделить 160 тыс. т. угля для производства извести. Предоставление этих удобрений могло бы обеспечить в 1950 г. нормальный урожай. Гротеволь, оговорился, что все приведенные им цифры могут быть неточными, т.к. в вопросах экономики зоны они еще не чувствуют себя вполне в своем доме. Гротеволь высказал далее просьбу, чтобы не было никаких репарационных изъятий из урожая 1948 г. Планом же репараций предусмотрены на 4 квартал изъятия сахара и спирта. Далее Гротеволь привел цифры снабжения партии бумагой, подчеркнув значение этого дела как для политической пропаганды, так и для финансового положения партии, имеющей большие расходы по подготовке кадров и содержанию аппарата. Гротеволь указал, что, несмотря на увеличение количества членов партии и усложнение стоящих перед нею задач, СЕПГ получает в 1948 г. бумаги вдвое меньше, чем получала в 1946 г.

СТАЛИН спрашивает, сколько нужно бумаги?

ГРОТЕВОЛЬ отвечает, что сейчас они получают в квартал 3,5 тыс. т., а СВАГ — 9 тыс. т. Они просят из этих 9 тыс. т. выделить для партии дополнительно 3 тыс. т. бумаги в квартал.

Далее Гротеволь просит Сталина дать указание советским инстанциям утвердить договор смешанного советско-германского общества ДЕФА, согласно которому СЕПГ, как акционер этого общества, получает право участия в прокате немецких фильмов соответственно доле ее капитала в этом обществе. Этот договор был подписан в Берлине, но не утвержден в Москве.

СЕМЕНОВ говорит, что договор не был утвержден по инициативе министерства кинематографии, но что СВАГ выступала за утверждение договора.

СТАЛИН спрашивает, почему не написали об этом, разве вы не знаете дорогу сюда?

Сталин говорит Гротеволю, что мы это обсудим и постараемся сделать все, что возможно.

Затем СТАЛИН спрашивает, есть ли в Советской зоне немецкая полиция? В чьих она руках? Кто ею управляет?

ГРОТЕВОЛЬ отвечает, что немецкая полиция находится под управлением органов внутренних дел земель, а также центрального управления внутренних дел Советской зоны.

СТАЛИН спрашивает о численности полиции и ее вооружении.

ГРОТЕВОЛЬ отвечает, что полиция вооружена плохо.

СТАЛИН спрашивает, надежные ли это люди?

ГРОТЕВОЛЬ отвечает, что на 90% там находятся партийные товарищи. Министры внутренних дел, — подчеркнул он, — все наши люди.

СТАЛИН спрашивает, а в центре?

ГРОТЕВОЛЬ отвечает — тоже.

СТАЛИН спрашивает, не считаете ли вы, что полицию надо укрепить и хорошо держать.

ГРОТЕВОЛЬ говорит, что это, конечно, решающий вопрос.

СТАЛИН спрашивает, какая требуется помощь от нас?

ГРОТЕВОЛЬ говорит о желательности помощи в обучении полиции.

СТАЛИН спрашивает, имеются ли у них хорошие кадры, которые могли бы обучать полицию?

ГРОТЕВОЛЬ говорит, что кадров для полиции вообще мало.

СТАЛИН говорит, что, может быть, взять из военнопленных.

ГРОТЕВОЛЬ говорит, что они имеют часть кадров в полиции из комитета «Свободная Германия»²⁵, и, в частности, упоминает начальника берлинской полиции полковника Маркграфа и заместителя министра внутренних дел одной из земель Бехлера.

СТАЛИН говорит, что если нужны люди из военнопленных, можете их взять. Он спрашивает, фиксировано ли количество, которое разрешается содержать в полиции?

СЕМЕНОВ отвечает, что, насколько он помнит, ввиду разногласий по этому вопросу, в Контрольном Совете соглашения достигнуто не было, но это нужно уточнить.

СТАЛИН говорит, что если потребуется вооружение, то можно использовать немецкое оружие, которое, возможно, у нас есть. Сталин подчеркивает, что полиция — это очень серьезное дело, которое надо серьезно обсудить. Она пригодится.

Сталин спрашивает, какие есть еще вопросы.

ГРОТЕВОЛЬ говорит, что при дальнейшем развитии Советской зоны они не хотели бы проводить сепаратных мероприятий по государственному отделению зоны до того, как эти мероприятия будут предприняты на западе.

СТАЛИН замечает, что у нас такая же политика. Это верная политика.

ГРОТЕВОЛЬ говорит, что в связи с этим они откладывают создание парламента и правительства в Советской зоне.

СТАЛИН подтверждает.

ГРОТЕВОЛЬ говорит, что Народный Совет должен обсуждать отдельные вопросы, но он не имеет исполнительной власти и не может принимать законы.

СТАЛИН говорит, что это верно, но вы все-таки должны создать некоторые суррогаты или, вернее, зародыши (эмбрионы) общегерманского парламента и правительства.

ГРОТЕВОЛЬ говорит, что Немецкая экономическая комиссия является зародышем правительства. Их пожелания относительно этой комиссии они передали в специальном документе.

СТАЛИН говорит, что не видел этого документа и спрашивает, куда его переслали.

КОРОТКЕВИЧ говорит, что документ разослан от М.А.Суслова²⁶.

ГРОТЕВОЛЬ зачитывает из разосланной записки о Немецкой экономической комиссии те меры, на которых он особенно настаивает, а именно о том, чтобы хозяйственный план в течение года не изменялся без согласия Экономической комиссии.

СТАЛИН бросает реплику — хорошо, а все-таки собираются немцы платить репарации?

ГРОТЕВОЛЬ и ПИК подтверждают.

ГРОТЕВОЛЬ говорит, что не должно быть, однако, изъятий, помимо репарационного плана и плана оккупационных расходов. Иначе невозможно создать стимул для развития производственной инициативы рабочих.

СТАЛИН говорит, что он понимает это. Далее Сталин спрашивает, знает ли Гротеволь, сколько русские берут ежегодно в счет репараций в миллионах марок или долларов.

ГРОТЕВОЛЬ говорит, что на 1948 г. запланировано 1,2 млрд. марок, что составляет около 10% валовой промышленной продукции зоны.

СТАЛИН спрашивает, сколько это будет в долларах?

МОЛОТОВ отвечает, что по коэффициенту 3 марки за 1 американский, доллар получается 400 млн. долларов.

СТАЛИН спрашивает — как это, тяжело?

ГРОТЕВОЛЬ не ответил. Он сказал, что они очень изолированы и считают необходимой связь с другими странами, для чего хотят создать комиссии по изучению возможностей торговли.

СТАЛИН спрашивает, с какими странами?

ГРОТЕВОЛЬ отвечает — с Чехословакией, Венгрией, Болгарией, Югославией, Румынией и Польшей.

СТАЛИН говорит — мы вам поможем установить связи. Если Германия будет разделена на два государства, то западная Германия останется без рынка, а восточная Германия будет иметь хороший рынок.

ГРОТЕВОЛЬ спрашивает, есть ли возможность для Советской зоны иметь в будущем году двух или трехгодичный план хозяйственного развития.

СТАЛИН говорит, что когда Экономическая комиссия расширится и окрепнет, то, по его мнению, она сможет это сделать.

ГРОТЕВОЛЬ говорит: чтобы научиться плавать, надо войти в воду.

СТАЛИН подтверждает. Все мы учимся, говорит он. Мы тоже раньше ничего не умели, а потом научились. Германцы — способные люди. Они научатся не хуже нас.

СТАЛИН ставит еще вопрос. Он говорит, что хорошо было бы, если бы какой-либо орган Народного конгресса выработал конституцию Германии и выдвинул ее на обсуждение как в западной, так и в восточной Германии. Эта конституция не должна быть очень демократической, чтобы не отпугнуть людей, но она все же должна быть достаточно демократической, чтобы лучшие элементы запада и востока могли ее принять. Это было бы очень хорошо. Все население надо привлечь к обсуждению конституции. Это создаст психологическую основу для осуществления единства Германии.

ПИК говорит, что Народный совет избрал комиссию по конституции, а также комиссии по мирному договору, по экономическим вопросам и другие.

СТАЛИН замечает, что комиссия для мирного договора — это формальный вопрос. А выработку конституции он, Сталин, считает одним из основных рычагов для подготовки германского населения к единству. Нельзя все время повторять слова о единстве. Их послушают несколько раз, а потом это всем надоест. Надо дать конкретный план и втянуть в выработку этого документа население. Это надо сделать поскорее. Дело не в том, чтобы осуществить конституцию. Это не скоро будет. Надо сделать ее рычагом для подготовки масс к объединению Германии. Англичане и американцы будут стараться купить немцев, поставить их в привилегированное положение. Против этого есть одно средство — подготовить умы людей к единству. Конституция — это очень хорошее средство, замечательное средство.

ПИК говорит, что они уже пробовали сделать это по линии партии в 1946 г.

СТАЛИН говорит, что это не то. Комиссия должна выработать конституцию, а конгресс обсудит ее и одобрит, после чего пустит в народ. Это будет длительный процесс. Если он потребует несколько лет, то вы выиграете от этого. Если умы будут подготовлены к этой идее, тогда единство нельзя разрушить. Тогда американцы должны будут капитулировать. Если вы примете этот совет, это будет хорошо.

ГРОТЕВОЛЬ заявил, что они того же мнения и что это даст возможность для конкретной агитации.

СТАЛИН подтверждает. Весь народ ждет этого и он получит материал. И никакая Америка ничего с этим поделывать не сможет. Таким путем вы все население свяжете с конгрессом. Авторитет конгресса надо повышать. Сталин говорит, что объединение Германии сразу не придет. Надо драться за объединение Германии агитацией и пропагандой.

Сталин спрашивает, какие еще имеются вопросы и торопятся ли они с отъездом.

ПИК говорит, что торопятся и собираются лететь в понедельник.

СТАЛИН спрашивает, нельзя ли дольше задержаться.

ПИК спрашивает о возможности предать поездку гласности. С разрешения Соколовского они уже сказали о поездке членам секретариата СЕПГ.

СТАЛИН говорит, что нам все равно, объявят они о поездке или нет. Надо подумать, как лучше для партии. Для вас, может быть, гласность будет немного вредной. Скажут, вот они съездили в Москву, получили приказ Москвы, а ничего своего у социалистов нет, они действуют по приказам. Он, Сталин, не знает, нужно ли об этом кричать. Если был бы в Москве кто-либо от Немецкой экономической комиссии с участием представителей разных партий, это было бы другое дело, а так можно испортить дело, поскольку будут говорить, что у социалистов нет своей головы. Не скажут ли так? Обсудите и сами решите.

ПИК соглашается со Сталиным и говорит, что, может быть, настанет время, когда в Москву сможет поехать делегация Народного совета.

СТАЛИН говорит, что тогда можно будет говорить о поездке, а сейчас это внутреннее дело партии.

ПИК говорит, что они дадут отчет о поездке членам секретариата партии.

СТАЛИН соглашается с этим. Они послали вас, они должны и выслушать. Вы должны отчитаться перед ними.

Далее Сталин спросил, не могут ли они остаться в Москве до среды, тогда, может быть, будет дан ответ по интересующим их вопросам.

ПИК сказал, что могут остаться. Ввиду пасхальных дней их отсутствие в Берлине будет незаметным.

В заключение СТАЛИН поинтересовался, как устроились в Москве Пик и Гротеволь и хорошее ли у них питание.

ПИК и ГРОТЕВОЛЬ поблагодарили и попрощались со Сталиным.

Беседа продолжалась два с половиной часа — с 19.00 до 21.30.

Записали:

В. Семенов

Г. Короткевич

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 303. Л. 24—49. Заверенная копия.

Примечания

¹ *Сталин И.В.* (1879—1953) — секретарь — (Генеральный секретарь) ЦК ВКП(б), председатель Совета народных комиссаров (с 1946 г. — Совета министров) в 1941—1953 гг.

² *Пик Вильгельм* (1876—1960) — в 1931—1943 гг. член Президиума и секретарь Исполкома Коминтерна, с 1946 г. один из двух председателей Социалистической Единой Партии Германии (СЕПГ), с 1949 г. — Президент ГДР.

³ *Гротеволь Отто* (1894—1964) — в 1946—1954 гг. один из двух председателей СЕПГ, с 1949 г. — премьер-министр ГДР.

⁴ *Молотов В.М.* (1890—1986) — в 1926—1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС, в 1939—1949 и 1953—1957 гг. нарком (министр) иностранных дел СССР.

⁵ *Жданов А.А.* (1896—1948) — с 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

⁶ *Маленков Г.М.* (1902—1988) — в 1946—1957 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б) — КПСС.

⁷ *Семенов В.С.* (1911—1992) — с 1946 г. политический советник при главном начальствующем Советской военной администрации в Германии (СВАГ).

⁸ *Короткевич Г.Я.* (1916—1992) — референт Отдела международной информации ЦК ВКП(б).

⁹ *Эльснер Фред* (1902—1977) — в 1945—1946 гг. член Секретариата ЦК КПГ, с 1947 г. — член правления СЕПГ.

¹⁰ План Маршалла — программа восстановления и развития Европы после второй мировой войны на основе экономической помощи со стороны США. Провозглашена государственным секретарем США Дж. Маршаллом 5 июня 1947 г.

¹¹ Веймарская республика — неофициальное название Германии в 1919 — 1933 гг. (до прихода нацистов к власти), вошедшее в употребление по месту работы Национального (учредительного) собрания в г. Веймар, где 31 июля 1919 г. была принята новая республиканская конституция страны.

¹² *Гитлер Адольф* (1889–1945) — лидер национал-социалистской партии Германии, диктатор в 1933–1945 гг., главный военный преступник в годы второй мировой войны.

¹³ Немецкий народный конгресс за единство и мирный договор был созван в Берлине 6–7 декабря 1947 г. по инициативе СЕПГ. На нем была избрана делегация, которой поручалось довести до сведения проходившей тогда Лондонской сессии СМИД содержание принятого конгрессом Манифеста по вопросам германского единства и заключения мирного договора (см. прим. 14).

¹⁴ 5-я сессия СМИД проходила в Лондоне с 25 ноября по 15 декабря 1947 г. Западные державы, уже вставшие на путь создания сепаратного западногерманского государства, отвергли советские предложения по германскому вопросу и настояли на досрочном прекращении работы сессии, не назначив дату ее следующего созыва. Они отказались также принять и заслушать делегацию Немецкого национального конгресса.

¹⁵ Второй Немецкий национальный конгресс состоялся в Берлине 17–18 марта 1948 г., в сотую годовщину революции 1848 г. Принял решение о проведении общегерманского референдума по вопросу о единстве страны. Западные державы запретили на территории западных зон оккупации деятельность Конгресса, который приступил к созданию местных организаций.

¹⁶ Центральными проблемами революции 1848 г. в Германии были вопросы единства и буржуазно-демократических преобразований. Она была частью революционной волны, прокатившейся по другим европейским странам (Франция, Австрия, Италия) и получившей название «весны народов». Поражение революции в Германии замедлило решение проблем, стоявших перед немецким народом.

¹⁷ Немецкая экономическая комиссия (НЭК) была создана приказом СВАГ от 12 февраля 1948 г. вместо существовавшей до того времени зональной Экономической комиссии. НЭК отличалась более широким составом, поскольку в нее вошли представители пяти земель, охватывавших СЗО, а также значительно расширенными полномочиями (право издавать законы, постановления и распоряжения для гражданских административных органов СЗО).

¹⁸ *Землер Йоханнес* (1898–1973) — член ХДС, представитель Баварии в Экономическом управлении Бизонии в 1947–1948 гг.

¹⁹ *Шумахер Курт* (1895–1952) — лидер СДПГ в западных зонах оккупации Германии, непримиримый противник проводившихся в советской зоне революционных преобразований.

²⁰ *Соколовский В.Д.* (1897–1968) — маршал Советского Союза, в 1946–1949 гг. главноначальствующий СВАГ и главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии.

²¹ Демократический женский союз был образован на учредительном съезде в марте 1947 г. на основе объединения антифашистских женских организаций, действовавших ранее на уровне муниципалитетов, провинций и земель.

²² Союз свободной немецкой молодежи возник в течение 1946–1947 гг. в результате ряда организационных мероприятий, поддержанных СЕПГ, и фактически стал ее молодежной организацией.

²³ Имеется в виду 5-я сессия СМИД в Лондоне 25 ноября — 15 декабря 1947 г.

²⁴ В первой половине 1948 г. в Лондоне проходило сепаратное совещание трех держав — США, Англии и Франции, к которому через несколько дней были также подключены страны Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды и Люксембург), обсуждавшее германский вопрос. Совещание длилось (с перерывом) с 28 февра-

ля по 1 июня 1948 г. Оно перечеркнуло принцип подготовки мирного договора с Германией теми державами, которые подписали акт о ее безоговорочной капитуляции. Принятое на этом совещании по итогам его первого этапа 6 марта 1948 г. сообщение говорилось, в частности, о намерении его участников включить в «план Маршалла» три западных зоны оккупации Германии, что стало дальнейшим шагом на пути раскола не только Германии, но и Европы, а также дальнейшего отхода от согласованных ранее принципов и процедуры подготовки мирного договора с Германией.

²⁵ Национальный комитет «Свободная Германия» был создан в СССР летом 1943 г. из числа немецких военнопленных офицеров и солдат, а также представителей антифашистской немецкой эмиграции в обстановке коренного перелома в войне после Сталинградской битвы. Одним из его руководителей был В.Пик. Президентом был избран писатель-антифашист Эрих Вайнерт. Комитет развернул широкую пропагандистскую кампанию. Под его эгидой действовало несколько антифашистских школ, готовивших кадры пропагандистов. С осени 1943 г. при нем был образован «Союз немецких офицеров», в котором к концу войны насчитывалось 4600 человек, в том числе 60 генералов и один фельдмаршал — Ф.Паулюс. Комитет стал серьезным резервом кадров для гражданской администрации СЗО Германии, а в последующем — и для ГДР. Комитет прекратил свою деятельность в ноябре 1945 г.

²⁶ *Суслов М.А.* (1902–1982) — с 1947 г. секретарь ЦК ВКП(б), позднее (с 1952 г.) член Президиума (Политбюро) ЦК ВКП(б)—КПСС.

«ИСПЫТАТЕЛЬ»

К 75-летию космонавта В.М.Комарова.

В марте 2002 г. исполняется семьдесят пять лет со дня рождения Владимира Михайловича Комарова — летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза.

Родился В.М. в Москве 16 марта 1927 г. В 1949 году закончил Высшее авиационное училище летчиков, а в 1959 г. — Военно-воздушную инженерную академию им. Н.Е.Жуковского. В первый отряд космонавтов Комаров был зачислен в марте 1960 г. С этого момента вся его жизнь была связана с космосом. Здесь он начал подготовку к космическим полетам, здесь встретил своих будущих друзей-космонавтов, чьи имена знает сейчас весь мир.

Многообразие задач, возникших перед пилотируемой космонавтикой после полетов космических кораблей типа «Восток», потребовало создания новой техники. Для проведения более широкой программы испытаний, исследований и экспериментов, увеличения продолжительности полетов нужен был новый корабль — многоцелевой, многоместный, имеющий более совершенное оборудование. Таким кораблем должен был стать «Восход». На нем и совершил свой первый полет В.М.Комаров.

Космический корабль «Восход» стартовал 12 октября 1964 г. На борту находился экипаж в составе командира-инженер-полковника В.М.Комарова; членов экипажа — кандидата технических наук К.П.Феоктистова и врача Б.Б.Егорова. Целями этого полета являлись испытания нового многоместного космического корабля, исследование работоспособности и взаимодействия членов экипажа, проведение физико-технических и медико-биологических экспериментов, изучение влияния факторов полета на человеческий организм.

Космонавты находились в корабле без скафандров. За сутки полета экипажем был выполнен ряд научно-исследовательских работ. Космонавт Комаров, как командир корабля, помимо руководства экипажем контролировал показания приборов и действие бортовых систем, поддерживал радиосвязь с Землей, наблюдал за поверхностью планеты при различной освещенности, вел записи в бортовом журнале.

Научный сотрудник-космонавт Феоктистов контролировал работу оборудования и параметры бортовой аппаратуры корабля, по сигналам с Земли корректировал бортовые часы и сверял навигационный индикатор «Глобус», вел визуальное наблюдение, проводил киносъемку горизонта и ореола атмосферы Земли, измерял яркость звезд, выполнял опыты с поведением жидкости в невесомости.

В течение полета весь экипаж находился под неослабным наблюдением врача Егорова. Он изучал состояние центральной нервной системы и работоспособность членов экипажа, влияние комплекса факторов полета на сердечно-сосудистую систему и состав крови, исследовал внешнее дыхание, газообмен и энергозатраты в невесомости, контролировал работу систем жизнеобеспечения и оценивал их эффективность.

Задачи, поставленные перед первым в мире космическим коллективом, были выполнены полностью. Корабль благополучно приземлился 13 октября в 312 километрах северо-восточнее г. Кустаная. Благодаря двигателям мягкой посадки, «Восход» настолько мягко коснулся Земли, что космонавты, по их свидетельству, не ощутили никакого удара в момент касания земной поверхности.

После полета В.М.Комаров продолжал тренировки в Центре подготовки космонавтов. Он понимал, что впереди его ждет новая интересная работа. Это

были годы подготовки к новому полету. Комаров и другие космонавты изучали новую технику на заводах, в различных конструкторских бюро, лабораториях. Если корабли типа «Восток» и «Восход» предназначались для выполнения определенных научных и технических задач, то космические корабли следующего поколения должны были обладать более широкими техническими возможностями и позволять решать комплекс задач, стоящих перед космонавтами, подвести их к новому рубежу — созданию долговременных орбитальных пилотируемых станций.

Еще продолжались старты «Востоков» и «Восходов», а конструкторы и ученые работали над кораблем, который должен был открыть новую страницу в истории космонавтики. Таким кораблем стал «Союз». Объем работ был выполнен огромный. Только конструкторская документация составила несколько тысяч листов чертежей, схем и инструкций. Почти пять лет велся проектирование, разработка, постройка и испытания систем. Корабль состоял из трех основных отсеков: спускаемого аппарата, орбитального и приборно-агрегатного. Космонавт Комаров начал изучение и исследование корабля еще в то время, когда «Союз» только строили.

Возможности нового корабля были достаточно велики. Он мог совершать маневры в космосе, осуществлять поиск другого корабля, сближаться с ним и причаливать к нему. «Союз» напоминал гигантскую птицу. Это сходство придавали ему многометровые панели-крылья солнечных батарей.

И вот наступило утро 23 апреля 1967 г. На этот день был назначен старт космического корабля «Союз-1». Провести первые летные испытания было поручено Комарову. Такой выбор был сделан не случайно. Недаром Сергей Павлович Королев сказал о нем однажды: «Я вижу в нем умелого испытателя космических кораблей».

Когда все было готово к старту, Владимир Михайлович тепло попрощался со своим дублером — Юрием Алексеевичем Гагариным, друзьями, близкими. Поднявшись на лифте к кораблю, он поднял руки в прощальном приветствии.

Старт «Союза-1» прошел успешно. Земля пожелала Комарову успешного полета. 24 апреля на орбиту планировался вывод космического корабля «Союз-2» с космонавтами В.Ф.Быковским, А.С.Елисеевым и Е.В.Хруновым. После взаимного поиска и сближения корабли должны были состыковаться. Предполагалось, что после стыковки Елисеев и Хрунов перейдут с «Союза-2» на борт «Союза-1» в скафандрах «Ястреб» через открытый космос. Выполнив этот эксперимент, кораблям предстояла расстыковка и посадка на Землю.

Но запланированного успешного полета не получилось. На Землю с борта корабля «Союз-1» прилетело тревожное сообщение о том, что одна из двух панелей солнечных батарей системы электропитания не раскрылась. Это означало, что «Союз-1» оказался на скудном энергетическом питании. Поскольку именно этот корабль должен был совершать маневры сближения и стыковки, требующие повышенных энергозатрат, стало ясно, что старт «Союза-2» придется отменить. После этого началась целая серия серьезных неполадок.

На четвертом витке, несмотря на экстремальную ситуацию, космонавт отправил на Землю запланированную радиограмму, в которой поздравил народы Советского Союза с приближающимся 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

Полет был приурочен к этой дате и, как ни горько сознавать, оказался преждевременным. До старта «Союза-1» было произведено несколько запусков кораблей этого типа в автоматическом режиме, без человека на борту. Большинство из них прошли неудачно. Но даже после таких неутешительных результатов было принято решение о запуске пилотируемого корабля. Будучи человеком долга и испытателем по призванию, даже в таких трудных условиях В.М.Комаров выполнил большую и сложную программу отработки систем нового корабля. Космонавт совершал маневрирование в околоземном пространстве, проводил испытания

основных бортовых систем в различных режимах работы, давал оценку техническим характеристикам «Союза-1».

В Центре управления полетом было решено досрочно прекратить полет «Союза-1», но на расчетном витке корабль на посадку не пошел. Внезапно нарушилась автоматическая ориентация, и двигатель на торможение не включился. Тогда Земля разрешила произвести спуск с помощью ручной ориентации. Ранним утром 24 апреля 1967 г. «Союз-1» пошел на посадку. В сложившейся ситуации действия Комарова были безупречными. Он точно сориентировался, и корабль шел в намеченную точку посадки в Оренбургской области. Связь с космонавтом прервалась в расчетное время. После разделения отсеков спускаемый аппарат прошел участок торможения в плотных слоях атмосферы и погасил первую космическую скорость. Однако на конечном этапе спуска из-за отказа парашютной системы спускаемый аппарат «Союза-1» с огромной скоростью врезался в Землю. Трагически оборвалась жизнь космонавта, инженера-испытателя космических кораблей Владимира Михайловича Комарова.

Поисковый вертолет обнаружил на месте приземления разбившийся и горящий спускаемый аппарат. Останки космонавта были перевезены в Москву и 26 апреля захоронены в Кремлевской стене на Красной площади.

Друзья-космонавты тяжело переживали гибель своего товарища. «Дикая нелепость — смерть Володи, — писал космонавт Б.Б.Егоров. — Я все понимаю и понимаю, что слова эти слишком эмоциональны, чтобы быть точными, но все же... Инженер, летчик, ученый, командир космического корабля, — в нем идеально сочетались воля и интеллигентность. Володя Комаров прекрасно знал, как тяжела и опасна его профессия, но на стартовом столе он был неизменно спокоен».

Вскоре после трагедии Ю.А.Гагарин сказал: «Мы научим летать «Союзы». Его слова стали пророческими. Через полтора года после старта «Союза-1» были запущены космические корабли «Союз-2» и «Союз-3». Оба полета были успешными. Первый корабль был беспилотным, а второй пилотировал космонавт Г.Т.Береговой.

Имя Владимира Михайловича Комарова навсегда вошло в героическую историю изучения и освоения космоса. Архивные документы, хранящиеся в Российском государственном архиве научно-технической документации (РГАНТД), сохранили для нас образ этого замечательного человека. В настоящем номере журнала вниманию читателей предлагаются фотографии В.М.Комарова из фондов РГАНТД, сеансы связи с ним во время полета на корабле «Союз-1» (док. № 1), выступления на торжественном вечере, посвященном 60-летию со дня рождения В.М.Комарова, воспоминания его одноклассницы Н.И.Юдиной и друзей-космонавтов — К.П.Феоктистова, Б.Б.Егорова, А.С.Елисеева (док. № 2).

Публикацию подготовили Е.Ю.БАШИЛОВА и Т.А.ГОЛОВКИНА.

№ 1

Сеансы связи с командиром космического корабля «Союз-1», летчиком-космонавтом В.М.Комаровым

23 апреля 1967 г.

1-й — 3-й виток

Рубин^а: Самочувствие отличное, перегрузки маленькие. Двигатели работают устойчиво. Все в порядке, полет устойчивый. Сейчас открою

^а Рубин — позывные В.М.Комарова.

иллюминаторы и посмотрю. В иллюминаторе вижу темное черное небо. Внизу сзади яркое Солнце.

Рубин: Перегрузки небольшие. Сейчас, наверное, пол единицы, не больше. Спокойно держу в руках бортовой журнал, произвожу записи. Мне с кресла невозможно сейчас встать, поэтому я не вижу горизонта. Полет устойчивый. Я даже не чувствую, что лечу головой вниз. Все идет нормально. Самочувствие отличное. Перегрузка плавно возрастает.

Рубин: Произошло разделение ракеты. Самочувствие отличное.

Заря^а: Вас понял.

Рубин: Слышу Вас, «Заря». 3 часа 48 минут. Самочувствие отличное. Солнечная батарея раскрылась. В правый иллюминатор вижу последнюю ступень, которая вращается со скоростью примерно 1,2 оборота в секунду.

Заря: Вас понял.

Рубин: В правый иллюминатор видно раскрывшуюся солнечную батарею. В левом иллюминаторе я не вижу ее. Прием.

Заря: Понял Вас, «Рубин». Желаем счастливого полета.

Рубин: Понял Вас. Желаете счастливого полета. Вижу Землю. Хорошо видны реки, горизонты.

Рубин: Солнечная батарея видна в правый иллюминатор, в левый иллюминатор батареи не вижу. Солнечная батарея направлена тыльной стороной в сторону солнца.

Заря: Проверьте включение телекамеры. Не видим вас. Выключите осушитель¹.

Рубин: Понял Вас. Осушитель выключил.

Заря: Доложите о проведении закрутки².

Рубин: Открылась правая солнечная батарея. Программа закрутки была выполнена.

Заря: Понял Вас. Доложите о левой батарее.

Рубин: Левая батарея не открылась. Открылась только правая батарея.

Заря: Вас понял.

Рубин: Погасло табло «Закрутка на Солнце». Солнце вышло с экрана ВСК^б.

Заря: Понял. Примите данные по орбите: перигей³ — 209, апогей⁴ — 224,1, наклон — 61, 67, период — 88, 62.

Рубин: Понял Вас. «Заря», мне необходимо разрешение открыть левую солнечную батарею.

Для этого включить антенну первой группы с ПК^в. Это первое. И второе: необходимо вручную выполнить закрутку на Солнце. Прием.

Заря: Разрешаю.

Рубин: Понял Вас.

Заря: «Рубин», как у Вас солнечная батарея через левый иллюминатор? Прием.

^а Заря — позывные Земли.

^б ВСК — визир слежения космонавта.

^в ПК — панель космонавта.

Космонавты К.П.Феоктистов
и В.М.Комаров на прогулке
по Москве. Август 1964 г.
Арх. № 0-28 ЦВ

С.П.Королев с членами экипажа КК «Восход». Байконур.
Сентябрь 1964 г. Арх. № 0-006938 ЦВ

В.М.Комаров в салоне автобуса
в день запуска КК «Восход».
Байконур. 12 октября 1964 г.
Арх. № 0-1420 ЦВ

Командир корабля «Союз-1»
космонавт В.М.Комаров.
Апрель 1967 г.
Арх. № 0-151 ЦВ

Рубин: Солнечная батарея через левый иллюминатор не видна. Она не открылась.

Заря: Понял. Передайте данные о давлении.

(Рубин докладывает).

Заря: Понял Вас.

Рубин: Мне нужно получить от Вас разрешение на выполнение ручной закрутки. Как поняли меня? Прием.

Заря: Разрешаю вручную провести закрутку на Солнце. Как идет сейчас корабль?

(Рубин не выходит на связь около 5-ти минут).

Заря: Доложите положение антенн.

Рубин: Положение антенн следующее: правая антенна раскрыта, левая антенна не раскрылась.

Заря: Понял Вас. Вручную закрутку не выполнять. Не выполнять, потому что при включении ручной ориентации [...] и корабль не стабилизируется.

Рубин: Понял Вас.

Заря: При коррекции пересечь в левое крыло.

Рубин: Вас понял. Когда будет коррекция, на пятом витке?

Заря: Да, на пятом витке. Прошу повторить, как реагировал корабль при автоматической закрутке.

Рубин: При автоматической закрутке на Солнце корабль сориентировался на Солнце. Солнце было в центре экрана ВСК. После того, как корабль вошел в тень Земли, Солнце вышло из экрана ВСК.

4-й виток

Рубин: Разрешите передать радиограмму № 1 «Народам Советского Союза».

«Внимание! Говорит борт космического корабля «Союз-1».

Народам Советского Союза.

В канун славного исторического события — 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции передаю горячий привет народам нашей Родины, прокладывающей человечеству путь к коммунизму!

Летчик-космонавт Комаров».

(Дальше «Рубин и «Заря» проводят сверку времени. Время — 7 часов утра).

Рубин: Регистрирую ток солнечной батареи. Когда она попадает на Солнце, ток — 12—14 ампер.

Заря: Вас понял.

Рубин: Корабль вращается со скоростью примерно 0,75 градусов в секунду. Вы можете сами подсчитать, как часто батарея попадает на Солнце.

Заря: Понял, спасибо.

(На 5-м витке обсудили, что в случае непрохождения автоматической коррекции придется ориентироваться вручную).

РГАНТД. Арх. № 131-2 (дор. 2) (фоно).

^a Далее неразборчиво.

№ 2

Выступления на торжественном вечере, посвященном 60-летию со дня рождения летчика-космонавта СССР В.М.Комарова

Записаны 16 марта 1987 г. в Москве

Выступление Н.И.Юдиной — одноклассницы В.М.Комарова

Поскольку мне редко приходится выступать перед аудиторией, то я очень волнуюсь. Как было сказано, я — одноклассница Володи Комарова. К этому я хочу добавить, что я не только его одноклассница — мы с ним и росли вместе, в одном дворе, почти с пеленок.

Там, где сейчас ровная, заасфальтированная площадь на подступах к огромному спортивному комплексу Олимпийский, стояла раньше целая вереница — они были как бусы, нанизанные на нитку, — маленьких двухэтажных домиков. Каждый дом имел при себе дворик, окруженный забором (во время войны заборы были сломаны). Я жила в доме номер 43, а Володя — в доме номер 41. Забор между нашими домами нас, детей, не разделял — мы через него перелезали и играли все вместе, еще до школы. На улицу мы не бегали. Исключение составляла только наша любимая игра. Заключалась она в том, что мы с листочками в руках выходили к воротам, и еще плохо разбираясь в цифрах, записывали номера проезжавших машин — кто больше. Как у всех детей в мире, у нас почти у каждого была мечта. У моего брата (он немного моложе нас с Володей) была мечта стать пожарником, потому что неподалеку от нас была расположена пожарная часть. Она и сейчас там — только теперь это Музей пожарной техники. А у Володи мечта была — стать летчиком. И это были не просто красивые слова, которые так часто теперь повторяют. Еще мы любили играть в теплые весенние и осенние дни в казаки-разбойники, лазали на чердаки наших двухэтажных домов. Мы были маленького роста, а балки там так низко нависали, что когда мы в темноте, в полумраке туда залезали, то обязательно кто-нибудь лбом в эту балку «въезжал». Было очень весело. А когда мы выглядывали из окошка чердака на нашу бывшую Третью Мещанскую улицу, мы думали: «Какая высьотища!» — аж дух захватывало! (второй этаж!)

Зимой мы гуляли с утра и до позднего вечера, катались во дворе на лыжах. Лыж у нас было настолько «много», что мы с Володей катались так: он на одной лыжине, я на другой, потом чередовались, я свою лыжину отдавала брату и т. д.

В нашем дворе рос огромный серебристый тополь. Он был очень высокий и старый, с толстым стволом. Его крона, как зонтик, накрывала наш двор, а зимой Марья Алексеевна, дворник нашего двора, свозила со всей улицы и со всего двора снег к этому тополю. Мы ей помогали, потом делали горку и катались. Вы не представляете, как же было весело! Катались не на санках, а в основном на фанерках. Иногда брали у Марьи Алексеевны большую плетеную корзину, в которой она снег возила.

Наша школа находилась в переулке, носящем изумительное название — Пальчиков переулок. Упирался он в Выползов переулок, в начале которого находилась и сейчас находится татарская мечеть. Лучшее на-

звание этому переулку было трудно придумать — он как бы выползал откуда-то. Школа была построена в 1935 году, и мы, ученики первого класса «Б», первыми пришли в эту школу. В ней еще было сыро, пахло штукатуркой, и наша учительница Марья Ивановна была у нас первой учительницей, а мы у нее — первыми учениками. Вместе мы проучились шесть лет, и все годы, начиная с первого класса, я просидела за спиной у Володи Комарова. Он сидел передо мной на третьей, предпоследней парте. Уже тогда было понятно, что он человек одаренный. Все годы он был у нас непревзойденным математиком, математиком номер один. А я не любила математику и не понимала ее. Когда у нас были контрольные, а я с ними не справлялась, я тихонько стучала Володе в спину, и он отодвигал плечо, показывая мне решение. Но не всегда. Иногда он на меня сердился, говорил, что не будет показывать, справляйся, мол, сама.

Еще я хочу сказать, что Володя вырос в семье, отличительными чертами которой были: исключительная честность, трудолюбие, работоспособность и доброжелательное отношение к людям. Причем, эти черты распространялись на всех без исключения членов семьи. Отец работал круглые сутки. Мать — простая женщина без какой-либо специальности, работала в своей семье — как жена, мать, первый воспитатель своих детей. Она Володе всегда говорила: «Володя, ты посмотри на отца, на его руки. Сколько ему приходится трудиться, чтобы заработать! Учись, сынок, учись». Володя всегда ходил скромно и чисто одетым, в доме у них всегда было чисто и аккуратно. Он часто бывал в нашем доме, потому что дружил с моим братом. У нас в комнате на стене вместо ковра висела огромная карта. Мы ее всю изрисовали карандашами, потому что совершали путешествия по этой карте. Брат мечтал быть моряком, Володя — летчиком. И тот, и другой свои мечты осуществили. Володя стал капитаном воздушного флота, брат — морского. У меня в руках газета за 1965 год, в которой есть статья под названием «Встреча двух капитанов». В ней говорится о том, что когда мой брат, будучи капитаном дальнего плавания, совершал в 1965 году рейс на Кубу, в это же время туда прилетел Володя. Они встретились и были очень рады друг другу, потом неоднократно об этом вспоминали.

Я чрезвычайно тронута и довольна тем, что сегодня — в день, когда Володе должно было бы исполниться 60 лет, о нем не забыли. О нем и не должны забыть, потому что он — наш герой, настоящий герой русского народа.

Выступление доктора технических наук, профессора, Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР К.П. Феоктистова⁵

Мы познакомились с Володей в 1960 году, когда мне пришлось читать лекции отряду космонавтов. Мне он сразу очень понравился — все они были парни молодые, симпатичные, тут без вопросов, но он как-то выделялся из них тем, что держался скромно. Вернее, не то чтобы скромно, — начиная с малознакомым человеком общаться, всегда сначала стесняешься, — а как-то очень естественно. Взгляд его располагал к себе, а это всегда говорит в пользу человека. Он хорошо, активно учился, всегда с полным пониманием изучаемого предмета.

В 1964 году мне пришлось с ним знакомиться как бы второй раз. Он тогда уже выступал в роли командира экипажа, который готовился к полету на корабле «Восход». Это не сразу сложилось: сначала, когда мы готовились, нас было человек семь, т. е. два с лишним экипажа. Еще не было определено, кто с кем летит, и только, если не ошибаюсь, в августе более менее прояснилось, что формируется экипаж в составе трех человек: Комаров, Егоров⁶ и я. Тогда уже мы поняли, что полетим вместе.

Вообще очень приятно вспоминать те годы, когда мы были сравнительно молоды, все было нам интересно. Надо сказать, что сама подготовка была довольно короткой, но очень напряженной. Наша компания работала дружно, относились мы друг к другу с хорошим взаимным уважением. Володя был командиром, но чувство было такое, что мы товарищи, доверяем друг другу и друг на друга надеемся. Полет наш прошел очень интересно и хорошо: за то короткое время, что мы в нем провели, нам удалось сделать достаточно много.

Был у нас там такой момент. Командир должен был специально ориентировать корабль, а мы — записывать показания приборов. В корабле «Восход» было довольно тесно. Даже просто посмотреть в иллюминатор было делом сложным, а чтобы дотянуться до прибора для ориентации, так называемого «Взора», то приходилось и вовсе поднапрячься. Володе, грубо говоря, нужно было поперек нас растянуться, да еще манипулировать ручкой прибора. У него это здорово не получалось, и первый раз за все время знакомства было видно, что он в некотором раздражении. Уж очень было неудобное положение для выполнения задания. Так что была некоторая ворчливость.

Ну, а в общем полет у нас прошел хорошо, все было точно по расписанию. Мы пытались продлить полет подольше, но нам не разрешили, и мы благополучно сели. По окончании полета каждый вернулся к своим делам.

Уже во время подготовки к полету на «Восходе» мы работали над кораблем «Союз». Это был очень сложный корабль, особенно для тех времен. Он шел очень тяжело. Мы с трудом проходили через производство, испытания, чрезвычайно сложными были испытания парашютной системы. После беспилотных испытательных полетов, наконец, вышли на пилотируемые. И первым, кто пилотировал корабль «Союз-1», стартовавший в апреле 1967 года, был Володя Комаров.

Полет проходил непросто. Было замечено несколько отказов в аппаратуре, которая на посадку не влияла. После обсуждения было произведено уточнение программы полета и принято решение идти на спуск с использованием ручного управления. Все было правильно сделано. Володя выполнил подготовку к спуску, ориентацию, была включена тормозная двигательная установка. Была связь до входа в атмосферу, телеметрия показывала, что все идет нормально. А потом, уже после выхода корабля из плазмы — молчание, никаких сигналов, которые мы обычно получаем, когда корабль приземлится. Оказалось, что не сработала парашютная система.

Была назначена комиссия, которая не смогла однозначно определить причину. Было несколько версий, которые никогда не публиковались. Одна из них — технологическая, смысл которой в том, что была

нарушена технология изготовления парашютного контейнера, но никаких документов, это подтверждающих, уже тогда не сохранилось. Некоторые конструкторы вспоминают, что кто-то кому-то говорил, что была нарушена технология. Было повышенное трение в самом контейнере, что затрудняло выход основной упаковки, основного парашюта корабля. Он просто не вышел из контейнера. А происшедшее дальше — уже следствие. У нас фон дублировался запасной парашютной системой, она была введена, но поскольку основание вышло, то имело место вращение корабля, стропы обвились вокруг строп тормозного купола основной парашютной системы, скорость осталась очень высокой, и корабль при спуске разбился.

Было еще несколько гипотез, связанных с давлением, с прочностью стенок парашютного контейнера, малостью его объема. Но как всегда в тех случаях, когда однозначного ответа нет, провели все мероприятия, не очень понимая, какое из них явилось решающим.

С тех пор прошло больше двадцати лет. Нами была проведена большая отработка — все делали заново. Она прошла очень чисто, без замечаний. И с тех пор в кораблях «Союз» по этой части всегда все было в порядке. Хотя осталось непонятным — вроде и тогда все должно было быть в порядке, но, видимо, сыграли роль случайности, из-за которых все и произошло.

Каждый раз, когда мы проникаем в новую сферу деятельности или создаем новые машины, мы наталкиваемся на неожиданности, связанные с тем, что это единичное производство, единичное изготовление. А это была машина № 1 в серии кораблей «Союз». В ней — десятки тысяч деталей, тысячи километров проводов, громадное количество приборов. И все они не идут большой серией, как в автомобилях или самолетах, а являются единичными экземплярами. А единичные ошибки выявить гораздо труднее. Это всегда неизбежно связано с жертвами. Всегда это тяжело, и каждый раз, когда мы, инженеры, вспоминаем о Володе Комарове, — это в первую очередь напоминание самим себе об ответственности, о том, что нужно десять раз проверить на Земле даже понятные вещи, которые уже и проверены, и опробованы. При любом удобном случае пусть будет дополнительная проверка. Этот полет нам всегда напоминает об особенно тщательном проведении отработки, об осторожном отношении к новым проектам. Но в то же время это неизбежно, потому что проникновение в новый мир всегда связано с неожиданными и тяжелыми утратами.

Володя Комаров был первой жертвой космической техники, мы вспоминаем об этом с болью, но в то же время вспоминаем о нем тепло. И дело не в том, чтобы увековечить память, формально создать музеи и памятники. Самое важное — сделать правильные выводы для самих себя, чтобы трезво и ответственно жить и работать, стараться работать так, чтобы избежать повторения таких трагедий. И всегда хорошо помнить этого замечательного человека.

Выступление доктора медицинских наук, директора Института биотехнологии, летчика-космонавта СССР Б.Б.Егорова

Когда рассказываешь о Володе Комарове, очень трудно выступать. Дело в том, что в этом человеке настолько превалировали положитель-

ные качества, что когда начинаешь рассказывать о нем, то волей-неволей рождается какая-то схема. Схема очень хорошего человека. Судите сами. Во-первых, это человек очень широкого круга интересов — он интересовался буквально всем. Много читал, прошел достаточно хорошую техническую подготовку, был летчиком. Буквально рвался к космическим полетам. По-настоящему рвался. Не кричал об этом на каждом углу, а делал все возможное для того, чтобы стать одним из участников подготовки к полетам, одним из первых побывать в космическом пространстве. Он был настоящим романтиком космоса. При этом Володя — человек невероятной скромности и доброжелательности, что сразу видно по его лицу. Эти добрые, улыбочивые глаза, это умение выслушивать и понимать человека — сразу к себе располагали. Он мог внимательно обсудить с человеком его личные проблемы. В связи с этим он вел и большую общественную работу, особенно после полета. Это человек неистощимого юмора, причем, он не только прекрасно сам умел шутить, но и понимал, когда над ним шутят. Это тоже говорит о его человеческом достоинстве.

Все выше перечисленное представляется мне как совокупность качеств, говорящих о том, что дело имеешь с очень умным человеком. Но умных людей много. У этого человека, кроме ума, доброжелательности и отличных человеческих качеств были некоторые особые черты, которые позволили ему действительно осуществить свою мечту. Это, во-первых, колоссальное упорство — именно упорство, а не упрямство, и во-вторых — колоссальная сила воли. Наверняка многие из вас знают, что его путь в космонавты был не очень-то гладким. Если я не ошибаюсь, медики дважды говорили ему, что для него путь в космос закрыт — дефекты здоровья. Причем, некоторые из них связаны с проведением операционных вмешательств. После этого, когда лишь по его настоятельному требованию ему давали испытательный срок, он делал все возможное, чтобы успешно пройти комиссию. И раз за разом он ее успешно проходил — человек колоссального упорства и мужества.

Его последний, второй полет, тоже достался ему нелегко. Корабль «Союз» — прототип тех кораблей, на которых летают до сих пор — по тем временам (20 лет назад) являлся очень сложной машиной. И во время полета были сложности, были особенности, не все ладилось. Естественно, Земля нервничала, переживала. А этот человек, находясь один на новом корабле в открытом космосе, не без юмора всех сверху успокаивал: «Да успокойтесь, разберемся, все будет нормально, не волнуйтесь». Причем, абсолютно ровным, спокойным тоном, изредка перемежая эти серьезные фразы шутками — при этом работая очень четко и грамотно. Я в это время работал в группе, которая осуществляла медицинский контроль за состоянием его здоровья во время полета. По частоте пульса, по речи, да по всему можно было сказать, что работает хорошо подготовленный человек, понимающий, что он имеет дело с новой техникой, при испытании которой могут быть отказы. И лучше их выявить пораньше. Он проводил настоящий испытательный полет. К сожалению, он закончился трагически, но память об этом необычном и очень обаятельном человеке навсегда сохранится в наших сердцах.

*Выступление доктора технических наук, ректора
Московского высшего технического училища им. Н.Э.Баумана,
летчика-космонавта СССР А.С.Елисеева⁷*

Трудно делиться впечатлениями о знакомом человеке, трудно представить себе Володю Комарова в возрасте 60-ти лет. Начать свое выступление я хотел бы с выражения благодарности всем, кто пришел сюда, особенно молодым людям, которые пришли прикоснуться мыслями к жизни этого большого человека. Его жизнь была очень богатой. Юношей он ушел в авиацию, прекрасно летал, получил высшее авиационное образование. Когда шел набор первых космонавтов, то отбирали сильнейших. Был сделан запрос в авиационные части с просьбой дать рекомендации на лучших летчиков, наиболее грамотных, дисциплинированных, увлеченных. И вот Владимир Михайлович попал в их число. С первых дней в Звездном городке он готовился к полетам — сначала к первому, когда вместе с ним готовилось много народу, затем — к собственному. В то время мне изредка доводилось видеть его на тренировках. Первый полет был непростой, впервые космонавты должны были сесть вместе со спускаемым аппаратом, впервые они уходили в космос и возвращались на Землю без скафандров. Корабль был оборудован особо, имел два двигателя, на нем были поставлены в качестве эксперимента новые системы — это был, конечно, уже не «Восток».

И не успел завершиться этот полет, как Владимир Михайлович оказывается в экипаже нового корабля «Союз», который на порядок сложнее «Восхода». Примерно в это время, когда он начал готовиться к полету, группа молодых инженеров, в том числе и я, попали в Звездный городок. Получилось так, что мы и в гостинице попадали в одни номера, и на занятиях часто встречались. Удивляло то, что человек, только что вернувшийся из полета, окруженный огромным вниманием людей, в ореоле славы — в общении был совершенно простым. Ни в каком разговоре, никаким своим поведением не обнаруживал он какого-то другого отношения к нам. Он был очень прост в обращении, очень гостеприимен — мы бывали в гостях и у него в семье — и очень увлечен своим делом. Создавалось впечатление, что он постоянно о чем-то думал. Он был малоразговорчив: больше слушал, чем говорил. Никогда себя не хвалил — бывает, что человек, начиная вспоминать какие-то страницы своей биографии, косвенно или прямо себя восхваляет, а у Володи этого не было никогда. Он рассказывал о чем-то таком, что он наблюдал как свидетель, стараясь минимально говорить о себе.

Жаль, что его сейчас с нами нет. Но жизнь его должна вызывать зависть у многих из нынешнего поколения. Он — наш современник. Он стартовал практически на такой же ракете, на каких стартуют и сейчас, на том корабле, который недавно перестал эксплуатироваться. Будучи таким молодым, он имел широкий круг увлечений — интересовался освоением новой техники, тянулся к знаниям, к общению с людьми. Он умел веселиться, умел быть в компании, но это у него всегда занимало только паузы между работой. Я видел его при подготовке ко второму полету, видел, насколько детально он продумывал минуты, а иногда и секунды этого полета. Видел, как он консультировался — задавал массу

вопросов ученым, инженерам, космонавтам, которые бывали в полетах, и видно было, что в голове он проигрывает буквально все. Я видел его и в ту ночь, когда он стартовал, и провожал его до ракеты, и видел старт. Он уходил абсолютно спокойный, зная, что все от него зависящее в этом полете он сделает. Летел он в полной уверенности, что все делает правильно. И это действительно было так. Он свою жизнь — богатую событиями и очень содержательную — до конца прожил так, как я бы хотел пожелать прожить любому. На примере его жизни, я уверен, многие будут учиться. И это — главное, что он нам оставил, — пример того, как надо распорядиться своей жизнью.

РГАНТД. Арх. №№ 488-1, 488-2 (фоно).

Примечания

¹ Осушитель (на космическом корабле) — система для удаления водяных паров из атмосферы кабины с целью снижения влажности воздуха до комфортной.

² Закрутка — маневр, выполняемый для ориентации панели солнечной батареи в нужном направлении.

³ Перигей — ближайшая к центру Земли точка орбиты космического корабля, движение которого рассматривается относительно Земли.

⁴ Апогей — наиболее удаленная от центра Земли точка орбиты космического корабля.

⁵ *Феоктистов Константин Петрович* (род. в 1926) — летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза (1964), доктор технических наук. Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР.

⁶ *Егоров Борис Борисович* (род. в 1937) — летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза (1964), доктор медицинских наук.

⁷ *Елисеев Александр Станиславович* (род. в 1934) — летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза (1969), доктор технических наук.

«Я ЛЕВЫЙ ИЗ ЛЕВЫХ, ДЕМОКРАТ, СОЦИАЛИСТ...»

Архивная справка на В.Л.Бурцева*

После Февральской революции Временное правительство предоставляет Бурцеву (якобы благодаря связи Бурцева с Суревичем, префектом петроградской полиции) возможность ознакомиться с архивами царской охранки¹.

В результате этого Бурцев публикует «черный список» на 15 агентов-провокаторов, посаженных вскоре в Петропавловскую крепость; продолжает выяснять деятельность агента Долина², покончившего с собой и отправившего перед смертью письмо Бурцеву, публикацию которого с интересом ждали; разоблачает провокаторскую деятельность своего бывшего секретаря Носаря³; продолжает доверять Родштейну⁴, которого еще в 1911 г. заподозрили в провокаторстве; убеждает Керенского⁵ в необходимости ареста Ленина и других большевиков.

Газета «Неделя»⁶, издававшаяся в Вене, помещает 23 апреля — 6 мая 1917 г. заметку об отправке Бурцевым Кропоткину⁷ в Лондон телеграммы с настоятельной просьбой приехать в Петроград.

В Петрограде Бурцев продолжает издавать газету «Общее дело»⁸, где выступает с нападками на Ленина.

В газете «Виктуар»⁹ от 16.8.1917 г. помещается заявление Бурцева («крупного русского революционера, разоблачившего Ленина и его сообщников») о его отношении к русским партиям, среди которых выделяет кадетов, объясняет причины своих нападков на Чернова¹⁰, Горького¹¹, считает, что имя Жореса в будущем будет более весомым, чем имя Маркса¹².

В первый день Октябрьской революции Бурцев арестовывается, через французских журналистов, посетивших его в тюрьме, передает для зарубежной прессы новые обвинения Ленина.

Через 5 месяцев, «благодаря счастливому стечению обстоятельств», Бурцеву удается сбежать из тюрьмы, он скрывается в Петрограде, затем уезжает за границу. В Лондоне встречается с Керенским¹³, с которым готов сотрудничать в вопросах интервенции в Россию, в Стокгольме дает интервью для газеты «Матэн»¹⁴, отправляет в эту газету статьи с призывом к интервенции.

В начале августа 1918 г. Бурцев приезжает в Париж, где его встречают Родштейн, Лебедев¹⁵; он имеет встречи с русскими, французскими журналистами, в т.ч. Рубановичем, Г.Эрве¹⁶, объявляет себя независимым от любой партии, о своем намерении сотрудничать со всеми пар-

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 2002. № 1. С. 116—144.

тиями в борьбе «за великую и неделимую Россию» в союзе с Антантой. Вокруг Бурцева группируются представители всех русских организаций, привлеченные призывами Бурцева «спасти Россию», бороться против большевиков и Германии. С ним беседуют генерал Гурко¹⁷, военный аташе А.Игнатьев¹⁸, предложивший якобы в его распоряжение архивы, А.Тома¹⁹, Пишон²⁰, также предложившие свою помощь.

Бурцев агитирует за интервенцию в Сибирь, готов сам поехать во Владивосток в армию союзников.

Русская Республиканская Лига²¹ снабжает Бурцева средствами для публикации 10 тыс. экземпляров его брошюры «Проклятие вам, большевики!»²² («открытое письмо большевикам», написанное им 20.5.1918 г.). МИД Франции одобрило выпуск этой брошюры на русском языке, изданной в декабре 1918 г. Бюро пропаганды французской прессы (имеется в личном деле).

15.9.1918 г. Бурцев возобновляет в Париже издание газеты «Общее дело» с № 24 (имеется № 29 за 31.10.1918 г.) тиражом в 6 тыс. экземпляров, пользовавшейся большой популярностью в русской колонии во Франции и среди солдат Русского экспедиционного корпуса во Франции²³, откуда в редакцию поступало много писем с благодарностью за газету.

Бурцев проживает в это время в Париже по адресу: 7, rue Toullier.

В октябре 1918 г. Бурцев объявляет о своем намерении начать новую кампанию против Ленина, большевиков, заявляет, что в Швейцарии готовится заговор большевиков и монархистов против стран Антанты и т.д.

В этом месяце в посольство Франции в Берне приходит письмо от неизвестного лица, просившего передать его «секретные сведения» очень известному редактору в Париже. Французская разведка тотчас же определила, что речь идет о Бурцеве, т.к. материал в письме содержался откровенно антисоветский.

В ноябре издательский комитет газеты «Русский солдат-гражданин во Франции»²⁴ обращается к Бурцеву за поддержкой в связи с отказом Американского христианского общества молодых людей (VMCA)²⁵ содержать газету и в связи с цензурными осложнениями. Бурцев в своей газете выступает в защиту «Русского солдата», позже намеревался создать вместо нее другую газету при поддержке VMCA.

В протоколах заседаний Русской республиканской лиги за ноябрь 1918 г. имеются сведения, что Лига предлагала привлечь Бурцева в создававшийся Совет блока²⁶ всех эмигрантских организаций, что Бурцев присутствовал на собрании различных русских организаций, на котором «после длительных прений пришли к соглашению на основе программы Уфимского правительства»²⁷.

17.12.1918 г. Бурцев получает телеграмму изерна от бывшего грузинского политэмигранта Ивана Шавишвили²⁸ о необходимости видеть Бурцева по очень важным делам.

Помимо газеты «Общее дело», с целью расширения своей антисоветской деятельности, Бурцев создает в декабре 1918 г. русское теле-

графное агентство «Унион»²⁹ (49, Bd. Saint Michel), имевшее представителей в странах Европы и Америки.

В 1918 г. Бурцев якобы вел кампанию против Керенского, намеревавшегося уехать в США, в результате чего Керенский отказался от поездки.

С конца января 1919 г. Бурцев обитает в Париже в гостинице «Трианон»: 1 bis, rue de Vaugirard, редакция газеты «Общее дело» переехала: 49, Bd. Saint-Michel.

Помимо агентства Бурцева в Париже, в январе 1919 г. создается еще одно агентство с таким же названием, созданное для врангелевской пропаганды (переводчицей работала Melle Plekhanoff³⁰) и тесно связанное с агентством Бурцева.

Имеется экземпляр бюллетеня агентства Бурцева «Унион», № 20, на французском языке.

В феврале 1919 г. Бурцев печатает статьи под рубрикой «Брестское дело». В апреле «Юманите» требует выселения Бурцева из Франции. В сентябре французская полиция обращает внимание на многолюдные ночные собрания во главе с Бурцевым (5, place de la Sorbonne), сообщает о получении Бурцевым важных документов о новом советском правительстве, о Ленине, которые Бурцев не намерен публиковать и разглашать союзникам.

В этом году Бурцев уделяет большое внимание деятельности русских монархистов во Франции, в частности, Корсакову³¹ издателю «Новой России»³², за которым устанавливает слежку.

В личном деле Бурцева имеются телеграммы корреспондентов «Унион» из Ревеля, Варшавы, Берлина (1919, 1920 гг.) с сообщениями о положении на фронтах гражданской войны, направлявшимися Бурцеву в Париж; текст обращения группы французских социалистов (1.11.1919 г.) к Бурцеву, «изгнаннику бывшей русской монархии и большевиков», с просьбой объяснить причины его отказа сотрудничать с Лениным и Троцким³³. В других французских фондах находится экземпляр брошюры Л.Андреева «На помощь! SOS»³⁴ с предисловием Бурцева, написанным 20.3.1919 г. (брошюра издана в Париже в 1919 г. в типографии «Унион»), письмо С.Потехина³⁵ из Ниццы в редакцию газеты «Русская республика»³⁶ (3.11.1919 г.), где автор жалуется, что газета имеется в очень ограниченном количестве в киосках Ниццы: «Нужна большая реклама — момент благоприятен, т.к. фонды Бурцева в общественном мнении очень упали».

В последних числах декабря 1919 г. Бурцев уезжает в Южную Россию для выяснения причин отступления армии Деникина³⁷.

27.4.1920 г. «Юманите» помещает статью с разоблачением связи внутренней контрреволюции с белоэмиграцией, об оказании финансовой помощи Колчаком³⁸, Деникиным, Юденичем³⁹ Бурцеву, Алексинскому⁴⁰ и др. для их антибольшевистской деятельности.

В личном деле на Бурцева имеются свидетельства связи Бурцева с белой эмиграцией: копия его телеграммы из Парижа (142, rue Montmartre) от 6.3.1921 г. Алексееву⁴¹, французской миссии в Хельсинки: «Со-

общите в Кронштадт, Петроград. Организация русских промышленников и торговцев в Париже срочно принимает меры по снабжению повстанцев. Снабжение Кронштадта обеспечено»⁴²; копия телеграммы А.Богаевского⁴³ из Константинополя Бурцеву: «Разрешаю быть представителями казаков Дона, Кубани, Терека, Астрахани на конференции Харламова⁴⁴ и Сычева⁴⁵. Просьба их об этом уведомить».

1.6.1920 г. начальник французской военной миссии в Южной России генерал Манжен⁴⁶ информировал о задержании в апреле посылки с экземплярами газеты «Общее дело», вложенных в экземпляры «Юмани-те», «Попюлер»⁴⁷, «Ваг»⁴⁸. В письме в МИД Франции (имеется в личном деле) Бурцев объясняет это своей давней привычкой со времен царизма вкладывать свои издания в газеты своих политических противников, чтобы усыпить бдительность цензуры.

Согласно обзору польской прессы за май 1920 г., составленному 2[-м] бюро французской военной миссии в Польше, Бурцев отрицательно воспринял польскую интервенцию в Россию и союз Польши с Петлюрой⁴⁹. Он заявил, что Польша «может еще исправить ошибку, порвав с Петлюрой и протянув руку дружбы русским патриотам».

В июле 1920 г. Бурцев опубликовал в «Газетт де Вог»⁵⁰ статью, где призывал к крестовому походу против большевиков и обвинял немцев в ответственности за события в России. В ответ министр иностранных дел Германии⁵¹ опубликовал в газете «Дойче Альгемейне Цайтунг» статью, где выражал надежду, что молодежь Германии не откликнется на призыв Бурцева.

В донесении о членах кадетской партии во Франции сообщалось о франк-масонах Винавере⁵² и Пасманике⁵³, которым поручена секретная миссия от масонских лож вести кампанию среди кадетов. Пасманик, сказано в донесении, начал свою кампанию с переговоров с Бурцевым, «незнание и политическая близорукость которого общеизвестны».

В 1920 г. Н.Чайковский⁵⁴ выделяет значительную сумму из средств, принадлежавших бывшему Временному правительству в Архангельске, газете Бурцева «Общее дело», редакция которой переехала в помещение газеты «Виктуар». На страницах «Общего дела» Бурцев критикует Врангеля⁵⁵, монархистов, с гордостью называет себя демократом.

В этом году член ЦК «Единство»⁵⁶ А.Браиловский⁵⁷ направляет Бурцеву телеграмму: «Сбежал из Ростова. Имею много важных документов, желаю приехать в Париж, принять участие в кампании против большевиков. Просьба телеграфировать французской миссии в Севастополе».

Такое же желание участвовать в бурцевской кампании выразил А.Резанов⁵⁸, бывший генеральный прокурор военной юстиции.

В 1920 г. Бурцев вместе с Маркотуном⁵⁹ участвует в разработке федеративной автономии Украины, создает в Белграде, Софии, Праге украинские комитеты, для чего получил якобы 1 млн. 200 тыс. франков. В одном из донесений сообщается, что, когда Врангель, «благодаря мудрым советам Бурцева, Савинкова⁶⁰ и Струве⁶¹, принял более демократическую программу», Маркотун был приглашен к нему в Севастополь для

переговоров об украинской автономии. Французская разведка считала, что деятельность Бурцева и Маркотуна в этом направлении отвечала интересам Франции.

В июле-августе 1920 г. Бурцев находится в Берлине⁶² с целью создания центрального украинского комитета, публикует там брошюру «Борьба против большевиков прежде всего», которая подвергается критике на страницах газеты Симонса «Дойче Альгемайне Цайтунг» (15.9.1920 г.). Тотчас же становится известно, что Бурцев купил недавно документы, компрометирующие Симонса, в связи с чем Мальцаном⁶³ началось следствие.

В 1920 г. Бурцев ездил в Варшаву (где опубликовал в русской газете «Свобода»⁶⁴ статью), в Прагу (где был враждебно встречен эсерами, в т.ч. Минором⁶⁵, отказавшимся признать Бурцева членом своей партии).

Зимой 1920 г. Бенеш⁶⁶ связывается в Париже с группировкой Бурцева и приглашает ее представителей в Прагу для совместной антисоветской борьбы. Успешные переговоры по этому поводу были прерваны из-за кампании в социалистической прессе против Бурцева. Бенеш завязывает отношения с Керенским, Минором, Зензиновым⁶⁷, которые заявили Бенешу, что именно они, эсеры, являются настоящими представителями русской демократии и «ведут борьбу как с диктатурой Ленина и Троцкого, так и с диктатурой Колчака и Деникина».

С 15.11.1920 г. телеграфное агентство Бурцева «Рюсунион» и «Рюсажан» объединяются в одно агентство «Рюсунион».

В конце декабря Бурцев приезжает из Константинополя в Париж, имея намерение посетить США, Берлин.

По сообщениям за этот год, в распоряжении Бурцева находились якобы две газеты в Париже, одна — в Константинополе («Пресс дю суар»)⁶⁸, одна — в Берлине (на немецком языке), одна — в Праге.

25.1.1921 г. французский коммунист Вайян-Кутюрье⁶⁹ в сопровождении вдов французских социалистов Вержа и Лёпти явились в редакцию «Рюсунион» с требованием встречи с Бурцевым, предъявления доказательств убийства Лефевра, Вержа и Лёпти⁷⁰ в Мурманске советскими агентами. Вайян-Кутюрье решительно заявил, что все это — эпизод политической кампании против коммунистов и этому они намерены положить конец. Сообщается, что молодые коммунисты из «Юманите», редакция которой находится в одном здании с редакциями «Общего дела» и «Рюсунион», очень агрессивны настроены по отношению к деятельности Бурцева: срывают объявления его редакций, портят пишущие машинки и намерены якобы захватить помещения редакций. Бурцев в это время находился, вероятно, в Берлине, куда он уехал для переговоров с сотрудниками «Рюсунион» и где намеревался выступить с докладом.

В феврале 1921 г. Алексинский⁷¹, названный сотрудником Бурцева, прибыл в Константинополь для продолжения переговоров с Врангелем с целью склонить его «к более демократической программе».

10.3.1921 г. Бурцев направил Окуличу⁷² (113, Lincoln Street Boston Mass) телеграмму: «Наша программа в настоящий момент абсолютно

необходима. Ситуация «Общего дела» очень критична. Приложите все усилия, чтобы нам помочь».

11.3.1921 г. Бурцев в статье «Виктуар» возмущается молчанием Ленина и Кашена⁷³ в ответ на его нападки на них.

Французская разведка, в связи с вероятной продажей Эрве своей газеты «Виктуар», в которой сотрудничал Бурцев, сожалеет, что Бурцев с Эрве потерпят неудачу «накануне падения большевиков»⁷⁴, т.к., считает она, Бурцев — «единственный русский, поведение которого по отношению к Франции незапятнанное, и, потеряв “Виктуар”, он потеряет международную трибуну»

В апреле 1921 г. Бурцев публикует сообщение о якобы насильственной эвакуации французскими властями казаков армии Врангеля в Россию, что вызвало официальное опровержение французского правительства⁷⁵.

По инициативе Бурцева, Федорова⁷⁶, Карташева⁷⁷ и др. в июне 1921 г. создается Русский Национальный комитет⁷⁸, объединивший различные болоэмигрантские организации за границей. 5—9.6.1921 г. состоялся съезд этого союза, о чем уведомили МВД Франции председатель комитета союза Бурцев и секретарь Ю.Семенов⁷⁹.

В письме из Владивостока Савинкову от 27.9.1921 г. Фл. Клепиков⁸⁰ сообщает, что посылает информационные телеграммы Бурцеву через Маклакова⁸¹, пользуясь шифром, что отправил ему копию меморандума по делу журналиста А.П.Фринлендера⁸² с просьбой поддержать это дело в европейской прессе и в соответствующих иностранных учреждениях и организациях.

В этом году газета Бурцева испытывает финансовые трудности, но неожиданно получает помощь в 40 тыс. франков в месяц от Союза русских коммерсантов и промышленников в Париже⁸³, о чем сообщила Вера Гладыш⁸⁴, корреспондент газеты «Общее дело» в Берлине, работавшая с Бурцевым перед войной в рядах эсеровской партии (дочь бывшего начальника царской охраны Манасевича-Мануйлова⁸⁵ — агента берлинской полиции и Орлова⁸⁶, согласно сведениям за 1923 год).

По сообщению агента французской разведки, основную часть сведений о Советской России Бурцев получает от Гамильтона⁸⁷, русского офицера из окружения генерала Миллера⁸⁸.

На основании анализа статей Бурцева в «Общем деле» французская разведка замечает изменение в политической программе Бурцева: призыв к индивидуальному террору по отношению к советским лидерам.

11.12.1921 г. Ш.Раппопорт⁸⁹ в статье в «Юманите» называет Бурцева маньяком политического убийства, которого еще до революции прозвали бомбистом и с которым ни один серьезный, уважающий себя революционер не хотел сотрудничать.

7.1.1922 г. в газете «Либерте»⁹⁰ появляется заметка о русских эмигрантских организациях, где, кроме монархистов, кадетов и варшавской группы, выделяется группа эмигрантов, объединившихся вокруг Бурцева в газете «Общее дело», «очень энергичная, но слишком разношерстная».

18.1.1922 г. в «Юманите» Ш.Раппопорт упоминает о письме в «Новое время»⁹¹ Рыся⁹², Гронского⁹³, Филиппова⁹⁴, Габриловича⁹⁵, где сохранилось требование от Врангеля средств для агентства Бурцева, снабжавшего своей информацией многие буржуазные французские газеты.

На страницах «Общего дела» Бурцев критикует деятельность Нансена⁹⁶ по оказанию помощи голодающим в России.

В интервью газете «Эклер»⁹⁷ Бурцев вновь ведет речь о получении Лениным средств от Германии с 1914 г. (70 тыс.), сетует, что не были раскрыты документы об этом после революции в Германии, о чем он просил союзников, Каутского⁹⁸, доволен, что хотя с опозданием, но к нему теперь пришел на помощь Э.Бернштейн⁹⁹, утверждавший вслед за Бурцевым те же факты, только с другими цифрами (50 тыс.).

В январе 1922 г. Бурцев сообщает французской разведке, что он регулярно получает информации для «Общего дела» от начальника разведбюро в Риге Карачевцева С.В.¹⁰⁰

В этом месяце из конфиденциальной беседы с Бурцевым стало известно, что газета «Общее дело» испытывает самые большие финансовые трудности, несмотря на помощь русских финансистов; что Бурцев решает начать беспощадную кампанию против участия СССР в Генуэзской конференции; жалуется на кампанию против него политической группировки Керенского, финансовой группировки Нуланса¹⁰¹, на то, что влияние Пёти¹⁰² в политических сферах способствует недоверию к Бурцеву во французских правительственных кругах; что он готовится к поездке в Берлин по просьбе генерала Людендорфа¹⁰³ для передачи Бурцеву документов о Ленине, которые Бурцев намеревается использовать в своей очередной кампании против большевиков в связи с началом конференции.

Среди эмигрантских кругов распространяются слухи о подготовке покушения на советских представителей в Генуе Савинковым, встречавшимся в Париже с Бурцевым.

20.2.1922 г. Бурцев получает письмо от Врангеля с приглашением приехать в апреле в Белград, чтобы, как считала разведка, поднять дух в войсках Врангеля и усилить антисоветскую пропаганду. Бурцев надеется, что новое сближение с Врангелем даст ему возможность добиться средств для «Общего дела». Недавно Бурцев отверг предложение помощи от Путилова¹⁰⁴, т.к. тот ставил условие: отказ от кампании против франко-советского торгового сближения.

В документе за февраль приводится мнение «русского лидера» Бурцева о журнале «Смена вех»¹⁰⁵: главный редактор Ключников¹⁰⁶ ведет кампанию, которая может способствовать расколу антибольшевиков и укреплению советской власти.

В марте Бурцев посещает Белград, где беседует с Врангелем, финансистами, промышленниками, затем едет в Болгарию, где намерен встретиться с Кутеповым¹⁰⁷, посетить русские войска.

В апреле он якобы получает предложение от одной английской политической группировки на создание в Лондоне печатного издания на

английском языке для антисоветской пропаганды, критики политики Ллойд Джорджа¹⁰⁸ на сближение с Германией и Россией.

На съезде русских монархистов 16.11.1922 г. под председательством Н.Маркова¹⁰⁹ было принято решение о создании единого фронта монархистов в союзе с правым крылом кадетов и Русским национальным комитетом во главе с Бурцевым¹¹⁰.

В этом году из-за отсутствия средств газета «Общее дело» перестает выходить.

В 1923 г. Бурцев ведет кампанию против Ефимовского¹¹¹ и Филиппова.

В сентябре 1923 г. Шульгин¹¹² передает Бурцеву через Афанасьева¹¹³ письмо с просьбой оказать ему помощь в публикации его переписки в 1918 г. с Милюковым¹¹⁴, содержащей сведения о переговорах Милюкова с немцами в Киеве накануне перемирия.

Бурцев в это время находится в нищете, покинут друзьями и сотрудниками, перебивается благодаря поддержке газеты «Виктуар» и Русского национального комитета.

В январе 1924 г. Бурцев получает первые оттиски своих воспоминаний, которые он намерен печатать в Берлине¹¹⁵. После их публикации он вновь намерен ринуться в бой с большевиками, вновь начать активную политическую жизнь, найти средства для своей газеты. Он уже согласен на конституционную монархию в России, но провозглашенную на народном референдуме. «Фанатичный враг Советов», он по-прежнему верит в победу над большевиками, издает в тысячах экземпляров воззвание «Французы! Не признавайте русских большевиков», направляет его членам французского правительства, депутатам, сенаторам, французским газетам; распространяет воззвание с просьбой оказать финансовую помощь газете «Общее дело», в нем же говорит о своем желании продолжать борьбу на страницах французских газет, возобновить издание бюллетеней «Рюсунион»; пишет для газеты «Виктуар» статью «Кашен, сторонники Кашена и Ленин», где говорит, что с первых дней войны не перестает обвинять Ленина в предательстве; пишет письмо Пуанкаре¹¹⁶ с призывом не признавать Россию, письмо Леви, вице-президенту Лиги французов, имеющих свои интересы в России, с просьбой помочь в его борьбе с большевиками и т.д. (имеются в личном деле).

Бурцев начинает кампанию против французских депутатов Эррио¹¹⁷, Монзи¹¹⁸ и др., приехавших в Советскую Россию, против Маркотуна, участвовавшего в Генуе в переговорах с советской делегацией; грозит опубликовать документы о переговорах Эррио и Монзи с русскими коммунистами, украденные у Маркотуна¹¹⁹, намекает, что если правительство не желает, он их не опубликует, но при условии, что Маркотун будет выслен; ищет документы о переговорах большевиков с левыми французскими партиями.

В марте Бурцев неоднократно беседует с Врангелем о возможности расширения антисоветской пропаганды во Франции. Врангель не отказывается помогать Бурцеву, но настроен пессимистически: великий

князь Николай¹²⁰, возглавивший белоэмигрантское движение, вызвал в Париж Кутепова, и движение будет монархическим, германофильским, Николай благоприятствует кадетам и эсерам.

Бурцев очень обеспокоен слухами о признании Францией Советской России, намеревается в этом случае уехать в Америку для продолжения борьбы.

В марте Бурцев обеспокоен слежкой, двое неизвестных нападают на него.

Бурцев по-прежнему в трудном финансовом положении, не может найти средства для «Общего дела».

В июне выходит в Берлине 1-й том его воспоминаний.

5 или 6 августа 1924 г. перед отъездом в Россию Савинков приходит к Бурцеву и сообщает о своем намерении уехать в Россию. Бурцев очень удивлен, т.к. знает, что у Савинкова нет средств для организации террора в СССР, не советует ехать, это может стоить ему репутации революционера. Савинков, смеясь, ответил: «Если я умру, это будет красивая смерть, но я предчувствую, что мне повезет». Бурцев поспешил закончить с ним разговор, т.к. Савинков и его помощники стали подозрительными¹²¹.

По сообщению за ноябрь 1924 г., Русский национальный комитет решает продолжать кампанию неодобрения политики французского правительства в отношении СССР. Председатель Карташев, под влиянием Бурцева и Пасманика, но более осторожно, решает действовать во французских кругах, оппозиционных к кабинету Эррио¹²².

В личном деле на Милюкова дается его характеристика: «Начинает впадать в детство, как Бурцев, способен только бесконечно повторяться».

По сведениям за 1924 г., Бурцев живет по адресу: 1, rue Geoffroy Marie.

В начале 1925 г. Бурцев ждет натурализации, по-прежнему в Русском национальном комитете по любому поводу твердит о своей решимости продолжать борьбу с большевиками.

В феврале 1925 г. Бурцев уезжает в Прагу, где ведет переговоры с Русским историческим архивом в Праге о продаже своего архива, в котором якобы находятся письма и автографы В.И.Ленина. Не согласившись его продать за 30 тыс. франков, он заключает контракт на составление, на основании своих материалов, «Календаря русской революции». Работа была рассчитана на 1,5 года, за которую Бурцев должен был получать 2100 франков в месяц. По сведениям французской разведки, советское посольство в Париже очень внимательно следило за Бурцевым в связи с его намерением продать свой архив. Имеется фотография документа советского посольства в Париже, содержащего вопросник, в т.ч.: «6. Пресса. "Victoire". Подробно роль Бурцева, его связи с Минором и отношение к архиву»¹²³.

В мае 1925 г., по приглашению МИД Англии, Бурцев приезжает в Лондон для переговоров о своем архиве, в котором очень был заинтересован МИД, т.к. в их досье о советских политических деятелях и ди-

пломатах недоставало сведений об их дореволюционной деятельности. Бурцев отказался продать свой архив, ссылаясь на то, что заключил контракт с Пражским историческим архивом.

9.7.1925 г. в газете «Виктуар» Бурцев публикует статью, которую в белоэмигрантских кругах расценили как неуместную и тактическую ошибку.

В отчете за 1925 г. о русских эмигрантах во Франции сказано, что только Русский национальный комитет Бурцева (79, Bd. St. Germain) смог сгруппировать вокруг себя людей с различными политическими мнениями. Остальные группы ссорятся по поводу формы будущей власти в России.

Документы за 1926 г. отсутствуют.

Согласно немецким документам за 1927 г., Бурцев обвиняет белоэмигранта Шульгина¹²⁴ в связи с ГПУ после его поездки в Советский Союз и издания книги «Три столицы»; получает вместе с С.П.Мельгуновым¹²⁵ денежные субсидии от французского парфюмерного фабриканта Коти¹²⁶; много говорят о Бурцеве в связи с операцией «Трест»¹²⁷; Бурцев собирается поехать в Берлин для расследования деятельности Пфайля¹²⁸; в Варшаве ведет расследование организации «Русская правда»¹²⁹, выступает в прессе против Рижского мирного договора.

С 1928 г. Бурцев живет по адресу: 19, Place de Panthéon.

По сведениям за апрель 1928 г., Бурцев является одним из самых преданных редакторов журнала «Борьба за Россию»¹³⁰, органа партии русских монархистов, следовавшей политике Русского национального комитета. (Имеется экземпляр газеты за 1.12.1929 г.). Партия эта создана якобы в 1924 г. Бурцевым и публицистом Федоровым. Бурцев в это время работает в тесном контакте с организацией генерала Кутепова.

По донесениям немецкой полиции от 6.6.1928 г., Русский национальный комитет направил открытое письмо американским бизнесменам (напечатано в газете «Возрождение»¹³¹ 4.6.1928 г.) с призывом не оказывать финансовую и моральную поддержку СССР и отказаться от закупки у нее нефти.

Имеется экземпляр письма Б.И.Николаевского¹³² Виссариону Яковлевичу (фамилия отсутствует)¹³³ за 16.6.1928 г., из которого следует, что ведется кампания против него и что Бурцев уклоняется от участия в ней.

С 15 августа 1928 г. Бурцев возобновляет издание газеты «Общее дело» на французском языке, а с 10.11. — на русском, извещает об этом в письмах Альбера Сарро¹³⁴, Бриана¹³⁵, на поддержку которого надеется (имеется экземпляр первого номера газеты).

В 1929 г. на страницах своей газеты Бурцев продолжает свою «обвинительную» деятельность: обвиняет А.Н.Петрова¹³⁶, сотрудника великого князя Кирилла¹³⁷, в провокаторстве и связи с большевиками, публикует «Исповедь чекиста» Думбадзе¹³⁸, ведет кампанию в защиту белоэмигранта В.И.Гаврилова¹³⁹, высленного из Эфиопии, как считает Бурцев, в результате происков русских агентов. Имеется оригинал письма Бурцева от 27.8.1929 г. Лорану¹⁴⁰ (бывшему сотруднику француз-

ской разведки в Петрограде) с просьбой обратить внимание на дело Гаврилова, который может быть полезен и для него, и для французов, напоминает, что Лоран знает его (Бурцева) с 1917 года, знает, что он (Бурцев) живет ненавистью к большевикам.

В мае 1929 г. Бурцев выступает с докладами в Румынии; на завтраке, устроенном в его честь газетой «Наша речь»¹⁴¹, вновь повторяет сказанное в 1921 г. в Праге, что советская власть падет за полгода при условии объединения всей белоэмиграции.

В биографии Бурцева, составленной французской разведкой в 1930 г., приводятся следующие адреса Бурцева, по которым он жил во Франции в 1918—1927 гг.: 49, Bd. Saint-Michel; 165, rue Monmartre; 16, rue Quatregapes; перечисляются страны, в которые он ездил в 1923—1929 гг.; Бурцева называют человеком редкой наивности, непримиримым противником советского режима, по-прежнему применяющим методы борьбы, использовавшиеся им в борьбе с царской охранкой.

Имеются экземпляры газеты «Общее дело» за 22.3.1930 г., 10.4.1930 г., визитная карточка Бурцева, его письмо Андре Тардьё¹⁴² за 7.4.1930 г. с просьбой дать интервью для анкеты «Франция и Россия».

В 1930 г. Бурцев продолжает сотрудничать в журнале «Борьба за Россию», пишет в июне письмо в газету «Последние новости»¹⁴³ о своем несогласии с газетой «Возрождение», обвинявшей де Роберти¹⁴⁴, бывшего начальника генштаба Кутепова в Новороссийске, в принадлежности к ГПУ, пишет в «Общее дело» статью о воспоминаниях бывшего сотрудника ГПУ Агабекова¹⁴⁵, публикует письмо Ал.Гуманского¹⁴⁶ (сотрудника Орлова в Берлине), просившего начать расследование обвинений его в фальсификации документов (в т.ч., в составлении письма Зиновьева¹⁴⁷).

Имеются письмо Бурцева от 18.9.1930 г. И.Добковскому¹⁴⁸ (сотруднику журнала Жигулева¹⁴⁹), угрожавшему ему неоднократно убийством; копия перевода справки Бурцева о целях новой организации Анти-ГПУ¹⁵⁰, которую он намерен создать вместе с периодическим органом для нее по образцу «Общего дела».

Среди бывших русских офицеров в этом году зреет недовольство генералом Миллером за то, что его заявления, дискуссии перепечатываются «такими людьми, как Бурцев».

В документах за 1931 г. упоминается о важной роли агента Бурцева Евг. Думбадзе в организации Беседовского «Борьба»¹⁵¹, о деятельности Русского национального комитета, одним из членов которого был Бурцев (деятельность Комитета ограничивается изданием листовок, брошюр для французской и русской интеллигенции и антисоветской прессы), об отъезде А.Шиммарева¹⁵², высленного из Франции за провокаторскую деятельность по отношению к советскому консульству, в Бельгию, где, по рекомендации Бурцева, сотрудник МИД Коллон¹⁵³ представил его директору национальной безопасности Бельгии.

В конце 1931 г. Бурцев выселяется из отеля за неуплату, получает от Боговута¹⁵⁴ вспомоществование.

В 1932 г. Бурцев ведет кампанию против сотрудников «Возрождения», обвиняя их в связи с большевиками.

Имеются экземпляры журнала «Иллюстрированная Россия»¹⁵⁵ за 1932 г. со статьей Бурцева о похищении генерала Кутепова с уверением, что в этом замешаны евразийцы, связанные с ГПУ (13.2.1932 г.); с предисловием Бурцева к «сенсационным разоблачениям бывшего сотрудника ГПУ И.Сипельгаса-Ольшанского»¹⁵⁶ (23.7.1932.).

По сведениям за 1933 г., Бурцев вместе с Врангелем, Красновым¹⁵⁷, Амфитеатовым¹⁵⁸, митрополитом Антонием¹⁵⁹ открыто высказывается в поддержку организации «Братство русской правды»¹⁶⁰; поручает руководство своей организации АнтиГПУ, финансировавшейся фашистом Вонсяцким¹⁶¹, генералу Дьяконову¹⁶², привлекает к работе в ней Хмару¹⁶³, А.Шишмарева.

По сведениям за 1934 г., Бурцев живет по адресу: Nftel des Capucines, 13, rue des Feuillantines.

В начале 1934 г. Бурцев заявляет, что ему известно о получении от Японии общим русским фронтом крайне правых организаций через своего представителя Муратова¹⁶⁴ обещания поддержки намерений русских монархистов и фашистов создать во Владивостоке независимое государство в случае советско-японского конфликта.

В мае и июне 1934 г. Бурцев во время своего пребывания в Бельгии (куда он приехал по приглашению ответственного лица из национальной безопасности Бельгии) связался через германофила В.Гаврилова с антикоммунистическими бельгийскими кругами и с генералом Б.Гартманом¹⁶⁵, председателем бывших русских комбатантов в Бельгии. Газета «Алерт»¹⁶⁶ публикует письма Бурцева и Гартмана.

Имеются экземпляр газеты «7 дней в иллюстрациях»¹⁶⁷ (13.10.1934 г.), где напечатано Обращение Русского национального комитета (в т.ч. за подписью Бурцева, товарища председателя) к югославскому королю Александру¹⁶⁸, в связи с его убийством (обращение было написано ранее непосредственно королю с благодарностью за его отказ признать СССР); экземпляр брошюры Вл.Бурцева «Как Пушкин хотел издать “Евгения Онегина” и как издал» (несколько страниц из книги Бурцева о Пушкине и «Евгении Онегине», готовившейся к печати)¹⁶⁹. Брошюра издана в Париже в 1934 г. в издательстве О.Зелюка¹⁷⁰ с предисловием автора, ратовавшего за издание произведений Пушкина за границей «без большевистской цензуры».

Имеется экземпляр бюллетеня агентства «Сервис мондиаль», издававшегося в Германии (1.6.1935 г. на французском языке), о процессе в Берне по расследованию «Протоколов сионских мудрецов», на который еврейские истцы назначили в числе свидетелей Бурцева, Милюкова, Николаевского и др.¹⁷¹.

В фонде Главного управления национальной безопасности Франции имеется дело за 1931—1935 гг. на белоэмигрантов Колтыпина-Любского¹⁷², Завадского-Краснопольского¹⁷³, Шишмарева, Сипельгаса и других агентов-provokаторов, внедрившихся в советскую разведку и установивших тесные контакты с Бурцевым, который стал, как замечает

разведка, инструментом в их руках. В деле содержатся следующие сведения на Бурцева. В 1930 г. Бурцев привлекает внимание статьями в «Последних новостях», «Общем деле» с утверждениями, что ему известна правда о похищении Кутепова, использует при этом неуточненные сведения, что приводит к жестокой полемике между «Последними новостями» и «Возрождением». Бурцев устанавливает связь с Агабековым, Беседовским, Боговухом-Коломийцевым, Б.Лаго¹⁷⁴ (искавшим в 1930 г. убежища у Бурцева). В 1931 г. Колтыпин-Любский (бывший лейтенант армии Врангеля, имевший связь с партией Гитлера) становится секретарем Бурцева, крадет его документы, которые затем предлагает советскому посольству (по требованию советского посольства, Колтыпин-Любский выселяется из Франции за провокаторство). В марте 1933 г. Бурцев через Дьяконова связывается с Вонсяцким, просившим помочь ему в расследовании исчезновения Кутепова и в создании АнтиГПУ, издает вместе с ним газету «Наша жизнь»¹⁷⁵ с центром в Софии.

(Для информации сообщаем, что в деле имеется перевод донесения Сипельгаса Дьяконову (17.5.1932 г.) о В.И.Яковлеве, бывшем комиссаре по снабжению в 1918 г. в Орловской, Курской, Воронежской губерниях, имевшем тогда мандат за подписью Ленина и Дзержинского, написавшем отчет Ленину о своей работе и выступавшем на исполкоме).

По сведениям за 1936 г. Бурцев присутствует на похоронах Гучкова¹⁷⁶.

По сведениям за 1937 г. Бурцев присутствует на докладе Деникина в Париже по случаю 20-й годовщины создания белой гвардии; германофил Малинин¹⁷⁷ предлагает Бурцеву средства для создания в Париже русской национал-социалистической газеты; Национально-Трудовой союз нового поколения (НТСНП)¹⁷⁸ заключает соглашение с Всероссийской фашистской партией¹⁷⁹ по созданию в Париже разведцентра по контрпропаганде — АнтиГПУ, для чего намеревается получить поддержку у Бурцева, генерала Фока¹⁸⁰ и др.

В январе 1938 г. на лекции в Париже Деникин, призывая к борьбе с ГПУ, говорит, что только один Бурцев пытается что-то делать, но он подвергается жестоким нападкам «националистов», а друзья его не поддерживают.

Имеется вырезка статьи Г.Эрве из газеты «Виктуар» (6.6.1939 г.) «Подвиг русского патриота», где пишет о своем «благородном друге» Вл.Бурцеве, совершившем какой-то подвиг, который заставит задуматься русских эмигрантов, воссоздает его биографию.

В 1939 г. Бурцев публикует в Париже книгу «Большевистские гангстеры в Париже» об исчезновении генерала Миллера и процессе над Плевицкой¹⁸¹, пишет жене Скоблина¹⁸² в тюрьму письмо с просьбой сообщить все, что она знает о похищении Миллера.

В документах французской разведки за 1939 г. о похищении генерала Миллера находится фотография четырех агентов ГПУ: Бурцева («автора ложного письма Миллеру»), Беседовского, А.Бая¹⁸³ (издателя антисоветского бюллетеня «Нахрихтен убер Русланд» («Новости из России») и студента Киндермана¹⁸⁴ (по сведениям из «Юманите», приговоренного

5 лет назад к смертной казни в Москве и затем помилованного, производившего впечатление идиота).

В этом же году французская разведка сообщала, что работа Бурцева на службе у французской национальной безопасности (у Прето¹⁸⁵) в качестве информатора, где он получает за свою работу 700 франков в месяц, официально установлена. Бурцев находится в тесной связи с организацией, возглавлявшейся Завадским-Краснопольским. Они, как и Колтыпин, Филоненко¹⁸⁶, Сватиков¹⁸⁷ и др., подозреваются в принадлежности к советской разведке, за ними устанавливается слежка, и в ноябре 1939 г. сообщаются результаты расследования, в частности, о Бурцеве следующее: жил в течении 7 лет по адресу: 13, rue des Feuillantines, с 1 октября обитает у профессора Сватикова: 8, rue Fustel de la Coulange, живет в нищете, не знает, где разместить свои документы, связан с белоэмиграцией, замешанной в похищении Миллера и в предательстве генерала Скоблина, слывет в русской колонии как старый рамоли, живет в среде провокаторов.

По сведениям за 1940 г.¹⁸⁸, Бурцев живет по адресу: 161 bis, rue de la Convention, намерен возобновить издание газеты «Общее дело»; публикует статьи против писателя Крымова¹⁸⁹, который якобы хочет завладеть его архивами о деятельности советской разведки во Франции; призывает русских эмигрантов создать национальный союз, объединив всех, от Керенского до Деникина, за исключением реакционеров и германофилов.

Основания фондов РГВА:

Ф. 1.	Оп. 2.	Д. 45153	
		Д. 24097.	Л. 37, 38.
		Д. 36057.	Л. 46.
	Оп. 5.	Д. 1707.	Л. 49.
	Оп. 7.	Д. 27534.	Л. 145, 147, 153.
	Оп. 12.	Д. 23144.	Л. 2.
	Оп. 13.	Д. 25049.	Л. 12.
	Оп. 15.	Д. 5782.	Л. 14—24.
	Оп. 17.	Д. 1192.	Л. 165.
		Д. 3473.	Л. 59, 70.
		Д. 13745.	
	Оп. 18.	Д. 31499.	
	Оп. 26.	Д. 1948а.	Л. 407.
	Оп. 27.	Д. 11769.	Л. 24.
		Д. 12430.	Л. 75, 273.
		Д. 12485.	Л. 8.
		Д. 12493.	Л. 8.
		Д. 12497.	Л. 18, 52, 136.
		Д. 12523.	Л. 28, 45.
		Д. 12532.	Л. 7.
		Д. 12541.	Л. 198.

- Д. 12763. Л. 5.
 Д. 12765. Л. 4, 6, 7, 7а.
 Д. 12799. Л. 23.
 Д. 12804. Л. 171.
 Д. 13046. Л. 67, 38.
 Д. 13048. Л. 6, 10, 21об, 25об, 29об.
 Д. 13093. Л. 6, 6об, 20.
 Д. 13115. Л. 11.
 Д. 13168. Л. 29.
 Д. 13246. Л. 25.
 Д. 13258. Л. 146.
 Д. 13259. Л. 22.
 Д. 13260. Л. 13.
 Д. 13285. Л. 108, 410.
 Д. 13302. Л. 62.
 Оп. 28. Д. 4996. Л. 27.
 Оп. 34. Д. 1198. Л. 40об.
 Д. 4024. Л. 8.
 Д. 4224. Л. 5.
 Д. 5043. Л. 32.
 Д. 5184. Л. 23.
 Оп. 42. Д. 2501.
 Д. 2511.
 Ф. 7. Оп. 1. Д. 388. Л. 213—218.
 Д. 709. Л. 30, 31.
 Д. 598. Л. 558.
 Д. 906. Л. 626, 627, 630.
 Д. 953. Л. 215, 229.
 Д. 954. Л. 154.
 Д. 1255. Л. 219, 226.
 Д. 1590. Л. 237.
 Д. 1811, Л. 535—538.
 Оп. 2. Д. 887. Л. 16.
 Д. 2100. Л. 23.
 Д. 2649. Л. 33.
 Д. 2493. Л. 1, 2, 12—18, 60—66, 72—74, 76, 99—101,
 104, 117, 119, 120.
 Д. 2815. Л. 48, 49.
 Д. 3871. Л. 2, 38.
 Оп. 3. Д. 552. Л. 14.
 Оп. 4. Д. 91. Л. 33.
 Ф. 164. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 46, 59об., 109, 126.
 Ф. 198. Оп. 2. Д. 1183. Л. 256, 296.
 Оп. 11. Д. 182. Л. 277, 278.
 Оп. 17. Д. 389. Л. 116.
 Д. 492. Л. 215, 375.
 Д. 493. Л. 269.

Ф. 500. Оп. 1.	Д. 147.	Л. 70, 73, 74, 81, 83, 120, 133, 166, 167, 170.	
	Д. 193а.	Л. 11.	
Ф. 505. Оп. 2.	Д. 252.	Л. 222—229.	
Ф. 772. Оп. 1.	Д. 108.	Л. 36, 105, 114, 138.	
	Оп. 2.	Д. 129б.	Л. 5, 18.
		Д. 181.	Л. 9, 10.
Ф. 1323. Оп. 1.	Д. 22.	Л. 22, 233об.	
Ф. 1345. Оп. 1.	Д. 113.	Л. 44, 49.	
		Д. 164.	Л. 35.
Ф. 1346. Оп. 2.	Д. 156.	Л. 112.	
Ф. 1699. Оп. 1.	Д. 165, 185.		
Ф. 1735. Оп. 1.	Д. 65.	Л. 22, 23.	

Директор архива *А.С.Прокопенко*

Старший научный сотрудник *С.С.Попова*

Примечания

¹ 10 марта 1917 г. Временное правительство учредило при министерстве юстиции Комиссию для ликвидации дел политического характера бывшего Департамента полиции. Бурцев был поставлен во главе Комиссии, но уделял мало времени этой работе. За разногласия с Керенским, сенсационные высказывания он был вскоре от нее отстранен. Формально бурцевская комиссия была ликвидирована 15 июня 1917 г. Вместо нее действовала Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК). Главным редактором стенографических отчетов был приглашен А.Блок. При ЧСК была создана особая комиссия для обследования деятельности бывшего Департамента полиции во главе с П.Е.Шеголевым.

² *Долин Бенцион (Моисеев-Машков)* — секретный сотрудник заграничной агентуры Департамента полиции, очень осторожный и ловкий провокатор и агент; в марте 1917 г. сделал «откровенные признания» Бурцеву, что состоял на службе у немцев, в апреле покончил жизнь самоубийством, в день смерти написал Бурцеву письмо, в котором благодарил его «за человеческое отношение» к его страданиям (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 2. Д. 324, Д. 486. Л. 3).

³ *Носарь Г.С. (Хрусталеv)* секретарем Бурцева не был. В 1917 г. на Украине поддерживал гетмана Скоропадского, расстрелян ВЧК в 1918 г.

⁴ *Родштейн Л.З. («Валерьян»)* — близкий друг Бурцева до конца его дней, его секретарь, с 1910 г. владелец русского книжного магазина и склада «Общего дела» в Париже, после февраля 1917 г. необоснованно был обвинен в провокаторстве парижской группой ЧСК по выявлению заграничной агентуры (во главе с Е.И.Раппом). Расследованием этого занялся в Петрограде Бурцев и доказал «наличность злостной клеветы» на своего бывшего секретаря, которого просил не прерывать совместной с ним работы. Родштейн вел в Париже пропагандистскую работу в Русском экспедиционном корпусе (см. прим. 23), вместе с Бурцевым участвовал в создании редакции газеты «Общее дело» и телеграфного агентства «Унион» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 2. Д. 424, Д. 430. Л. 45—58; Оп. 1. Д. 513; РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.; Д. 46. Л. 47; РГВА. Ф. 1. Оп. 42. Д. 3716).

⁵ *Керенский А.Ф.* (1881—1970) — юрист, лидер партии трудовиков в IV Государственной думе, один из активных деятелей Февральской революции, масон,

с марта 1917 г. эсер, министр, министр-председатель Временного правительства, с 30 августа — Верховный главнокомандующий (РГВА. Ф. 1. Оп. 11. Д. 7477).

⁶ РГВА. Ф. 623. Оп. 1. Д. 141. Л. 5. Газета «Неделя» — орган австро-венгерского генштаба, издавалась для русских военнопленных в Австро-Венгрии (г. Вена) в 1916—1918 гг.

⁷ 30 мая 1917 г. *Кропоткин П.А.* вернулся в Россию, отказался войти в состав Временного правительства, после Октября резко критиковал диктатуру большевистской партии, был против военной интервенции.

⁸ В 1917 г. в Петрограде Бурцев возобновил издание газеты «Общее дело» (вышло 23 номера). Газета была запрещена Временным правительством, в частности, за критику нерешительной позиции Керенского. В письмах Минору Бурцев писал о «неудобозабываемом» Керенском: «В 17 г. я что есть силы кричал против этого безумного, преступного Керенского, когда он плодил большевиков и боролся с Корниловым» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 408. Л. 6,8). В день Октябрьской революции выпустил первый и единственный номер газеты под названием «Наше общее дело», в тот же день был в 23 часа арестован. Издание возобновил в Париже (1918—1922, 1928—1934). Была крупнейшей газетой русской эмиграции до появления газеты «Последние новости», с которой вела полемику по вопросам сотрудничества с эсерами, отношения к вооруженной борьбе и интервенции, характера Национального комитета и др. (РГВА. Ф. 1. Оп. 34. Д. 5181).

⁹ Газета «Виктуар» выходила в Париже в 1906—1940 гг., основана французским социалистом Г.Эрве (см. прим. 16), до января 1916 г. носила название «Ля герр сосиаль». Бурцев активно сотрудничал с Эрве и его газетой.

¹⁰ В 1917 г. *Чернов В.М.* — член ВЦИК Петроградского Совета, министр земледелия во Временном правительстве (май-август), 20 июня подавал в отставку (не была принята), в частности, в связи со слухами и газетной кампанией по обвинению его в пораженческих взглядах, в контактах с немецким генштабом. В письме Бурцеву просил сообщить, имеют ли право ссылаться на компрометирующие его документы, якобы находящиеся у Бурцева (ГА РФ. Ф. 5902. Оп. 2. Д. 828), 26 августа вышел из состава Временного правительства, в январе 1918 г. председатель Учредительного собрания, разогнанного большевиками, с сентября 1920 г. в эмиграции, продолжал поддерживать левоцентристскую политику в Заграничной делегации эсеровской партии и Заграничном комитете партии (создан им в 1928 г.) Участник движения Сопротивления во Франции.

¹¹ *Горький М. (Пешков А.М.)* (1868—1936) — писатель, был близок к социал-демократам, после Октября подверг большевиков либеральной критике (см.: сб. его статей из газеты «Новая жизнь» за IV.1917 — VI.1918 гг., изданных в 1918 г. в виде брошюры «Несвоевременные мысли»). Бурцев считал, что Горький как политический деятель — слепец, оказавший огромную моральную поддержку ленинцам. 7 VII.1917 г. в газете «Русская воля» Бурцев опубликовал список лиц, «работавших над разложением России» (Ленин, Троцкий и т.д.), последним назвал в нем Горького, которого читатели восприняли как «одного из самых громких нераскрытых провокаторов». В.Г.Короленко в своем открытом письме Бурцеву писал в связи с этим: «Вы открываете простор эпидемии клеветничества как орудия политической борьбы» (см. о взаимоотношениях Бурцева и Горького в разные периоды, их переписку: Лазарь Флейшман. Материалы по истории русской и советской культуры. Из Архива Гуверовского института. Stanford, 1992. Vol. 5. С. 15—94; переписку Горького с Черновым, Амфитеатовым, Г.Лопатиным и др.: Литературное наследство. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М. 1998. Т. 95). В 1921—1933 гг. жил за границей, в 1933 г. вернулся в СССР.

¹² *Маркс Карл* (1818—1883) — немецкий философ, экономист, основатель I Интернационала, основоположник научного коммунизма.

¹³ Керенский в июне 1918 г. эмигрировал под чужой фамилией из Архангельска в Париж (по поручению Союза возрождения России) через Англию, где находился в это время Бурцев. Вел безуспешные переговоры с союзниками, осудил интервенцию, был за «Третью Россию» — «без Ленина и Колчака».

¹⁴ «Матэн» — крупная информационная французская газета, издавалась в Париже в 1884—1944 гг.

¹⁵ Возможно, *Лебедев В.И.* (1883—1956) — эсер, журналист, доброволец Иностранного легиона, в апреле 1917 г. вернулся в Россию, управляющий морским министерством во Временном правительстве, участник белого движения, эмигрант в Париже.

¹⁶ *Эрве Густав* (1871—1944) — французский журналист, социалист, исключен из соцпартии в октябре 1916 г., в 1919 г. настаивал на франко-германском примирении и ревизии Версальского договора, в 1927 г. создал профашистскую национал-социалистическую партию, главный редактор газеты «Виктуар».

¹⁷ *Гурко Вас.И.* (1863—1927) — генерал, монархист, в 1921 г. входил в основное военно-политическое ядро армии Врангеля.

¹⁸ *Игнатьев А.А.* (1877—1954) — граф, генерал, военный агент России во Франции, враждебно воспринял Октябрьские события в России, в июле-сентябре 1918 г. переписывался с Бурцевым, имел с ним «беседы для согласования общего обращения к союзникам», направлял Бурцеву обзоры прессы, составлявшие его 2-м бюро, предлагал Бурцеву содействие французских журналистов по созданию им «нового национального органа» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 1392. Л. 227—231 об.). Переписывался с Колчаком.

¹⁹ *Тома Альбер* (1878—1932) — французский политический деятель, социалист, в 1915—1917 гг. — министр по делам вооружения Франции, летом 1917 г. — инициатор сбора компрометирующих документов на Ленина и большевиков, в 1919—1932 гг. возглавлял Международное бюро труда при Лиге Наций.

²⁰ *Пишон Стефан* (1857—1933) — министр иностранных дел Франции с ноября 1917 по январь 1920 г.

²¹ Русская республиканская лига (РРЛ) — создана в сентябре 1917 г. русскими эмигрантами-социалистами с целью единения всех русских эмигрантов демократической ориентации для спасения завоеваний Февральской революции, борьбы с пораженческими идеями, большевистской пропагандой, деморализацией Русского экспедиционного корпуса во Франции (РЭК).

²² «Проклятие вам, большевики! Открытое письмо большевикам» — издано Бурцевым в Стокгольме (куда он бежал через Финляндию из России), затем в Париже в 1918 г. В 1919 г. агентство Унион опубликовало 6-е издание письма.

²³ В 1916 г. по просьбе союзников на Французский и Салоникский фронты был направлен 40-тысячный Русский экспедиционный корпус (РЭК). После революций 1917 г. был расформирован, только к концу 1920 г. большая часть солдат смогла вернуться на родину, многие его военачальники — активные участники белого движения (см. Попова С.С. Судьба Русского экспедиционного корпуса во Франции после революций в России. По неопубликованным материалам военного министерства Франции // Россия и Франция XVIII—XX в. Сб. М., Наука. 1995. С. 196—217).

²⁴ «Русский солдат-гражданин во Франции» — центральный орган Отрядного комитета русских войск во Франции, редактор В.Драбович, газета выходила в Париже (25 июля 1917 г. — 28 апреля 1920 г.), отражала интересы Временного правительства и союзников, находилась под негласным надзором французской

цензуры, после расформирования РЭК и роспуска комитетов была запрещена, с марта 1918 г. возобновился выпуск благодаря финансовой поддержке Американского христоролюбивого общества молодых людей (ХОМЛ—VMCA).

²⁵ VMCA ставило целью оказание помощи русским солдатам, военнопленным, беженцам из России, намеревалось «развить широкую просветительскую и культурную деятельность среди русских солдат» во Франции, в октябре 1919 г. прекратило финансировать газету. Позже субсидировало деятельность русских учебных-эмигрантов. В 1920 г. было основано книгоиздательство ИМКА—ПРЕСС.

²⁶ В 1918 г. ряд русских эмигрантских организаций левой ориентации, в том числе Русская республиканская лига, создали Национальный и демократический Блок русских политических объединений за границей; всех их объединял общий взгляд на спасение России с помощью Антанты, но в разгар военной интервенции в феврале 1919 г. некоторые члены РРЛ вышли из Блока, осудив военное вторжение Антанты в Россию.

²⁷ 23 сентября 1918 г. на Уфимском государственном совещании под председательством Н.Д.Авксентьева (присутствовали представители различных русских организаций, партий, временных правительств на территории России, оппозиционных большевистской власти) была провозглашена власть «Временного все-российского правительства» — Уфимская Директория; 9 октября переехала в Омск, 4 ноября в совет министров вошел адмирал Колчак, который 8 ноября совершил в Омске переворот и разогнал УД, члены правительства УД Авксентьев, Зензинов, Аргунов были арестованы и высланы за границу. Большая часть совета министров, содействовавшая перевороту, составила колчаковское «Омское правительство».

²⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18077, 18139. *Шавишвили Еремей (Харитон)* (1886—?) — грузинский революционер, осуждал «дуализм» Церетели, Чхеидзе, сообщил Бурцеву, что опубликовал в печати «заявление относительно немецкой клеветы о кавказцах» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 644). В эмиграции жил в Швейцарии, социалист, имел паспорт Нансена (РГВА. Ф. 1 Оп. 3. Д. 18077, 18139).

²⁹ В январе 1919 г. в Париже Бурцевым и его сторонниками было создано русское информационное бюро (телеграфное агентство) Унион, состояло из 4 отделов: телеграфного во главе с Бурцевым, иностранного, русского, финансово-экономического; на автономных началах в него входила газета «Общее дело»; бюро имело представителей в России и других странах, получало и распространяло сведения о положении в России, участвовало в союзнической печати; получало финансовую поддержку от правительства Колчака и Деникина; финансовые операции осуществлялись через правление Русско-азиатского банка в Париже. 15 ноября 1920 г. Унион объединилось с другим информационным агентством (с центром в Константинополе) «Руссаген» с целью сокращения финансовых расходов и объединения их информационных служб. Единое Унион агентство носило название «Руссунион» (ГА РФ. Ф.5802. Оп. 1. Д. 2.116, 2121).

³⁰ Возможно, дочь Г.В.Плеханова; его вдова, Р.М.Плеханова (ур. Боград), в апреле 1919 г. находилась в Женеве, добивалась приезда к детям в Париж, доказывая французским властям, что ее муж не сочувствовал большевикам (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 478; РГВА. Ф. 1. Оп. 16. Д. 26162).

³¹ Вероятно, *Римский-Корсаков А.А.* (1849—1922) — бывший сенатор, в 1919 г. — член монархической группы «Союз верных» в Эстонии, в мае 1920 г. прибыл вместе с основным ядром Союза в Германию, член ВМС (Высшего монархического совета).

³² «Новая Россия» — ежедневная демократическая газета, издававшаяся в Ревеле в 1919—1920 гг.

³³ *Троцкий Л.Д. (Бронштейн)* (1879—1940) — политический и военный деятель Советского государства, первый нарком по иностранным делам.

³⁴ *Андреев Л.Н.* (1871—1919) — писатель, в Первую мировую войну член редакции газеты «Русская воля» (Петроград, 1916—1917 гг.), которая тайно финансировалась Департаментом полиции, враждебно встретил Октябрьскую революцию, эмигрировал. Брошюра «На помощь! SOS» с предисловием Бурцева (24.3.1919 г.) издана в типографии Унион.

³⁵ См. подлинник письма Потехина С. (РГВА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 4. Л. 109).

³⁶ «Републик Русс» (*La République Russe*) — печатный орган Русской республиканской лиги, выходила, в основном, на французском языке в Париже.

³⁷ *Деникин А.И.* (1872—1947) — генерал, участник русско-японской и Первой мировой войн, с декабря 1918 г. — Главнокомандующий Добровольческой армии (Бурцев призывал его в это время «встать во главе новой России»), весной 1920 г. выехал за границу, жил во Франции (см. публикацию трех писем из переписки Бурцева с Деникиным в журнале «Отечественная история». 1992. № 6. С. 110—121).

³⁸ *Колчак А.В.* (1874—1920) — адмирал, лидер белого движения в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке, провозгласил себя 18 ноября 1918 г. Верховным правителем России, в январе 1920 г. передал этот пост Деникину, вскоре был выдан белочехами в Иркутске советским властям, расстрелян. (РГВА. Ф. 1. Оп. 11а. Д. 301).

³⁹ *Юденич Н.Н.* (1862—1933) — генерал, лидер белого движения на Северо-Западе России (с января 1919 г.), в конце 1919 г. с остатками своей армии отступил в Эстонию, выехал через Швецию во Францию, отошел от активной политической деятельности.

⁴⁰ Вероятно, имеется в виду *Алексинский И.П.* (1871/1874—?) — профессор, активный деятель белой эмиграции, монархист, в 1921 г. товарищ председателя врангелевского Русского совета, переписывался с Бурцевым по поводу создания надпартийного органа Русский Центральный комитет, сторонник вел. кн. Николая Николаевича (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 70, 2189; РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9071).

⁴¹ В 1919—1922 гг. в переписке с Бурцевым состояли сотрудники газеты «Общее дело» *Александр Алексеев* (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 69) и *Алексеев Глеб Васильевич* (1892—1938) — журналист, участник Первой мировой войны и Белого движения, в 1920—1921 гг. жил за границей в разных странах, в феврале 1921 г. писал Бурцеву «о возмутительной и бесстыдной вакханалии, которая творится в Югославии вокруг ссуд, отпускающихся русским беженцам — распределение этих ссуд захватили в свои руки крайне правые, действуют именем Врангеля» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 68), с января 1922 г. в Берлине, участник сменовеховского движения, в начале ноября 1923 г. вернулся в СССР, с 1934 г. член Союза советских писателей, в 1938 г. арестован, расстрелян.

⁴² Кронштадтский мятеж — выступление гарнизона Кронштадта и экипажей некоторых кораблей Балтфлота — происходил в марте 1921 г. под лозунгом «Советы без коммунистов». 18 марта был подавлен советскими властями. О судьбе одного из вождей мятежа С.М. Петриченко см. очерк «Кронштадтский мятежник» в сб. «Очерки истории российской внешней разведки». М., 1996. Л. 148—152.

⁴³ *Богаевский А.П.* (1872—1935) — генерал, с мая 1918 г. председатель «Донского правительства», с 5 февраля 1919 г. атаман Войска Донского (сменил генерала Краснова), в марте 1920 г. прибыл в Крым к Врангелю, с ноября 1920 г. в эмиграции, в Константинополе служил связным звеном между группой казачьих генералов и Врангелем (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 133; РГВА. Ф. 1. Оп.

зачьих генералов и Врангелем (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 133; РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 36422, Оп. 42. Д. 20874).

⁴⁴ *Харламов В.А.* (1875—1957) — казачий генерал, кадет, председатель Большого войскового круга (1918—1921 гг.), представитель Объединенного совета казаков Дона, Кубани, Терека в Париже, в письме к Бурцеву 29 марта 1921 г. просил напечатать в «Общем деле» декларацию и текст соглашения казачьих войск (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 623. Л. 7).

⁴⁵ *Сычев К.И.* — генерал, представитель казачьих войск в Париже, член Русского национального комитета. В письме к Григорию Алексеевичу (Алексинскому) 3 января 1921 г. сообщил об основных положениях объединения офицеров в «Общество офицеров Русской армии, находящихся во Франции», просил об этом довести до сведения Бурцева (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 2149. Л. 10—10об.).

⁴⁶ *Манжен Шарль* (1866—1925) — французский генерал, во время интервенции в Россию — начальник французской военной миссии на Юге России; командующий французскими оккупационными войсками в Рейнской области, член Верховного военного совета Франции (1920).

⁴⁷ «Попюлер» — газета основана французскими центристами в 1916 г., с 1921 г. — центральный орган Французской социалпартии.

⁴⁸ Газета «Ля ваг» — издавалась в Марселе, орган «Революционного объединения».

⁴⁹ *Петлюра С.В.* (1877—1926) — один из лидеров украинского националистического движения.

⁵⁰ «Газетт де Вог» — издавалась в департаменте Вогезы (Франция).

⁵¹ *Симонс Вальтер* (1861—1950) — министр иностранных дел Германии в 1920—1921 гг.

⁵² *Винавер М.М.* (1862/1863—1926) — юрист-государствовед, депутат 1-й Государственной думы, один из основателей партии кадетов, после Октября министр внешних сношений в Крымском краевом правительстве, в июне 1919 г. вместе с союзниками эвакуировался из Крыма через Константинополь, перед эвакуацией вместе с другими членами правительства передал французам ценности краевого банка и севастопольского казначейства, с 1919 г. эмигрант в Париже, товарищ председателя парижского комитета кадетов, литератор (РГВА. Ф. 1. Оп. 21. Д. 14903).

⁵³ *Пасманик Д.С.* (1869—1930) — профессор, еврейский общественный деятель, до 1917 г. кадет, с июня 1919 г. эмигрант в Париже, член Русского национального комитета, в 1919—1922 гг. ближайший помощник Бурцева по изданию «Общего дела», в 1924—1928 гг. парижский корреспондент газеты «За свободу» (Варшава), автор воспоминаний о Савинкове.

⁵⁴ *Чайковский Н.В.* (1850—1926) — патриарх народнического движения, в конце 1860-х гг. — член революционного кружка (так наз. «чайковцев»), с 1874 г. в эмиграции, в 1904 г. примкнул к эсерам, в 1917 г. член ЦК объединенной Трудовой народно-социалистической партии, активный деятель Белого движения, глава и член ряда антибольшевистских правительств, журналист, председатель конспиративной организации «Центр действий» (ноябрь 1920 г.), в 1920—1926 гг. председатель Парижского комитета помощи русским писателям и журналистам. Из фонда Архангельского правительства в Париже в 1918 г. выделил на нужды агентства Бурцева «Унион» 36 тыс. франков в кредит из которых 25 тыс. в мае 1920 г. пожертвовал «на расходы и агитацию против большевизма в Париже», в 1921, 1925 гг. напоминал Бурцеву о долге в 11 тыс. франков, узнав,

что Бурцев должен получить 35 тыс. франков от Пражского исторического архива (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 624; РГВА. Ф. 1. Оп. 19. Д. 2437).

⁵⁵ *Врангель П.Н.* (1878—1928) — генерал, Главнокомандующий Белой армии на Юге России, основатель РОВС в 1924 г. В обширной переписке Бурцева с Врангелем за 1920—1928 гг. наглядно проявляются причины их разногласий. Бурцев настойчиво просил Врангеля «переменить помощников», приверженцев монархии, считал, что Россию может спасти союз всех партий под демократическим знаменем, что необходимо завоевать общественное мнение во всех странах с помощью печатного органа. В 1921 г. Врангель активно финансировал Бурцева, в 1922 г. ссылался на финансовые трудности (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 178). Всего с ноября 1920 г. по март 1922 г. его штабом выдано редакции «Общего дела» около 392 тыс. франков.

⁵⁶ «Единство» — группа меньшевиков-оборонцев, создана в 1914 г. Г.В.Плехановым, окончательно оформилась в марте 1917 г., имела организации в Петрограде, Москве, Баку. Издавала в Петрограде легальную газету того же названия, поддерживала деятельность Временного правительства, выступала против большевиков и Октябрьской революции.

⁵⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2493. Л. 73. *Браиловский А.П.* — член ЦК «Единства», выступал с докладом на первом всероссийском совещании группы.

⁵⁸ *Резанов А.С.* (1878—?) — до Февральской революции помощник военного прокурора Петроградского военного округа, сотрудник «Нового времени» по военному отделу, полковник. В марте 1917 г. был осужден ЧСК, 4 месяца провел в Петропавловской крепости, после освобождения написал Бурцеву благодарственное письмо за участие в его деле, «которое правильнее назвать гражданским мужеством [] Радуюсь своему освобождению не только за себя. Радуюсь и за ту массу невинно томящихся по тюрьмам офицеров, вина которых только в том, что они были начальниками, стоявшими на высоте своего долга. Быть может, начинается заря права и справедливости» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 2. Д. 430. Л. 7—8). В гражданскую войну Резанов занимался контрразведывательной и пропагандистской деятельностью в России, находился в контакте с Орловым (см. прим. 86), осуждал Н.С.Батюшина «за массовые казни людей». В 1919 г. писал Бурцеву из России, что «собрал огромный и интересный материал о закулисной работе немцев», но не может использовать его в России, желал войти в связь с Бурцевым. В 1920 г. жил в Белграде (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 524; РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2493. Л. 72. Д. 2586. Л. 62).

⁵⁹ *Маркотун С.К.* (1890—?) — присяжный поверенный, украинский федералист, председатель Украинского национального комитета, стоявшего на платформе федерации с Россией, сотрудник «Общего дела», масон (РГВА. Ф. 1. Оп. 13а. Д. 262; Ревякин А.В. 1922—1924: за кулисами дипломатического признания // Россия и Франция XVIII—XX вв. Сб. М., Наука. 1995. С. 226—237).

⁶⁰ *Савинков Б.В.* (1879—1925) — один из лидеров партии эсеров, заместитель Азефа и ее «Боевой организации», после февраля 1917 г. военный комиссар Временного правительства; став управляющим военного министерства, назначил Бурцева начальником политического департамента министерства. 24 июля 1917 г. Бурцев писал Савинкову о необходимости его видеть, чтобы сказать ему, что около него «есть лицо, связанное самым тесным образом с тем, кого и общественное мнение, и разведочное бюро считают одним из главных немецких агентов. Это Вам нужно знать как военному министру» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 2. Д. 498. Л. 1). После выступления Корнилова Бурцев и Савинков вышли из министерства. В октябре 1917 г. Савинков был исключен из партии эсеров, активный участник Белого движения, затем разочаровался в его успехе, в 1923—1924 гг. имел контакты с итальянскими фашистами, разочаровался в Муссоли-

ни. Надеясь возглавить в СССР антибольшевистскую подпольную организацию «Либеральные демократы» (создана чекистами), перешел границу, 16 августа арестован ГПУ в Минске, погиб при невыясненных обстоятельствах (см. прим. 121. ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 530; РГВА. Ф. 1. Оп. 18а. Д. 1117).

⁶¹ *Струве П.Б.* (1870—1944) — экономист, философ, историк, журналист, лидер «легального марксизма», затем кадет, член ЦК партии, один из лидеров ее правого крыла, член Особого совещания в правительстве Деникина, министр в правительстве Врангеля, с 1920 г. в эмиграции, редактор журнала «Русская мысль» (Прага), газеты «Возрождение» (Париж), преподавал в Пражском и Белградском университетах (РГВА. Ф. 1. Оп. 18. Д. 43657).

⁶² В 1920 г. Бурцев дважды ездил в Берлин, в письмах Врангелю, Деникину сообщал, что эти поездки дали ему много интересного, что он добился там очень важных результатов, завязал сношения с прессой, государственными деятелями, политическими обществами, представителями русской колонии, деятелями германской оппозиции и лицами, близкими к Людендорфу. Результатом этого будет, как он сообщил, новая кампания в европейской прессе против большевиков (ГА РФ. Ф. 5902 Оп. 1. Д. 178. Л. 2; Д. 230. Л. 12). По сведениям французской разведки, Бурцев встречался в Берлине с Мальцаном, Бартельсом (бывший немецкий консул в Петрограде, сотрудник МИД), близким знакомым Веры Гладыш (см. прим. 84) (РГВА. Ф. 198. Оп. 17. Д. 213а. Л. 68, 69).

⁶³ *Мальцан Адольф Георг Отто* (1877—1927) — немецкий государственный деятель, виднейший представитель «восточного течения германской политики», участник Генуэзской конференции и подготовки советско-германского Рапалльского договора 16 апреля 1922 г.

⁶⁴ «Свобода» — политическая, литературная и общественная газета, издавалась в Варшаве (1920—1921) при участии Б.В.Савинкова, Д.С.Мережковского, З.Н.Гиппиус, Д.В.Философова, с 4 ноября 1921 г. заглавие «За свободу».

⁶⁵ *Минор О.С.* (1861—1933) — бывший народоволец, видный деятель эсеровской партии, весной 1919 г. — вторая эмиграция (Париж, Прага, Париж), журналист, мемуарист, сотрудник парижского Земгора, представитель РЗИА в Париже. Бурцев «с протестом» относился к деятельности Минора, а в 1924 г. писал ему: «Вы, конечно, понимаете, насколько мне тяжело сознавать, что Ваша партия, в лице Керенского и Чернова, сделала для России, как она скомпрометировала, если не принципы демократии (их скомпрометировать нельзя), то демократов нашего поколения» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д.408. Л. 2, 21—23).

⁶⁶ *Бенеш Эдуард* (1884—1948) — министр иностранных дел Чехословакии в 1918—1935 гг., оказывал финансовую помощь эсерам.

⁶⁷ *Зензинов В.М.* (1880—1953) — один из лидеров партии эсеров, активный участник и организатор Белого движения, член правительства Комуча (Комитет членов Учредительного собрания, созданный в Самаре 18 июня 1918 г.), член Уфимской Директории, после колчаковского переворота в ноябре 1918 г. выслан за границу, с января 1919 г. в Париже, активный участник эсеровского белоэмигрантского движения, журналист, мемуарист. В письмах к нему Бурцев писал также с возмущением о Керенском и его окружении, «которые погубили Россию и наградили ее Большевиками», были «одним из главных виновников гибели Колчака и Деникина». По поводу критики Зензиновым полученных Бурцевым для «Общего дела» денег от Колчака писал: «Не буду же я доказывать в печати, что получать деньги для пропаганды от тех, кто наши союзники и с кем мы ведем общую политическую борьбу, наше право?» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 276. Л. 3—19).

⁶⁸ Газета «Пресс дю Суар» — франко-русская политическая, литературная, коммерческая газета (политический редактор Е.Максимов), издавалась в Кон-

стантинополе, в ноябре 1921 г. союзное командование разрешило издавать газету только на русском языке с обязательным переводом из французского официоза передовой статьи.

⁶⁹ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1222. Л. 320—321. *Вайян-Кутюрье, Поль* (1892—1937) — французский политический деятель, журналист, депутат парламента, член ЦК ФКП.

⁷⁰ *Лефевр Раймон* (1891—1920) — писатель, журналист, член французской социал-партии (1916—1920), член ЦК движения «Клярте» (1919—1920), член комитета за вступление в Коминтерн (1919—1920). Лёпти Жюль Мариус (1889—1920) — рабочий, анархист, синдикалист; Вержа Марсель — рабочий-металлург, синдикалист. Нелегально выехали из Франции в Россию на II конгресс Коминтерна (19 июля — 7 августа 1920 г.). Лефевр выступал на нем. При возвращении из России погибли в конце сентября 1920 г. при неизвестных обстоятельствах. Их смерть имела большой резонанс во Франции.

⁷¹ *Алексинский Г.А.* — автор заявления в печати (4 июля 1917 г.) о получении Лениным денег от немецкого генштаба, с 1918 г. в эмиграции, заведовал пропагандой в Русском совете генерала Врангеля, 2 октября 1920 г. заключил соглашение с редакцией «Общего дела» об условиях сотрудничества, одним из них являлось сохранение за Алексинским «полной свободы в своих статьях» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 71. Л. 13); неоднократно менял свою политическую ориентацию и в эмиграции (от сотрудничества в монархической «Русской газете» до контактов с большевиками, которым желал продать свой архив).

⁷² *Окулич И.К.* — представитель Владивостокского (Приамурского) правительства братьев Меркуловых и 7 казачьих Войск Урала и Сибири в США в 1921—1922 гг. В июне 1921 г. был заочно избран в состав Национального комитета, после получения телеграмм от Бурцева с настоятельными просьбами спасти «Общее дело» сумел направить лишь 1,5 тысячи франков; добивался от правительства Меркуловых ежемесячного перевода Бурцеву 1,5 тыс. долларов; критиковал бывшего посла России в США Бахметьева за нежелание оказывать финансовую помощь этому правительству. В 1922 г. (февраль) сложил с себя полномочия его представителя в США. И после выхода из правительства продолжал информировать Бурцева о положении на Дальнем Востоке (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 449, 22681; РГВА. Ф. 1. Оп. 42. Д. 7640).

⁷³ *Кашен Марсель* (1869—1958) — деятель французского и международного рабочего движения, один из руководителей и основателей ФКП, 27 декабря 1918 г. поднял вопрос в Палате депутатов Франции об интервенции в Россию.

⁷⁴ Такие надежды у белой эмиграции и союзников вызывали события в Кронштадте, крестьянские мятежи в Тамбовской губернии.

⁷⁵ См. об этом Попова С.С. Франция и проблемы возвращения врангелевцев в Советскую Россию в 1921 г. // Сб. «Россия и Франция XVIII—XX века. М. Наука. 1998. С. 241—271.

⁷⁶ *Федоров М.М.* (1858—?) — правый кадет, управляющий министерством торговли при графе С.Ю.Витте, эмигрант, один из инициаторов и руководителей Национального комитета, затем его председатель, член правления Русского общества пароходства и торговли, основатель фонда и глава Ассоциации помощи русским студентам. (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 2139, 602).

⁷⁷ *Карташев А.В.* (1875—1960) — общественно-политический и церковный деятель, историк русской церкви, член ЦК партии кадетов, министр вероисповедания при Временном правительстве, с января 1919 г. в эмиграции, с 1921 г. председатель Русского национального комитета (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 301.; РГВА. Ф. 1. Оп. 11. Д. 4318, Оп. 42. Д. 16936).

⁷⁸ Русский национальный комитет (РНК) был избран на съезде Русского национального объединения в Париже летом 1921 г. Главными задачами комитета были свержение большевиков, «восстановление русской государственности», приверженность идее самоопределения России, народовластия, демократическим началам, отказа от планов реставрации монархии, декларировалась свобода в выборе «средств борьбы за освобождение России». Отделы комитета были созданы практически во всех центрах русской эмиграции. Бурцев в 20—30-х гг. входил в президиум РНК. В письмах к Карташову в 1926 г. отстаивал свои принципы борьбы с большевиками с помощью надпартийного органа, которым считал РНК, писал, в частности: «Я левый из левых. Но меня всегда, особенно начиная с 14 г., возмущает, что левые партии свою партийность ставят выше интересов страны. Таковы были Ленины, таковы были и Керенские — и до сих пор я не вижу еще у этих левых партий здорового перелома ни у нас, ни в других странах». Надежду Бурцев видел «только в союзе левых и правых, если не всех, то, по крайней мере, большей части. Это для меня является аксиомой» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 301. Л. 85, 95об.).

⁷⁹ Семенов Ю.Ф. (1873—1947) — кадет, журналист, участник Белого движения, после революции в Грузии, в 1920 г. в Париже, секретарь парижского комитета кадетов, в феврале 1921 г. вышел из его состава, с 1924 г. генеральный секретарь РНК, в 1927—1940 гг. редактор газеты «Возрождение»

⁸⁰ Клепиков Ф.Ф. (1891—?) — эсер, член организации Савинкова «Союз защиты Родины и Свободы», близкий друг Савинкова.

⁸¹ Маклаков В.А. (1869—1957) — юрист, кадет, в середине октября 1917 г. выехал в Париж в качестве посла России во Франции, в связи с октябрьскими событиями оставался неаккредитованным послом до октября 1924 г., с февраля 1921 г. глава Русского совета послов в Париже, в 1921—1922 гг. Бурцев настойчиво просил Маклакова о финансовой поддержке «Общего дела», в котором Маклаков публиковался. С 1924 г. — председатель Русского эмиграционного комитета по защите юридических прав русской эмиграции при Лиге Наций (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 389; РГВА. Ф. 1. Оп. 13. Д. 4687, 4828).

⁸² Фридлиндер А.П. — журналист, в гражданскую войну служил в Уссурийском стрелковом дивизионе. В феврале 1921 г. арестован в Харбине по приказу китайского генконсула во Владивостоке за убийство двух китайцев при побеге их из тюрьмы. Ф. Клепиков в письме председателю Временного Приамурского правительства заявлял, что арест Фридлиндера — это месть китайцев за публикацию им в 1920 г. материалов об участии китайских представителей и китайских военно-морских кораблей в большевистских операциях, требовал его освобождения и передачи русским властям (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 312. Л. 9—13, Д. 1465).

⁸³ За границей русские фабриканты, банкиры, эмигрировавшие из России, создали свои организации: Всероссийский союз промышленности и торговли (Протосоюз), Российский финансовый торгово-промышленный союз (Торгпром), Комитет частных коммерческих банков. Эти 3 организации выступили инициаторами торгово-промышленного съезда, состоявшегося в мае 1921 г. в Париже, разрабатывали планы восстановления собственности в России, имели большие капиталы. 1 июня 1921 г. представитель Торгпрома Денисов сообщил в письме Бурцеву: «Глубокоуважаемый Владимир Львович. От имени тех лиц, которым Вы адресовали Ваши письма по смыслу наших переговоров имею честь сообщить Вам, что [основания] Ваши (ввиду расхождения с нашими) для нас неприемлемы и потому мы считаем наши разговоры прерванными и не подлежащими возобновлению. С глубоким уважением. Денисов» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 246. Л. 18),

⁸⁴ *Гладыш В.И.* (1895—?) — заведующая берлинским отделением редакции газеты «Общее дело», получала развединформацию от В.Г.Орлова (см. прим. 86), агентура которого, в свою очередь, получала средства из французских источников через Гладыш. По просьбе Бурцева, направляла информацию для его статей «по немецким вопросам». В 1920 г. брала интервью у Э. Бернштейна, генерала Гофмана, занималась вместе с мужем вербовкой в отряды Савинкова и антибольшевистской пропагандой, направила Бурцеву перевод статьи из немецкой газеты от 28 февраля 1921 г. о причинах отказа ему в визе: враждебный тон его статей по отношению к Германии, публикация, в отместку за отказ в визе, бездоказательной статьи «о сношениях германского генштаба с ленинской бандой» (эту статью Бурцев желал издать и в Берлине) (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 1594; РГВА. Ф. 1. Оп. 7. Д. 20327, Оп. 42. Д. 2076; Ф. 772. Оп. 1. Д. 13. Л. 33).

⁸⁵ *Манасевич-Мануйлов И.Ф.* (1869—1918) — авантюрист, сотрудник «Нового времени», в 1905 г. секретный агент Департамента полиции, чиновник для особых поручений при графе С.Ю.Витте по сбору разведанных и контрразведке, в 1917 г. сотрудничал в газете «Общее дело», после Октября бежал, на границе с Финляндией арестован и расстрелян.

⁸⁶ *Орлов В.Г.* (1882—1940) — юрист, при Временном правительстве — следователь по делам о шпионаже и государственной измене, после Октября, по заданию генерала Алексеева, в советской уголовной службе (в одном из писем Бурцеву просил содействия в выдаче удостоверения о том, что по инициативе союзников и Добровольческой армии работал с января по октябрь 1918 г. в Петрограде под фамилией Орлинский. ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 454. Л. 28), после разоблачения в конце 1918 г. бежал, с 1919 г. в Добровольческой армии: начальник контрразведки в Одессе, руководитель Особого отдела в штабе генерала Врангеля, организатор разведработ в Польше, в Прибалтийских странах (по словам Бурцева, работал, «в белой контрразведке против III Интернационала»). В 1921—1926 гг. в Германии, снабжал сведениями С.Рейли и боевую организацию генерала Кутепова, участвовал в фабрикации знаменитого «письма Зиновьева» и других фальшивок (что в письмах к Бурцеву отрицал), по поручению Бурцева, посылал ему сведения о большевистско-немецких отношениях. Подчиняясь С.Рейли, одновременно являлся осведомителем германской политической полиции, в 1929 г. скомпрометирован ИНО ОГПУ, выслан из Германии (см. об этом очерк «Король кремлевских шпионов» // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М. 1996. С. 158—165), с 1930 г. в Бельгии, в 1940 г. арестован Гестапо, расстрелян. (РГВА. Ф. 1. Оп. 15. Д. 4468).

⁸⁷ *Гамильтон М.В.* — граф, лейтенант, входил в организацию ОК — службу военно-морской разведки в Лондоне, Париже, работала в тесном контакте с английской разведкой (создана была по приказу Колчака в Лондоне в мае 1919 г., к началу 1922 г. распущена), состоял также на службе в управлении генерала Миллера, у которого ранее на Архангельском фронте служил в контрразведке, а затем был его адъютантом. (РГВА. Ф. 1. Оп. 42. Д. 22453).

⁸⁸ *Миллер Е.К.* (1867—1939) — генерал, один из лидеров белого движения на Севере России, в феврале 1920 г. эмигрировал в Финляндию, затем в Париж, с 1930 г. возглавлял РОВС, 22 сентября 1937 г. похищен агентами НКВД, расстрелян в Москве (см.: Бортневский В.Г. Избранные труды. М. 1999. С. 381—396).

⁸⁹ *Раппопорт Шарль* — член ФКП, в 1922 г. отправил из Риги Ленину телеграмму о своем возвращении на родину после 35-летней эмиграции «с братским приветом Ленину, товарищам из “Нашего слова”». В 1923 г. — представитель ИК Коминтерна в Париже; порвал с ФКП в 1938 г., о чем сообщил в английскую газету «Манчестер Гардиан», после заключения советско-германского пакта о ненападении направил второе письмо в газету (а также в «Последние новости»,

так как был уверен, что эту газету читал Сталин), с резким осуждением Сталина, где, в частности, писал о своей «56-летней бескорыстной социалистической борьбе с 1883 г. в сотрудничестве с такими людьми, как Петр Лавров, Георгий Плеханов, Ленин и Карл Каутский, участвовал в создании русской эсеровской партии, которая имела большинство в Учредительном собрании (против роспуска его я публично протестовал), а также в создании ФКП, от которой я хотел быть независимым, отказавшись как член ее ЦК от субсидий из Москвы (Фроссар, бывший министр, может это подтвердить)». (РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 674. Л. 1—8, 20, Ф. 1. Оп. 42. Д. 888, 2250, 12297).

⁹⁰ Газета «Либерте» — орган Французской соцпартии, затем фашистской Французской народной партии.

⁹¹ Газета «Новое время» — издавалась М.А.Сувориным в Белграде (1921—1930). Ранее издавалась в Петербурге (в 1876—1912 гг. — издатель А.С.Суворин, с 1905 г. — орган черносотенцев, была закрыта 26 октября 1917).

⁹² *Русс П.Я.* (1870—1948) — кадет, журналист, социолог, с 1919 г. в эмиграции в Берлине, Париже, публиковался в «Общем деле», член парижской демократической группы Милюкова, секретарь редакции газеты «Последние новости», со-редактор журнала «Борьба за Россию».

⁹³ Вероятно, *Гронский П.П.* (1883—1937) — член ЦК партии кадетов, эмигрант.

⁹⁴ *Филлипов А.И.* (1883—1942) — журналист, в 1918 г. издатель газеты «Голос Киева», затем Константинополь, Берлин, сотрудник газеты «Руль», с октября 1922 г. ее корреспондент в Париже, активно помогал Бурцеву в поисках источников финансирования газеты «Общее дело», ездил с этой целью к Врангелю, в Софию, Бухарест, в 1923—1925 гг. член редколлегии крайне правой «Русской газеты», в 1925—1928 гг. такого же «Русского времени», в 1929—1934 гг. — редактор журнала «Театр и жизнь».

⁹⁵ *Габрилович Л.Е.* (псевдоним Галич) (1878—1953) — публицист, литературный и театральный критик, сотрудник агентства «Руссаген», с 1921 г. в Париже, член Русского философского общества. В 1921 г. Бурцев посчитал работу с ним прекратившейся, так как ставил условием работать только для «Общего дела» и агентства (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 182).

⁹⁶ *Нансен Фритъоф* (1861—1930) — норвежский полярный исследователь и общественный деятель, с апреля 1920 г. Верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных и беженцев, с августа 1921 г. руководитель акции Красного Креста по оказанию помощи голодающим Поволжья. Лауреат Нобелевской премии. С 1922 г. по его инициативе для беженцев выдавались временные паспорта — «паспорта Нансена».

⁹⁷ Газета «Эклер» — издавалась в Париже в 1888—1939 гг.

⁹⁸ *Каутский Карл* (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала.

⁹⁹ *Бернштейн Эдуард* (1850—1932) — один из лидеров германской социал-демократии, один из инициаторов ревизии марксизма, обвинял большевиков в получении денег от немецкого генштаба.

¹⁰⁰ *Карачевцев С.В.* — в 1921 г. направлял Бурцеву статьи за подписью С.К-в (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 1793). Автор сборников анекдотов, издававшихся в Риге, и книги «Жизнь и суд», посвященной известному русскому адвокату Н.П. Карабчевскому (Рига. 1929 г.).

¹⁰¹ *Нуланс Жозеф* (1864—1939) — французский государственный и политический деятель, дипломат, в 1913—1918 гг. посол Франции в России, в 1921 г. председатель Межсоюзнической комиссии помощи голодающим в России, председатель Промышленного, коммерческого и финансового общества для

России и смежных с ней государств (*Société pour la Russie et pays limitrophes industrielle, commerciale et financière.*)

¹⁰² *Пети Эжен (Евгений Юльевич)* (1871—1938) — адвокат, член французской военной миссии в России в сентябре 1916 — марте 1918 г., был женат на русской — Балаховской С.Г. (адвокат и литератор), хорошо знал Россию, член французского правительства. (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 711).

¹⁰³ *Людендорф Эрих* (1865—1937) — германский генерал, в Первую мировую войну начальник штаба Восточного фронта, в надежде на пересмотр Версальского договора пытался склонить французское правительство к необходимости совместных военных действий против Советской России, участник Капповского путча в 1920 г., соучастник нацистского путча в Мюнхене в 1923 г.

¹⁰⁴ *Путилов А.И.* (1866—1937) — крупный русский промышленник, после Октября — эмигрант во Франции, где возглавил Парижское отделение Русско-Азиатского банка, активно финансировал Белое движение, член Торгово-промышленного союза во Франции. В феврале 1922 г. имел беседу с Бурцевым, в которой, на просьбу Бурцева помочь «Общему делу», высказал свое несогласие с «ежедневной бранью по адресу большевиков», свое опасение массовой гибели русского народа в случае отказа иностранных государств от торговых сношений с Советской Россией. Ответом Бурцева была статья в «Общем деле» «Ленин и Дзержинский, Красин и Путилов». В письме в редакцию «Последних новостей» по поводу этой статьи Путилов не отрицал своих добрых отношений с Л.Б.Красиным, желания создать эмиссионный банк для России (проект этот не был осуществлен). Но отношения с Бурцевым вскоре наладились, так как Путилов высоко ценил «честное и незапятнанное имя Бурцева» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 494).

¹⁰⁵ Журнал «Смена вех» — еженедельный публицистический, общественно-политический журнал под редакцией Ю.В.Ключникова, печатный орган сменовеховцев, издавался в Париже в 1921—1922 гг. Под этим названием в июле 1921 г. в Праге был издан сборник статей шести эмигрантов-либералов, в т.ч. Ю.В.Ключникова, в которых отражена идея сменовеховцев — смирение с советской системой, возвращение русских эмигрантов на родину во имя ее возрождения.

¹⁰⁶ *Ключников Ю.В.* (1888—1938) — профессор, юрист, общественно-политический деятель, кадет. с 1919 г. в Париже, один из лидеров сменовеховства, в августе 1921 г. вышел из партии кадетов, в апреле-мае 1922 г. один из экспертов советской делегации на Генуэзской конференции, в августе 1922 г. посетил Советскую Россию, в 1922 г. соредатор берлинской газеты «Накануне», в августе 1923 г. вернулся в Россию. Погиб в заключении. (РГВА. Ф. 1. Оп. 11. Д. 12479).

¹⁰⁷ *Кутепов А.П.* (1882—1930) — генерал, с сентября 1920 г. командующий 1-й Белой армией в гражданскую войну, с ноября 1920 г. — эмиграция в Галлиполи, с конца 1921 г. в Болгарии, в мае 1922 г. выслан из Болгарии вместе с другими видными военачальниками Русской Армии, жил в Белграде, с 1924 г. в Париже, с апреля 1928 г. председатель РОВС. В конце января 1930 г. похищен в Париже агентами ИНО ОГПУ, через Марсель нелегально вывезен из Франции, умер в пути близ Новороссийска.

¹⁰⁸ *Ллойд-Джордж Дэвид* (1863—1945) — премьер-министр Великобритании, инициатор созыва Международной конференции в Генуе (10 апреля 1922 г.) для возобновления связей Великобритании с Германией и Советской Россией.

¹⁰⁹ *Марков II-й Н.Е.* (1866—1945) — крупный помещик, монархист, один из лидеров правых в России и в эмиграции в Германии, председатель ВМС (1921—1931). В Германии поддерживал активную связь с нацистской партией, был

причастен к «пивному путчу» Гитлера в 1923 г., руководитель и главный сотрудник антисемитского органа «Мировая служба», издававшегося в Эрфурте на 4 языках (псевдоним Н.Дятлов). (РГВА. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10461).

¹¹⁰ Съезд монархистов проходил в Париже 16—22 ноября 1922 г. Известно откровенно отрицательное отношение Бурцева к идее восстановления монархии в России. Вот как он отзывался о монархическом съезде в 1926 г.: «Будет поистине общенациональное русское несчастье, если в таком их съезде примет участие НК и официальные представители бывшего белого движения» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 301. Л. 84).

¹¹¹ РГВА. Ф.1. Оп. 5. Д. 938. *Ефимовский Е.А.* (1885—?) — председатель ЦК партии конституционных монархистов, член ВМС, редактор «Русской газеты» в Париже. Вместе с А.И.Филипповым автор письма вел. князю Николаю Николаевичу с выражением «полной готовности быть всецело в распоряжении вел. князя». Бурцев за переход Филиппова в лагерь монархистов называл его в письмах «наше общее несчастье».

¹¹² *Шульгин В.В.* (1878—1976) — общественно-политический деятель, монархист, мемуарист, один из организаторов Добровольческой Армии, эмигрировал в Константинополь, с 1921 г. в Югославию. От политической деятельности отошел. В декабре 1944 г. арестован советскими войсками, в январе 1945 г. депортирован в СССР. В сентябре 1956 г. освобожден из заключения. Умер во Владимири. В фонде Бурцева сохранилась интересная переписка его с Шульгиным за 1921—1923 гг., в которой Бурцев раскрывает свои политические пристрастия, свои разочарования в белых генералах (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 658; РГВА. Ф. 1. Оп. За. Д.1098).

¹¹³ Вероятно, *Афанасьев А.Г.* (1859—?) — бывший член кадетской фракции во II-й и IV-й Государственных думах.

¹¹⁴ *Милюков П.Н.* (1859—1943) — профессор истории, лидер партии кадетов, в 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства, в мае вышел в отставку. После октября выехал из Москвы в Новочеркасск, где начала создаваться Добровольческая армия. Перебравшись с Дона в Киев, вступил в контакт с командованием германских войск, надеясь подавить советскую власть при помощи немецких оккупантов. В конце октября 1918 г. признал свою позицию ошибочной. Приветствовал военную интервенцию Антанты. С конца 1918 г. в эмиграции, с 1920 г. в Париже. Главный редактор «Последних новостей». С 1922 г. председатель Парижского союза русских писателей и журналистов. В 1924 г. возглавил Республиканско-Демократическое Объединение (РДО). Автор многих книг и статей (ГА РФ. Ф. 5802 Оп. 1. Д. 407; РГВА. Ф. 1 Оп. 13. Д. 36346, 37008).

¹¹⁵ В Берлине в издательстве «Гамаюн» в 1923 г. вышел 1-й том воспоминаний Бурцева под заголовком: «Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882—1922)». 1-й том заканчивался 1910-м годом, что и было обозначено в переизданном в Берлине в 1924 г. сборнике. 2-й том Бурцев не смог издать, но много статей из него он опубликовал в русских изданиях.

¹¹⁶ *Пуанкаре Раймон* (1860—1934) — премьер-министр и министр иностранных дел Франции с 15 января 1922 г. по 9 июня 1924 г.

¹¹⁷ *Эррио Эдуар* (1872—1957) — французский государственный деятель, писатель, радикальный социалист, председатель Палаты депутатов, министр иностранных дел, премьер-министр Франции с перерывами в 1924—1926 гг. Его правительство в октябре 1924 г. признало СССР.

¹¹⁸ Монзи, де, Анатолий (1876—1947) — французский сенатор, активно выступавший за признание Советской России, с 1925 г. занимал различные министерские посты в правительстве.

¹¹⁹ В письме В.Г. Орлову 28 января 1924 г. (которое просил в присутствии его подателя сжечь) Бурцев писал: «Я сейчас разбираю материалы и изучаю дело о Моркотуне и тех, кто был с ним связан из русских и из французов (Эррио, Монзи). Получить дополнительные сведения об их поездке в Россию для меня чрезвычайно важно. Это дело спешное. Таких дел, как дело Моркотуна, у меня много [...] Мы доведем борьбу с большевиками до белого каления». (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 454. Л. 4). Позже у Бурцева появились сведения, «что Моркотун связан с Виктором Васильевичем Богомольцем и, кажется, с Боговухом-Коломийцевым. (см. прим. 154) Нам надо заняться Моркотуном».

¹²⁰ Великий князь Николай Николаевич Романов (1856—1929) — двоюродный дядя Николая II, генерал-адъютант, был провозглашен русскими эмигрантами-монархистами, его сторонниками, «верховным вождем». В январе 1924 г. в кн. Николай Николаевич заявил, что «готов служить Родине, но, чтобы быть уверенным в успехе, должен знать, что русский народ этого желает и что русские эмигранты разных партий объединились». С декабря 1924 г. принял от Врангеля руководство РОВСом, в который оформились все русские военные зарубежные организации.

¹²¹ Бурцев был одним из немногих парижских друзей и старых знакомых Савинкова, кому тот сообщил о своем намерении отправиться в СССР. Беседа, состоявшаяся в конце июля 1924 г., за неделю до отъезда Савинкова в СССР, обстоятельно комментировалась затем в печати обоими участниками, Бурцев считал, что Савинков поверил Дзержинскому, Менжинскому и «изменил делу. Он стал защитником Дзержинского против Зиновьева. Только в тюрьме он понял, что он обманут кругом и бросился с пятого этажа» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 530). См. также об этом очерк «Трудный путь к исповеди» Савинкова в сб.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М. 1996. С. 90—97; Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001.

¹²² В 1924 г. А.В. Карташев вместе с М.М. Федоровым написал письмо Бриану с выражением недоумения в связи с желанием Франции признать СССР. Бурцев советовал своим соратникам использовать выборы во Франции, «везде, где выступают Эррио или Кашен, надо напасть на них и разоблачать большевиков».

¹²³ РГВА. Ф. 1. Оп. 34. Д. 5236. Л. 7, 26. Это документ за 5 марта 1919 г.

¹²⁴ РГВА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 12. Л. 357—358. Шульгин зимой 1925—1926 г. по фальшивому паспорту посетил Ленинград, Москву и родной Киев, не подозревая, что поездка была осуществлена в рамках задуманной чекистами операции «Трест». После возвращения в Париж написал книгу «Три столицы» (вышла в 1926 г.), где описал жизнь в СССР периода НЭПа (см. статью Д. Жукова «Ключи к Трем столицам» в кн. В.В. Шульгин «Три столицы». М. 1991. С. 398—496).

¹²⁵ Мельгунов С.П. (1879—1956) — историк, специалист по истории Русской церкви, русского общественного и революционного движения XVIII—XX вв., член ЦК трудовой народно-социалистической партии, после Октября сотрудничал с подпольными монархическими офицерскими организациями, в октябре 1922 г. выслан из Советской России. С середины 20-х гг. в Париже, непримиримый противник советской власти. В 1949—1954 гг. редактор журналов «Возрождение» и «Российский Демократ». По словам самого Мельгунова, хотя Бурцев очень резко полеймизировал с ним, сохранил с Бурцевым дружеские отношения до конца его жизни (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 400, 400а).

¹²⁶ РГВА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 14. Л. 363—364. Коти Франсуа (1874—1934) — основатель известной парфюмерной фирмы, пытался через прессу играть важную

роль в политической жизни Франции, с 1924 г. владелец «Фигаро» и других еженедельных изданий, в феврале 1934 г. помогал фашистской организации «Круа де фё», интересовался деятельностью других французских профашистских организаций. По сведениям французской разведки, финансировал деятельность русской фашистской организации в Париже «Новый стиль». В течение многих лет был мэром г. Аяччо. Бурцев направлял Коти письмо с предложением о встрече.

¹²⁷ Операция «Трест» — проводилась разведкой и контрразведкой ВЧК—ОГПУ в 1922—1927 гг. по упреждению и скрыванию диверсионно-террористической деятельности РОВС против СССР (см. об этом очерк «Операция “Трест”» в сб. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1996. С. 111—129. и статью Д.Жукова (прим. № 124). В статье, посвященной 10-летию кончины Бурцева, Мельгунов упоминает об острых столкновениях с ним «на почве преждевременного разоблачения Бурцевым пресловутого “Треста”» (Возрождение. Тетр. 24. 1952. Paris. С. 146—160; газ. «Руль». Берлин. 22 января 1928 г.).

¹²⁸ Это сведение из донесения немецкой полиции (РГВА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 14. Л. 363—364). По сведениям французской полиции, фон Пфайль — сотрудник русского паспортного бюро в Белграде, агент ГПУ, посредник между советской и немецкой разведками. В 1928 г. расстрелян в Тифлисе (РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 390. Л. 43; Оп. 4. Д. 168. Л. 18—20, 46,81).

¹²⁹ Речь идет, вероятно, об организации Братство русской правды (БРП) (прим. № 160).

¹³⁰ «Борьба за Россию» — еженедельный журнал, издавался в Париже в 1926—1931 гг. под редакцией В.Л.Бурцева и др. Отличалась непримиримой антисоветской направленностью, делала ставку на насильственное свержение большевиков на основе тактического союза умеренных монархистов, либералов и правых социалистов. Бурцев вышел из редакции в 1928 г.

¹³¹ Газета «Возрождение» — издавалась в Париже в 1925—1940 гг. Была основана при поддержке нефтяного магната А.О.Гукасова. В 1925—1927 гг. — редактор П.Б.Струве, с августа 1927 г. — Ю.Ф.Семенов. Была задумана как умеренно-консервативная, монархическая газета. После отставки Струве газета стала откровенно реакционной, поддерживала режим Гитлера. «Бурцев с 1930 г. вел ожесточенную полемику с “Возрождением”, достигшую апогея в 1933 г., когда он обвинил сотрудника газеты Н.Н.Алексеева в провокаторской деятельности и контактах с ГПУ» (Лазарь Флейшман и др. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х гг. Кн. II. Stanford. 1997 г. С. 339). С января 1949 г. издание возобновилось в виде журнала «Возрождение».

¹³² *Николаевский Б.И.* (1887—1966) — историк революционного движения, публицист, архивист, меньшевик, в 1919—1921 гг. возглавлял историко-революционный архив в Москве. В январе 1922 г. выслан из СССР. В эмиграции продолжал собирать архивные материалы. Жил в Берлине, где был представителем РЗИА, Института Маркса-Энгельса (1924—1931), с 1933 г. — в Париже, директор парижского отделения Международного института социальной истории (Амстердам). В феврале-апреле 1936 г. вел переговоры с Бухариным о продаже архива К.Маркса. Бурцев ценил Николаевского как «крупного знатока истории русского общественного и революционного движения», «писателя, способного беспристрастно и тонко устанавливать факты», но был не согласен с его оценкой политических событий и его политическими взглядами (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 440; РГВА. Ф. 1. Оп. 42. Д. 28055, Ф. 528. Оп. 1. Д. 69). С 1940 г. Николаевский жил в США, где и хранится коллекция его архивных ма-

териалов (Гуверовский институт, 811 ящиков документов). Часть собранных им материалов отложилась в архиве Бурцева в ГА РФ (Ф. 5802).

¹³³ *Виссарион Яковлевич* — вероятно, Гуревич В.Я., эсер, возглавлял комитет Пражского Земгора, первый управляющий РЗИА до 1928 г.

¹³⁴ *Сарро Альбер* (1872—1962) — журналист, политический деятель Франции, сенатор, до 1940 г. член почти всех правительств.

¹³⁵ *Бриан Аристид* (1862—1932) — французский политический деятель, министр иностранных дел Франции в 1917, 1921, 1922, 1925—1932 гг.

¹³⁶ РГВА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 108. Л. 114. В переписке с Бурцевым состоял А.Петров, писавший ему в январе 1930 г. о своем желании работать с ним, с г-ном Д. и «поступить на службу в парижскую тайную полицию», поручал Бурцеву редактирование и издание своей рукописи воспоминаний о 1918—1926 гг. (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 2. Д. 738).

¹³⁷ Великий князь *Кирилл Владимирович Романов* (1876—1938) — двоюродный брат Николая II, с июня 1917 г. в эмиграции в Финляндии, затем Швейцария, Франция. Как и в. кн. Николай Николаевич, претендовал на будущий трон в России. 31 августа 1924 г. провозгласил себя «Императором Всероссийским». Сторонники Кирилла Владимировича создали Союз легитимистов. Кирилл Владимирович требовал от Врангеля подчинения ему РОВС.

¹³⁸ *Думбадзе Е.В.* (1900—?) — доброволец Красной Армии, чекист, один из первых советских невозвращенцев. С июня 1928 г. — в Париже, где имел несколько встреч с Бурцевым, после чего появились его статьи в ж. «Иллюстрированная Россия». В 1930 г. вышла в Париже его книга «На службе ЧК и Коминтерна: личные воспоминания. Со вступительной статьей В.Л.Бурцева и предисловием Соломона Г.А.» Думбадзе работал, по словам Бурцева, около года в Париже, затем в других странах, «принимал участие в ответственных политических выступлениях невозвращенцев», «оказал огромные услуги в борьбе с большевиками». Но если в первые годы Бурцев защищал Думбадзе от нападок не веривших в его искренность русских эмигрантов, то в 1939 г., в связи с таинственной гибелью другого невозвращенца Агабекова (прим. № 145), высказал Думбадзе свои недоумения: «Почему конспирируете с таким общественным делом, как дело Агабекова []. Скажу прямо: здесь Вам не верят» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 240).

¹³⁹ *Гаврилов В.И.* — вероятно, сотрудник белоэмигрантской разведки: в одном из писем Бурцеву 1930 г. заявил, что не желает сотрудничать с Дитерихсом, имевшим сношения с Чайкиным, называл его Азефом в миниатюре за то, что выдал своих сотрудников советским органам. В марте 1934 г. Бурцев написал письмо французскому представителю в Эфиопии в защиту Гаврилова, Трахтенберга, Вороновского, капитана 3 ранга Дитерихса, «жертв провокаторов», высланных из Эфиопии как советские агенты (ГА РФ. Ф. 5802 Оп. 1. Д. 183, 246. Л. 64, 65; РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1582. Л. 49, 50, 184).

¹⁴⁰ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1582. Л. 186, 187. *Лоран Пьер* — в 1917—1918 гг. возглавлял в России филиал разведслужбы 2-го бюро генштаба Франции. Бурцев оказывал ему содействие в поисках компрометирующих большевиков сведений об их связях с немецким генштабом.

¹⁴¹ «Наша речь» — ежедневная внепартийная общественно-политическая и экономическая газета, издавалась в Бухаресте в 1922—1938 гг.

¹⁴² *Тардьё Андре* (1876—1945) — французский политический деятель, в 1930 г. премьер-министр Франции.

¹⁴³ «Последние новости» — ежедневная газета, издавалась в Париже в 1920—1940 гг. В 1920—1921 гг. — редактор М.Л. Гольдштейн, с марта 1921 г. —

П.Н.Милюков. Газета стала органом РДО. Один из основных тезисов — спасение России зависит не от эмиграции, а от самой России. Редакция вела активную полемику с политическими противниками слева и справа, была самой читаемой русской газетой во Франции и других странах, где жили русские эмигранты.

¹⁴⁴ *Де Роберти Н.А.* — полковник русской армии, в 1918 г. начальник штаба Кутепова в Новороссийске, член подпольной «Внутренней русской национальной организации» (ВРНО), созданной из числа бывших офицеров с участием агентов ОГПУ подобно операции «Трест» для пресечения деятельности РОВС. Участник операции по похищению Кутепова, во время встречи с ним в январе 1930 г. тайно сообщил ему о планах похищения, в мае 1930 г. расстрелян ОГПУ (см об этом очерк «Конец РОВС» в сб. «Очерки истории российской внешней разведки». Т. 3. М. 1997. С. 110—119). Бурцев в печати и письмах яростно защищал де Роберти и полковника А.Н.Попова (также сотрудника ОГПУ, члена ВРНО), которых, как он убеждал, оклеветала газета «Возрождение» (как и генерала П.П.Дьяконова (см. прим. 62), обвинив их в работе на ОГПУ. Бурцев считал, что это явилось причиной их гибели после возвращения в Россию (В.Л.Бурцев. В защиту правды. Перестанут ли они клеветать? Дело генерала П.П.Дьяконова. Дело полковника А.Н.Попова и полковника Н.А.де Роберти. Заговор молчания. Издательство «Общее дело». Париж. 1931 г.; ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 244.Л. 3—4; Бортневский В.Г. Избранные труды. М., 1999. С. 371—381).

¹⁴⁵ *Агабеков-Арутюнов Г.С.* (1896—1937) — крупный советский разведчик-чекист, занимал ряд видных постов ВЧК-ОГПУ, в 1930 г. открыто порвал со сталинским режимом, вступил в контакт с английской секретной службой, жил в разных странах, выселялся из Франции, Бельгии. Автор книги «ГПУ. Записки чекиста» (опубликована в 1930—1931 гг. в Берлине, Париже, Англии). Своими разоблачениями нанес серьезный удар по всей зарубежной сети ОГПУ. В июле 1937 г. убит агентами НКВД в Пиренеях. Бурцев отрицательно относился к Агабекову, упоминал в письмах о его мошеннических проделках, которые вовремя разоблачил Думбадзе, но после его исчезновения писал о нем статьи, считал, что «важен не сам Агабеков, а важно то, что он во Франции убит большевистскими гангстерами», возмущался молчанием русской прессы (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 64; Иностранная литература. 1990. № 6. С. 249—251; № 7. С. 232—242).

¹⁴⁶ *Гуманский Александр* (1889—?) — агент ОГПУ, проникший в среду белой эмиграции в Риге. Бурцев предполагал, что он был, как и Агабеков, ликвидирован большевиками после его вынужденного отъезда из Берлина в 1938 г. (РГВА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 107).

¹⁴⁷ *Зиновьев Г.Е.* (1883—1936) — председатель Исполкома Коминтерна, в октябре 1924 г. в газете Дейли Мейл было напечатано «письмо Зиновьева» с инструкциями британской партии, приведшее к отставке правительства Макдональда в 1924 г. В 1926 г. письмо было дезавуировано Коминтерном как фальшивое. Сидней Рейли сразу же после его опубликования в одном из писем Бурцеву высказал свои сомнения в подлинности письма Зиновьева (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. 507. Л. 4—5).

¹⁴⁸ *Добковский Элий Гершев (Мишель)* — бывший народоволец, член партии анархистов-коммунистов, эмигрант, в 1908 г. сотрудничал с Бурцевым в «организации революционного контр-департамента полиции», 12 лет провел в тюрьмах, был психически неуравновешенным человеком. Подозрения в его принадлежности к царской охранке были сняты следственной комиссией Временного правительства и позже Ревтрибуналом ВЦИК. Служил в советских учреждениях, «желая добыть весь материал о себе из архивов», затем вновь за границей. В

1922 г. обещал Бурцеву прислать список большевистских агентов в Польше. Бурцев, вероятно, не мог простить Добковскому, что при допросе царской полицией тот сообщил о своих связях с ним, а также его службы в Советской России. В эмиграции Добковский сотрудничал в журнале Жигулева, где публиковал свои угрозы и оскорбления в адрес Бурцева. В переписке его с Бурцевым находится оригинал письма Бурцева к Добковскому от 18.9.1930 г. (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 237. Л. 16; Оп. 2. Д. 321).

¹⁴⁹ *Жигулев А. (Иринин М.)* — сотрудник советского торгпредства в Берлине, с 1927 г. — невозвращенец, по политическим убеждениям — анархист, редактор-издатель органа заграничного бюро оппозиционеров «Путь труда», издавался в Париже в 1930 г. С ноября 1930 г. заглавие «Оппозиционная правда» — орган оппозиционной борьбы и невозвращенского движения.

¹⁵⁰ Призывы Бурцева со страниц «Общего дела» создать орган Анти-ГПУ не нашли отклика у эмигрантов, что Бурцев расценивал в 1932 г. как одну из тяжчайших ошибок и преступлений всей эмиграции — и левых и правых (Бурцев В.Л. Боритесь с ГПУ. Париж, 1932); (РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 267. Л. 9, 16—31).

¹⁵¹ *Беседовский Г.З.* (1896—после 1970) — в 1917 г. кадет, в 1918 г. левый эсер, в 1920 г. — член КП(б)У, с 1922 — советский дипломат (Вена, Варшава, Токио), затем поверенный в делах СССР во Франции, находился под неусыпным контролем агентов ОГПУ. 3 октября 1929 г. бежал из здания посольства. В 1929—1932 гг. редактор журнала «Борьба» (вышло в Париже 22 номера), автор мемуаров, статей в журнале «Иллюстрированная Россия», в которых разоблачал деятельность ОГПУ. Основал группу «Борьба». (См. о нем: Гордон Брук-Шеперд. Судьба советских перебежчиков // Иностранная литература 1990. № 6. С. 242—249; РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26358; Оп. 27. Д. 12545).

¹⁵² *Шишмарев А.К.* (1902—?) — художник, по данным французской разведки, сотрудник разведслужб нескольких стран, в 1932 г. был выслан из Франции (РГВА. Ф. 7. Оп. 4. Д. 225). В 1938 г. Бурцев оказывал ему содействие в получении помощи из комитета немецких беженцев, характеризовал его как талантливого человека, не имеющего отношения к политике, которого преследовали в Германии: был там арестован, затем в 1937 г. выслан (РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18077, 21381; Оп. 186. Д. 79; Оп. 27. Д. 13020; Ф. 7. Оп. 4. Д. 225. Л. 1, 11).

¹⁵³ *Коллон Фридрих Августович* — из переписки его с Бурцевым следует, что Коллон оказывал Бурцеву содействие в выдаче виз русским эмигрантам через «начальника бельгийского сюрте», с которым Бурцев был в хороших отношениях (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 320; Д. 727. Л. 6).

¹⁵⁴ *Боговут-Коломийцев В.П.* (1881—?) — русский эмигрант в Париже, поддерживал хорошие отношения как с большевистским режимом, так и с ведущими бизнесменами Парижа и Лондона (см. Гордон Брук Шеперд. Судьба советских перебежчиков // Иностранная литература. 1990. № 6. С. 246—247), член организации Беседовского «Борьба» (см. о нем: РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 5079; Ф. 168. Оп. 3. Д. 150, Д. 153. Л. 50; Ф. 1. Оп. 41а. Д. 11277; Ф. 7. Оп. 1. Д. 390).

¹⁵⁵ «Иллюстрированная Россия» — литературно-иллюстрированный журнал, Париж. 1924—1939 гг. В 1930—1931 гг. редактором был А.И.Куприн.

¹⁵⁶ *Сипельгас-Ольшанский А.И.* (1885—1937) — журналист, поэт, прозаик, переводчик, агент советской и финской разведок, корреспондент газеты Горького «Новая жизнь» (1917) в Гельсингфорсе, сотрудничал во многих русских эмигрантских газетах, в шведской прессе, в 1928 г. в Париже, в 1932 г. в Брюсселе. Автор книги по псевдонимом А.Ольшанский «Записки агента Разведупра» (Париж, 1930 г.). Бурцев написал предисловие к его книге «ГПУ в Париже» (1932) В письме Амфитеатрову (18 августа 1932 г.) З. Гиппиус писала: «Кстати о Бурцеве бедном. Бывает, что отличная охотничья собака к старости совсем теряет

чутье. Это случилось и с Бурцевым. Хуже всего, что сам-то он этого не знает и лезет, к беде своей, на охоту. Сейчас запутался в такую историю, в такой клубок, что вчуже стыдно и дотронуться» (Цит. по Лазарь Флейшман и др. Русская печать в Риге. Кн. П. Stanford. 1997. С. 428). Из писем его с Бурцевым за 1931—1935 г. известно, что он продолжал выявлять агентов RIS (Russian Intelligence Service) частной русской разведорганизации (Бурцев называл ее отделом парижского ГПУ), с членами которой его познакомил якобы редактор газеты «Возрождение» Алексеев. В письмах Сипельгаса Бурцеву есть и такие строчки: «Получили ли Вы “Фашист”? Как Вам нравится призыв А.А.Вонсяцкого и вообще весь № первый? Я получил вчера новых 50 ном. Что с ними делать? Пошлю в Печорский край — авось попадет кое-что в СССР»; «Бердяев по дуруости и самомнению обвиняет меня в продаже его интересов Вам. Я никому, кроме Вас, не сообщал о желании Бердяева “присосаться” к Вонсяцкому, а он уже говорит черт знает что!» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 546. Л. 1, 5—6; РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44435; Оп. 27. Д. 13020; Ф. 7. Оп. 1. Д. 390).

¹⁵⁷ *Краснов П.Н.* (1869—1947) — генерал, военный историк, белоказачий атаман, в 1919 г. эмигрировал в Германию, с 1921 г. член ВМС, один из организаторов «Братства Русской Правды» (БРП) (прим. № 60), в 1920 г. переписывался с Бурцевым, которому объяснил, почему держится «германской ориентации» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 338). С конца 1920-х гг. во Франции, в 1938 г. вернулся в Берлин. Сотрудничал с германским командованием, участвовал в организации Казачьей дивизии, член Совета Русской армии при генерале Власове. В 1944—1945 гг. находился в Северной Италии, в начале мая 1945 г. сдался английскому командованию в Австрии, вскоре выдан англичанами советским властям, повешен в Москве.

¹⁵⁸ *Амфитеатров А.В.* в августе 1921 г. эмигрировал (Берлин, Прага, Италия). В деятельности БРП участвовал с 1927 г. Оставался одним из самых доверенных лиц Бурцева и в его борьбе с ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. В июне 1925 г. писал Бурцеву: «С “Возрождением” я сошелся при посредстве Бунина. Не знаю, что из этого будет» (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 74. Л. 82). Взгляды Бурцева и Амфитеатрова не всегда совпадали, так как Амфитеатров горько разочаруется в революционных идеях, русских политиках и России. Его сын Дениил с 1922 г. состоял в личной охране Муссолини. (См. об Амфитеатрове: ист. альманах «Минувшее». Т. 13, 20, 22. М.,—СПб., 1993, 1997; Литературное наследство. Т. 95. М., 1988 г.; Лазарь Флейшман и др. Русская печать в Риге Stanford. 1997. Кн. 1, 2).

¹⁵⁹ *Антоний (Алексей Храповицкий)* (1864—1934) — церковный и общественный деятель, бывший митрополит Киевский, член ВМС, БРП.

¹⁶⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 19. Д. 2233. Братство русской правды (БРП) — законспирированная антибольшевистская организация, созданная в 1921 г. герцогом Г.Н.Лейхтенбергским, публицистом С.А.Соколовым-Кречетовым и генералом П.Н.Красновым. Действовала в разных странах, вела подпольную деятельность в России до 1932 г. Издавала в Берлине листок «Русская правда» (1922—1933). Бурцев объявил о поддержке этой организации и не признавал факта инфильтрации ее советскими агентами, что нанесло урон его авторитету. Но письма свидетельствуют, что Бурцев осторожно воспринимал «восторженное» отношение БРП к «немецким делам», опасаясь планов Германии о «расчленении России».

¹⁶¹ *Вонсяцкий А.А.* (1898—?) — бывший офицер врангелевской армии, член БРП. В 1932 г. предлагал Бурцеву содействие в борьбе с большевиками с помощью публикации о них «сенсационных разоблачений». В 1933 г. основал в США русскую фашистскую партию, объявил себя вождем Всероссийской фашистской

партии (см.: Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Часть 1. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992).

¹⁶² *Дьяконов П.П.* (1878—1943) — на военной службе с 1895 г., с января 1916 г. командир 2-го особого пехотного полка РЭК, генерал, офицер Почетного Легиона, военный атташе в Великобритании (сентябрь 1917 — май 1920), затем жил в Париже. С 1924 г. добровольно сотрудничал с советской разведкой, осуществлял контакты ВРНО с Мельгуновым якобы с целью расширения связей с белоэмигрантскими организациями за рубежом. Принимал непосредственное участие в похищении Кутепова. В конце мая 1941 г. вернулся на родину, был арестован, в октябре 1941 г. освобожден (см. о нем очерк «Два письма царского генерала» в сб. «Очерки истории российской внешней разведке». М., 1996. Т. 2. С. 153—157 и в кн. А.Колпакиди, Д.Прохорова «Внешняя разведка России». М., 2001. С. 438—439). Бурцев и в своей брошюре («В защиту правды. Перестанут ли они клеветать». Париж, 1931), обращениях к французским властям, в многочисленных письмах вплоть до июля 1939 г. яростно защищал Дьяконова от «подозрений» в его причастности к ГПУ, называл его русским патриотом, прекрасным человеком, ярым противником немцев, откровенным антибольшевиком, далеким от политики, а самое главное, считал его своим близким другом на протяжении 20 лет, т.е. с момента приезда его в Париж. В русской эмиграции в Париже Дьяконов давно слыл агентом ГПУ, там считали, что упорная защита его компрометирует все дело Бурцева (РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 390).

¹⁶³ *Хмара А.* (1897—?) — кубанский казак, атаман, в 1921 г. один из руководителей Союза возрождения казачества в Константинополе, в 1932 г. во Франции. Бурцев оказал ему поддержку, когда Хмара был выселен из Германии.

¹⁶⁴ *Муратов П.П.* (1881—1950) — журналист, искусствовед, участник Первой мировой войны, с 1918 г. — член Всероссийского союза писателей, в 1922 г. командирован в Берлин. По данным французской разведки, с 1927 г. во Франции, выезжал в Маньчжурию для установления связи с японскими и русскими эмигрантами, член профашистской организации Центральный русский союз, политический обозреватель газеты «Возрождение» (РГВА. Ф. 1. Оп. 13. Д. 56247, Ф. 7. Оп. 1. Д. 922. Л. 264). Перед Второй мировой войной переехал в Лондон, военный историк и обозреватель.

¹⁶⁵ *Гартман Б.Г. (Б.Е.)* (1878—1950) — генерал-майор, в 1918 г. в Добровольческой армии, в 1919—1924 гг. в Англии, с 1924 г. в Бельгии, начальник 5-го отдела РОВС.

¹⁶⁶ Газета «Алерт» — издавалась в Бельгии ассоциацией «Action et civilisation».

¹⁶⁷ «7 дней в иллюстрациях» — еженедельная литературная иллюстрированная газета, издавалась в Париже на русском языке с 29 сентября 1934 г.

¹⁶⁸ *Александр I Карагеоргиевич* (1888—1934) — с 1921 г. король Сербии и Югославии, симпатизировал российской монархии, оказывал финансовую поддержку русской эмиграции в Югославии, РОВСу, во внешней политике ориентировался на Францию. Был убит в Марселе вместе с министром иностранных дел Франции Луи Барту македонским революционером-террористом.

¹⁶⁹ На протяжении всей своей жизни Бурцев много, особенно в 30-е гг., писал литературоведческих работ, прежде всего, о Пушкине, Грибоедове, Радищеве. Его называли «неутомимым исследователем русской литературы», «ратником ополчения шекспирианцев». Бурцев считал, что его статьи о Пушкине имеют такое же отношение к его борьбе с большевиками, «как и все культурные вопросы».

¹⁷⁰ *Зелюк О.Г.* (1888—?) — одесский журналист, издатель. В эмиграции с 1919 г. В 20-е гг. возглавлял в Париже издательство «Вольтер» (выпускало «Последние новости») и типографию «Франко-русская печать».

¹⁷¹ В 1934 г. Бурцев участвовал в качестве свидетеля на втором из трех процессов о «Протоколах сионских мудрецов» в Берне, доказывал роль царской охранки в их фабрикации. В 1938 г. в Париже вышла его книга «Протоколы сионских мудрецов: Доказанный подлог (Рачковский сфабриковал Протоколы сионских мудрецов, а Гитлер придал им мировую известность)». «Протоколы» сделались орудием пропаганды антисемитизма в фашистской Германии. Бурцев также неистово занялся разоблачением провокаторов антисемитов, как раньше занимался разоблачением Азефа, за что его в оккупированной Франции гитлеровские власти вызывали на допросы. (См. предисловие Ю.В. Давыдова к изданным в Москве в одном переплете в 1991 г. книг Бурцева «В погоне за провокаторами» и «Протоколы сионских мудрецов»).

¹⁷² *Колтыпин-Любский П.С.* (1892—?) — инженер-механик, мичман, в гражданскую войну в Добровольческой армии, с 1921 г. в Константинополе, где был завербован генералами К.И. Глобачевым и И.Д.Анисимовым в разведорганизацию, работавшую по их заданию на большевиков, арестован в Болгарии в июне 1923 г. по ложному обвинению как агент французской военной разведки, с 28 июля 1926 г. во Франции, где арестовывался за подозрение в большевизме. 7 мая 1930 г. дал подробные показания Бурцеву, записанные Сватиковым. Член организации RIS, агент национальной безопасности Франции. По совету Дьяконова, стал секретарем Бурцева и выкрал у него документы (по сведениям французской разведки). Советское посольство направляло в МИД Франции письма о провокационной деятельности Колтыпина-Любского, Шишмарева, Сипельгаса по отношению к советскому генконсульству, а Бурцев обвинял его в 1932—1933 гг. в краже своих документов, в связи с ОГПУ и советским посольством. Тот, в свою очередь, в письмах к Бурцеву за 1937—1939 г. обвинял Бурцева в клевете на него: «Нас связывало лишь одно — ненависть к большевикам, работодателям нашей родины. С тех пор, как у Вас этот священный огонь погас и заменился ненавистью к русским, хотя бы ложными путями борющимися с большевиками, наши дороги разошлись» (Бурцев. Боритесь с ГПУ. Париж, 1932; ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 323; РГВА. Ф. 1. Оп. 13. Д. 48741; Ф. 7. Оп. 1. Д. 922; Ф. 1. Оп. 13. Д. 4648; Оп. 27. Д. 13020; Ф. 7. Оп. 2. Д. 9264).

¹⁷³ *Завадский-Краснопольский И.В.* (1889/1899—?) — офицер, член РОВС, отошел от его деятельности, стал агентом национальной безопасности Франции, сотрудник руководителя отдела французской контрразведки Фо-Па-Биде Бурцев считал Завадского-Краснопольского руководителем RIS, связанной с ГПУ (Бурцев В.Л. Боритесь с ГПУ. Париж, 1932; РГВА. Ф. 1. Оп. 13. Д. 4648; Оп. 27. Д. 13020; Ф. 7. Оп. 2. Д. 9264).

¹⁷⁴ *Лаго-Озеров Б.Ф.* (1898—1938) — журналист (псевд. Владимир Колпаков), в 1922 г. член правления русской секции Общества Славянского единения в Праге. По данным французской разведки, во Франции с 1930 г., агент ГПУ и Гестапо, сотрудничал и с английской разведкой, член организации Беседовского «Борьба», отказался вернуться в Россию, когда получил приглашение, искал убежища у Бурцева и Дьяконова, высылался из Франции (РГВА. Ф. 1. Оп. 13. Д. 5247; Ф. 7. Оп. 1. Д. 104. Л. 188; Д. 390. Оп. 4. Д. 167. Л. 8). Расстрелян в СССР. Реабилитирован в 1997 г. (См. Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. М., 2001. С. 271—272).

¹⁷⁵ Газета «Наша жизнь» — издавалась в Софии в 1931—1933 гг.

¹⁷⁶ *Гучков А.И.* (1862—1936) — основатель и лидер партии октябристов, военный и морской министр Временного правительства, крупный российский про-

мышленник, член Торгпрома, оказал финансовую помощь формированию Добровольческой армии. В эмиграции сторонник террористической деятельности на территории России, ревниво оберегал свою политическую независимость. В интервью газете «Берлинер Тагеблатт» в ответ на замечание корреспондента газеты о строгой военной диктатуре Деникина и Колчака ответил: «Эксцессы неизбежны в гражданской войне», они «не составляют политики». В 1930 г. высказал сочувствие Бурцеву в его желании «объединить живые силы разных групп и направлений для борьбы с большевиками», но считал, что для этого нужны совещания, переговоры с отдельными лицами, а пропаганда посредством печати не нужна (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 222. Л. 9, 10; РГВА. Ф. 1. Оп. 7. Д. 29370).

¹⁷⁷ *Малинин В. Ф.* (1873—?) — октябрист, член Протосоюза, финансовой комиссии Русского совета, его секретарь до сентября 1921 г., член отделения Национального комитета в Константинополе.

¹⁷⁸ НТСНП — Национально-трудоустройственный союз нового поколения образован в 1930 г. (тогда назывался Национальный союз русской молодежи), организация фашистского типа, лидер Байдалаков В.М., тесно контактировала с РОВС. Во Вторую мировую войну активисты НТСНП направлялись на оккупированную территорию СССР, где работали в разных немецких учреждениях и фирмах.

¹⁷⁹ Всероссийская фашистская партия — небольшая группа крайне экстремистски настроенной белой эмиграции, ориентированной на германских национал-социалистов. Создана весной 1934 г. в результате слияния Русской фашистской партии (создана в Харбине в мае 1931 г. Родзаевским) и Всероссийской фашистской партии Вонсяцкого. На 3-м съезде в Харбине летом 1935 г. произошел разрыв между лидерами. Вонсяцкий стал называть свою партию Всероссийской национал-революционной партией (ВНРП). Бурцев критически относился к профашистским организациям и газетам, считал, что знамя, под которое они встают — это захватнические планы Гитлера, антисемитизм в самом гнусном смысле этого слова.

¹⁸⁰ *Фок А. В.* (1879—1937) — генерал, летом 1918 г. в Добровольческой армии, член РОВС. В 1933 г., по поручению генерала Миллера, разрабатывал план операции по уничтожению Троцкого. В 1936 г. доброволец армии генерала Франко, погиб в 1937 г. в бою в Испании.

¹⁸¹ *Плевицкая (Винникова) Н. В.* (1884—1940) — известная русская певица, эмигрировала во Францию. С 1930 г. со своим мужем генералом Скоблиным Н. В. сотрудничала с ИНО ОГПУ. В 1937 г. осуждена французским судом на 20 лет тюремного заключения по делу о похищении генерала Е. К. Миллера. Умерла во французской тюрьме во время немецкой оккупации Франции. (РГВА. Ф. 1. Оп. 21. Д. 15189.)

¹⁸² *Скоблин Н. В.* (1893—1938) — генерал-майор. В годы гражданской войны командир Корниловской дивизии. В эмиграции жил в Турции, Болгарии, затем во Франции. Член РОВС, после переезда во Францию в его деятельности активного участия не принимал. С 1921 г. был женат на Плевицкой. С сентября 1930 г. завербован ИНО ОГПУ. С его помощью были ликвидированы боевые кутеловские дружины. Активный участник похищения генерала Миллера. После похищения бежал в Испанию, где погиб при неизвестных обстоятельствах (РГВА. Ф. 1. Оп. 18. Д. 29247).

¹⁸³ (РГВА. Ф. 1. Оп. 27. Д. 13021. Л. 127—130; Ф. 7. Оп. 1. Д. 1471. Л. 148). *Бай Артур Эмиль* (псевд. Волгин) (1908—?) — журналист, родился в Саратове; по сведениям французской разведки, ходатайствовал о приеме на службу в иностранный отдел министерства пропаганды Германии в качестве переводчика русского языка, агент «Бюро Риббентропа».

¹⁸⁴ *Киндерман Карл* — по сведениям французской разведки, германский студент в СССР, где был судим в 1924 г., сотрудник ИНО ОГПУ (РГВА. Ф. 1. Оп. 27. Д. 13021. Л. 127—130). В 1931 г. Бурцев через д-ра Киндермана надеялся опубликовать в Берлине свои воспоминания, брошюру о Ленине, осуществлять публикацию «Общего дела» в Париже на немецком языке (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 701, 2199).

¹⁸⁵ *Прето Жан Пьер* — в 1935 г. адвокат в Безансоне, сотрудник жандармерии, в 1966 г. генерал жандармерии. Упомянутые сведения на Бурцева сообщил французской разведке бывший офицер-галлиполиец П.П.Савин, направивший ей отчет под заголовком «Как ГПУ дезорганизует русскую эмиграцию, используя агентов национальной безопасности» (РГВА. Ф. 1. Оп. 13. Д. 4739; Ф. 7. Оп. 1. Д. 2182. Л. 83—85). Бурцев в брошюре «Большевистские гангстеры в Париже» целую главу посвятил «провокатору П.П.Савину», выступавшему на суде свидетелем по делу Плевицкой. Узнав, что Савин издал брошюру по делу о похищении Миллера, искал с ним встречи.

¹⁸⁶ *Фалоненко М.М.* (1885—?) — адвокат, правый эсер, бывший сотрудник военного министерства Временного правительства, сторонник Корнилова, белоэмигрант, жил в Париже, затем профессор в Брюссельском университете, подзревался французской разведкой в принадлежности к иностранным разведкам, связи с Берлином, участии в похищении генерала Миллера. Был представителем защиты на процессе Плевицкой (РГВА. Ф. 1. Оп. 16. Д. 19528, 19529; Ф. 7. Оп. 2. Д. 9264).

¹⁸⁷ *Сватиков С.Г.* (1880—1942) — историк, общественный деятель, доктор философии, по убеждениям, социал-демократ с либеральным оттенком. В 1917 г. комиссар Временного правительства по ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции и проверки дипслужб, автор книги «Русский политический сыск за границей», изданной в 1918 г. в Ростове-на-Дону (переиздана в 1941 г. НКВД для служебного пользования). 25 ноября 1917 г. Сватиков предупредил Бурцева об угрозе ареста, советовал ему скрыться, Бурцев этого не сделал. В 1918—1919 гг. сотрудничал с Корниловым, Деникиным (товарищ министра в отделе пропаганды, подал в отставку), обратился к Бурцеву из Ростова-на-Дону с предложением о сотрудничестве, с 1920 г. во Франции, в эмиграции постоянно поддерживал отношения с Бурцевым, член правления Тургеневской библиотеки в Париже, представитель РЗИА (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 535; РГВА. Ф. 1. Оп. 18. Д. 45810; Отечественная история. 1993. № 2; Будницкий О.В. С.Г.Сватиков и его борьба на еврейском фронте // Евреи и русская революция. Материалы и исследования. М., — Иерусалим, 1999. С. 22—28).

¹⁸⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 34. Д. 5215.

¹⁸⁹ *Крымов В.П.* (1878—1968) — предприниматель, прозаик, журналист, издатель. С апреля 1917 г. в эмиграции (Япония, США, Англия, Германия). С 1933 г. во Франции. Бурцев обвинял Крымова в коммерческих операциях с большевиками в Берлине, связи с «предателем и агентом большевиков Алексеем Толстым», с «большевиком» Е.Замятинным (РГВА. Ф. 1. Оп. 42. Д. 14431), с советскими писателями М.Кольцовым и И.Эренбургом и др. Крымов потребовал разбирательства в третейском суде чести. Суд в лице Н.Д.Авксентьева, Я.Л.Делевского, В.Ф.Зееллер отверг обвинения Бурцева (5 января 1939 г.). Бурцев попросил пересмотреть дело, однако суд вновь подтвердил свое решение (13 января 1939 г.) (ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 63, 230. Л. 26—27об.; 2157, 2158, 2188; РГВА. Ф. 1. Оп. 7. Д. 21792; Оп. 11а. Д. 417; Оп. 42. Д. 14431, 20524; Ф. 7. Оп. 1. Д. 2184. Л. 31, 32; Ф. 519. Оп. 3. Д. 8а).

«НАХОДЯСЬ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИНОСТРАННОМ ЛЕГИОНЕ...»

Письма русских эмигрантов из Северной Африки в Париж.
1911—1914 гг.

Иностранный легион французской армии был учрежден в марте 1831 г., вскоре после провозглашения герцога Луи-Филиппа Орлеанского королем французов. Легионерами на срок до пяти лет могли становиться как холостые, так и женатые мужчины-иностранцы в возрасте от 18 до 40 лет, которым помимо обычного воинского довольствия полагалось и небольшое денежное содержание с правом последующей льготной натурализации, медицинского обслуживания и пенсионного обеспечения во Франции. Законодательно оговаривалось использование вооруженных сил легиона только за пределами метрополии; отсюда его малопочтенная «слава», приобретенная по мере длительного покорения и усмирения французских колоний, прежде всего в Северной Африке и позднее в Индокитае¹.

На рубеже XIX—XX вв. в ряды легионеров стали все чаще вступать российские подданные, как правило, из числа малообеспеченных трудовых мигрантов и переселенцев, устремившихся на Запад по социально-экономическим и этноконфессиональным причинам. Большинство среди них составляли недавние жители западных и юго-западных губерний — поляки, украинцы, евреи, немцы. В результате революционных потрясений 1905—1907 гг. масштабы стихийной российской эмиграции резко увеличились, в пестрый людской поток за границу вовлекалось немало русских и других уроженцев центральных губерний. Будучи выходцами из низших слоев общества, такие молодые люди обычно не владели ни иностранными языками, ни престижной профессией, пользующейся спросом на зарубежном рынке труда, и потому быстро убеждались в собственной непригодности к

¹ См.: Черкасов П.П. Французский Иностранный легион // Вопросы истории. 1979. № 11. С. 183—188. Практика наемничества для решения военно-политических задач государства, как известно, утвердилась в глубокой древности. На протяжении XVI—XVIII вв. французские короли систематически укрепляли армию за счет батальонов и полков, целиком состоявших из иностранных подданных, в основном швейцарцев, саксонцев и ирландцев. В 1792 г. Законодательное собрание революционной Франции призвало «под знамена свободы» всех европейцев, готовых защищать ее с оружием в руках. На этот призыв откликнулись тысячи добровольцев, из которых формировались регулярные воинские подразделения, по античной традиции названные «легионами» — бельгийские, голландские, польские, немецкий, итальянский и т.д. С приходом к власти Наполеона французская армия пополнилась также отдельными легионами из греков, коптов, турок-мамлюков и др. В 1815 г. взамен расформированных национальных легионов периода империи ордонансом Людовика XVIII учреждался один Королевский иностранный легион, преобразованный вскоре в полк под командованием князя Л. Гогенлоэ. При новом монархическом режиме вместо него и был воссоздан Иностранный легион, просуществовавший до наших дней.

успешному обустройству на новом месте. Предпринимая отчаянные попытки хоть как-то изменить свою жизнь к лучшему, они брались за любую «черную» работу, надеялись на постепенное преодоление языкового барьера и прочих адаптационных трудностей². Неудивительно, что некоторые из них перед угрозой полного обнищания охотно соглашались на условия контрактной военной службы в Иностранном легионе дружественной страны. Лишь единицы уже исполнили воинскую повинность на родине и числились там в запасе, тогда как большинство этих новообращенных «солдат удачи» слабо представляли себе грядущие испытания (лояльное отношение царского правительства к подобной практике во многом обеспечивал русско-французский политический союз, провозглашенный на исходе XIX века).

Солдатская служба во все времена была нелегка и опасна. В 1921 г. в «главное депо» Иностранного легиона — центр подготовки новобранцев, расположенный в алжирском городке Сиди-Бель-Аббес, — попал молодой российский офицер. Этот подполковник-артиллерист прибыл туда в числе сотен соотечественников, эвакуированных за границу после разгрома Белого движения³, и застал там порядки и нравы, царившие издавна. В своих обстоятельных мемуарных записках он, в частности, подчеркивал, что «тут говорили, по-моему, на всех языках, существующих в мире» и что «русских в Бель-Аббесе было всегда очень много... кадр учебной команды, то есть сержанты-инструктора были почти все русские»⁴. Благодаря неизменно суровой дисциплине и огромному количеству занятий, проводимых в учебных подразделениях легиона, а затем «закрепляемых» в ходе боевых операций, прошедшие эту школу наемники становились по-настоящему «незаменимыми солдатами» для правительства Франции: «Можно смело сказать, что как боевой материей иностранные полки — самые лучшие во французской армии. И Алжир и Марокко завоеваны, главным образом, руками иностранцев... Рассказывая о боях, в которых они участвовали, легионеры неизменно хвастают и врут. Но гордиться своей частью как лучшей единицей французской армии они в полном праве»⁵. Вместе с тем, прифронтовая по сути обстановка, в которой постоянно находились колониальные войска, изнуряющая солдатская муштра и казарменный образ жизни в окружении сотен чужеземцев, непривычно жаркий климат — все это переживалось, особенно на первых порах, достаточно тяжело.

Разбросанные по пустынным гарнизонам новички, а таковыми считались не отслужившие в легионе трех лет, стремились использовать любые возможности для получения материальной помощи и моральной поддержки. До начала Первой мировой войны они нередко обращались в российские дипломатические представительства во Франции или в Русское благотворительное общество, которое действовало в Париже под покровительством посольства и помогало нуждающимся соотечественникам⁶, — обращались туда, откуда они совсем недавно прибыли в североафриканские подразделения Иностранного легиона.

² См.: «Приехавши за заработком во Францию...». Россияне в поисках работы во Франции / Публикация Ю.Бойко // Источник. Документы русской истории. 2001. № 6. С. 20—30.

³ К середине 1920-х гг. русских в составе Иностранного легиона насчитывалось до 8 тыс. человек, в том числе в Алжире — около 3,2 тыс. См. об этом подробнее: Недзельский Е. Русские в Иностранном Легионе // Своими путями. Прага, 1925. № 8/9. С. 36—40.

⁴ Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 198, 206.

⁵ Там же. С. 201, 204.

⁶ См.: Бойко Ю.В. Российская благотворительность в Париже на рубеже XIX—XX веков // Россия и Франция. XVIII—XX века. М., 2001. Вып. 4. С. 221—241.

Публикуемые письма легионеров, отправленные в Париж по преимуществу из упомянутого учебного центра в Алжире, обнаружены в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). На первый взгляд, они содержат самые бесхитро-стные солдатские просьбы: прислать небольшое денежное пособие, книги, свежие газеты и журналы, а также учебники и словари для самостоятельного изучения иностранных языков⁷ и даже — музыкальной грамоты⁸. Правда, об истинном предназначении всей этой печатной продукции заставляют задуматься попутные оговорки о желанной «папироске». В целом знакомство с наиболее типичными из сохранившихся ходатайств проливает свет не только на характерные будни легио-неров, но и на обостренное в экстремальной ситуации ощущение ими самих себя русскими, причем в общенациональном смысле — русскими подданными, россия-нами.

Документы публикуются по нормам современной орфографии и пунктуации с сохранением стилистики оригинала.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук Ю.В.БОЙКО.

№ 1

Сиди-Бель-Аббес

3 апреля 1911 г.

Прошу простить [Благотворительное] Общество за беспокойствие, но ввиду наступающего великого праздника Св. Пасхи прошу всепокор-нейше обратить доброе внимание на своего соотечественника и дать возможность хоть кое-как встретить сей праздник по-Христиански. Так как я в настоящее время нахожусь в Легионе и получаю лишь 5 санти-мов в день, которых не хватает даже на табак, то надеюсь, что благотво-рительное общество не оставит без внимания мою просьбу и отзовется.

С совершенным почтением и преданностью

Михаил Смоленский

АВПРИ. Ф. 338. Оп. 524-а. Д. 11. Ч. II. Л. 92—93. Автограф.

№ 2

Жебду

1 августа 1911 г.

Ваше Высокопревосходительство!

Маленькая горстка русских, из 3 человек, вызывает к Вашему Пре-восходительству и просит о следующем. Служа во французской армии, куда мы попали по собственной вине, ища счастья за границей, попали

⁷ Разумеется, важнее всего было знание французского языка: «Между собой старые легионеры говорят всегда по-французски, вернее сказать, на особом сол-датском жаргоне. Это считается высшим шиком» (Гиацинтов Э. Указ. соч. С. 204).

⁸ «Каждый четверг на городской площади играл симфонический оркестр ле-гиона, — свидетельствовал тот же мемуарист. — Говорят, он занимал второе ме-сто между всеми оркестрами Франции. В этом оркестре было очень много на-ших, русских. Вообще желающих попасть в музыкальную команду всегда очень много, так как им живется гораздо лучше, чем всем остальным. Благодаря этому у капельмейстера большой выбор, и набирает он только действительно ценных музыкантов» (Гиацинтов Э. Указ. соч. С. 201).

в такое положение, в котором при худшем положении на родине никогда бы не очутились.

Стоим буквально в пустыне, скука ужаснейшая, а главное, ничего не знаешь, что творится на родине, да и вообще нечего почитать.

Жалованье наше состоит из одного су в день, на который невозможно приобрести и папироску, без которой приходится очень трудно, не говоря о других предметах, как мыло, вакса, иголки, нитки, — и т[ому] под[обных] вещах, необходимых в солдатском обиходе.

Из России помочь никто не может, так как родители умерли и оставленная ими тысяча рублей оставлена во Франции, и финал — Иностранный легион.

Мы горько каемся в необдуманном поступке, но есть надежда, что окончив свою службу здесь, вернемся в Россию и будем служить верой и правдой Государю и родине.

Теперь же умоляем, слезно умоляем, Ваше Высокопревосходительство, помогите нам на необходимое и благоволите прислать газет или журналов на русском или французском языках. Смеем надеяться на милость Вашего Высокопревосходительства, что осчастливите нас исполнением нашей просьбы.

Ваши покорные слуги.

По уполномочию товарищей

Н. Бочковский

АВПРИ. Ф. 338. Оп. 524-а. Д. 11. Ч. III. Л. 90—90об. Автограф.

№ 3

Таурирт

3 декабря 1911 г.

В Общество русских людей в Париже

Прошение

Господин Президент.

Находясь в[о] французск[ом] Иностранном Легионе и за неимением ни русских книг, ни русских, осмеливаюсь обратиться к Вам, если найдете возможным помочь мне, выслав какие бы [ни было] русские книги или денежну[ю] помощь для покупки этого. Остаюсь с надеждой на будущее.

Истинно русский человек

Адриан Иванович Асеев

АВПРИ. Ф. 338. Оп. 524-а. Д. 11. Ч. III. Л. 281—282. Автограф.

№ 4

Сиди-Бель-Аббес

[Б/д]

Его Сиятельству г-ну Амбассадору в г. Париже¹

Прошение

Будучи на военной службе в Африке, я отношусь к Вашему Сиятельству с просьбою, а именно: состоя в военной музыке и имея две

скрипочных лекции, мне приходится часто страдать без скрипок, а я, взявши уже за лекции несколько франков, решил купить себе их.

Но так как я имею бедных родителей, которые не в состоянии помочь, я отношусь к милости Вашего Сиятельства помочь мне, бедному, в моей тяжелой жизни, в прислании мне 35 франков и школу для скрипок, хотя бы какого-либо издания, а если можно, то T-r-e-l-m-e-n-s-e-p-a 2[-ю] часть, так как 1-я у меня находится².

И еще книжек и газет для чтения. Я за хорошее сердце Вашего Сиятельства буду очень благодарен и от своего сердца буду желать тихой вечной и спокойной жизни.

Проситель *М.Ф.Пастушков*

АВПРИ. Ф. 338. Оп. 524-а. Д. 12. Ч. III. Л. 240—240об. Автограф.

№ 5

Сиди-Бель-Аббес

14 декабря 1913 г.

М[илостивые] Г[осудари].

Не буду Вас затруднять много разными мотивами, побудившими меня обратиться к Вам с просьбою, так как думаю, что трудно поверить одному, если десятки врут; но скажу только — честное слово, правду говорю. Попав на военную службу в Легион в Алжире, трудно мне приходится — еще потому, что мало знаю язык. Скажу вкратце: нуждаюсь в словаре Французско-Русском и Русско-Французском. Умоляю доставить мне таковые — буду до гроба благодарен.

Также был бы благодарен, если бы Благотворительное О[бщест]во вошло в мое положение и помогло мне деньгами на мелкие расходы, так как с одного су, получаемого в день, трудно иметь даже на марки.

Думаю, что не ошибаюсь, если пишу о помощи.

Покорный слуга

Кайданский

P.S. Праздники наступают, а нет даже марки на письмо к родным.

Запасной солдат Русской армии

АВПРИ. Ф. 338. Оп. 524-а. Д. 12. Ч. III. Л. 272—272об. Автограф.

№ 6

Сиди-Бель-Аббес

5 января 1914 г.

Ваше Превосходительство!

Честь имею покорнейше обратиться к Вам с просьбою, что я, в скором времени уезжая из Иностранного легиона по причине боли сердца (реформа № 2), [хочу] попросить от Вас помощи, потому что теперь очень зимняя пора, а в летнем костюме, какой дают в Африке, на проезд в Россию есть невозможный.

А.А.Канн

АВПРИ. Ф. 338. Оп. 524-а. Д. 12. Ч. III. Л. 15. Автограф.

*Сиди-Бель-Аббес**9 апреля 1914 г.*

Милостивые Государи!

Прошло уже около года, как я, не знаю по какой причине, перестал получать от Милостивейшего О[бщест]ва газету «Парижский вестник»³ и с тех пор почти перестал иметь сведения о русской жизни хотя бы за границей. Не знаю, чем объяснить прекращение высылки этой газеты — думаю, однако, не испортил ли кто-либо мне сообщением каких-либо ложных сведений обо мне, так как попадают в Легион разные типы⁴.

Скажу только от себя чистосердечно, что не чувствую за собой ничего плохого, потому честь имею почтительнейше просить, ежели возможно, возобновить высылку этой газеты.

Далее: остается мне служить еще 20 месяцев; владея разговорными языками (фр[анцузским] и нем[ецким]), желал бы изучить также и теорию этих языков, но не имея учебников, имею смелость просить выслать мне бесплатно, за что буду очень благодарен, следующее: самоучители Русско-Французский, Рус.-Нем. и словари Русско-Франц. и Франц.-Рус., так как сов[ершенно] лишен возможности купить их.

Пред[анный]

Иг. Ковальчук

АВПРИ. Ф. 338. Оп. 524-а. Д. 12. Ч. III. Л. 354—354об. Автограф.

Примечания

¹ Прошение адресовано российскому послу в Париже (от фр. *ambassadeur*), пост которого в 1910—1917 гг. занимал А.П.Извольский.

² Очевидно, имеется в виду популярный в то время самоучитель игры на скрипке.

³ Еженедельная субботняя газета «Парижский вестник» издавалась в Париже с конца 1910 г. по август 1914 г. и рассказывала главным образом о жизни местной русской колонии. Основными сотрудниками и корреспондентами газеты были журналисты различных российских изданий, работавшие за рубежом. О ее популярности говорит внушительный для изданий такого рода тираж, достигавший 10 тыс. экземпляров.

⁴ «В прежнее, довоенное время легион пополнялся почти исключительно преступниками и бродягами с малым процентом искателей приключений, банкротов и других неудачников», — не без пристрастия заметил кадровый офицер русской армии, служивший в Иностранном легионе капралом вместе с его ветеранами в 1921—1922 гг. (Гиацинтов Э. Указ. соч. С. 197).

МАСТЕРА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: СИГУРД ОТТОВИЧ ШМИДТ

Настоящий выпуск «Фотолетописи» редакция «Исторического архива» посвящает академику РАО, доктору исторических наук, профессору, члену редсовета журнала С.О.Шмидту.

Родился С.О.Шмидт 15 апреля 1922 г. в Москве. Отец его — знаменитый полярник, Герой Советского Союза, академик О.Ю.Шмидт. Многие в жизни Сигурда Оттовича, в т.ч. выбор профессии, определили его мать М.Э.Голосовкер, музейный работник, а также учителя замечательных московских школ, в которых ему довелось учиться — 7-й и 10-й (позднее 110-й) им. Ф.Нансена. В МГУ С.О.Шмидт нашел своего учителя — М.Н.Тихомирова и одну из главных тем своих исследований — эпоху Ивана Грозного.

С 1949 г. ученый преподает в Московском государственном историко-архивном институте (ныне — в Российском государственном гуманитарном университете). Его лекции, семинары и старейший в стране научный студенческий кружок источниковедения, который от возглавлял более полувека, воспитали более 100 дипломников и 55 кандидатов и докторов наук. Там сформировалась его научно-педагогическая школа в области источниковедения. Одновременно в 1956 г. С.О.Шмидт начал работать в Институте истории АН СССР (до конца 2001 г.). В 1968 г. совершилось еще одно знаменательное событие в его биографии и, как оказалось, в истории отечественной науки — он возглавил Археографическую комиссию АН СССР.

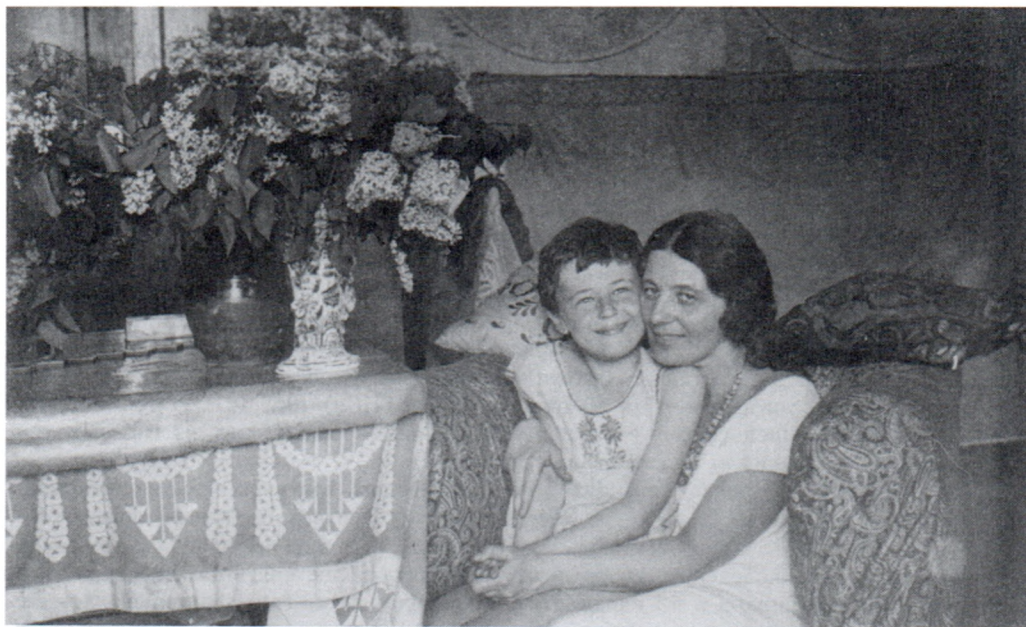
С.О.Шмидт автор монографий и книг «Становление российского самодержавства», «Российское государство в середине XVI столетия», «Россия Ивана Грозного», «Путь историка», «Археография. Архивоведение. Памятниковедение», «Краеведение и документальные памятники», работ о Пушкине, прошлом Москвы, проблемах москвоведения, всего более 1200 работ!

Поражает широта и диапазон его интересов. Талант тонкого исследователя исторических источников сочетаются у С.О.Шмидта с даром художественного восприятия истории, педагога и оратора, интерес к теоретическим вопросам науки — с увлечением делом популяризации истории и неустанной борьбой за сохранение памятников истории и культуры. С.О.Шмидт — организатор краеведческого движения и многочисленных конференций, руководитель программы «Культура российской провинции», главный редактор «Археографического ежегодника», «Московской энциклопедии», трудов классиков истории и других изданий.

Заслуги ученого отмечены почетными званиями и наградами. Среди них — звание заслуженного деятеля науки РФ (1989), почетного доктора (*honoris causa*) РГГУ (1997), иностранного члена Польской академии наук (1997). За деятельность на ниве отечественной культуры он удостоен в 1999 г. медали А.С.Пушкина.

В связи с 80-летием со дня рождения редакция и редсовет «Исторического архива» выражают С.О.Шмидту искреннюю признательность за активное участие в работе журнала. Желаем Вам, дорогой Сигурд Оттович, здоровья, бодрости духа, новых творческих свершений.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук В.Ю.АФИАНИ.

С матерью. В квартире в Кривоарбатском. 1930 г.

Школьник 5-го класса. 1934 г.

Проводы отца на Северный полюс.
Март 1937 г.

Мать — М.Э.Голосовкер

Няня (Тата) — Ф.А.Тетерская

Студент МГУ. 1939 г.

М.Н.Тихомиров. 1940-е гг.

С отцом. 1950-е г.

Доцент МГИАИ.
1950-е гг.

Первый юбилей кружка источниковедения.
МГИАИ. 1960 г.

На защите докторской диссертации в Институте истории АН СССР. Январь 1965 г.

С К.Н.Тарновским на Центральном телевидении. 1970-е гг.

На XV аграрном симпозиуме.
В Феропонтовом монастыре. 1974 г.

С С.М.Каштановым. 1970-е гг.

С учениками на конференции по историографии. Смоленск. 1973 г.

25-летие кружка источниковедения. 1975 г.

Открытие I Всесоюзной конференции по проблемам археографии.
Москва. 1976 г.

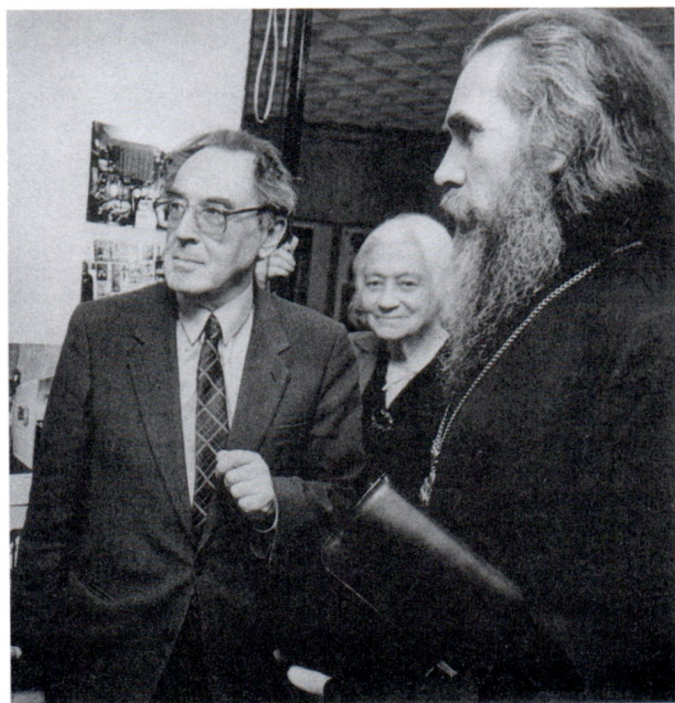
Н.Н.Покровский и С.О.Шмидт у Д.С. и З.А.Лихачевых в санатории «Узкое». 1976 г.

В Суздале. 1986 г.

С.О.Шмидт — председатель Археографической комиссии АН СССР. 1987 г.

С о.Иннокентием
(Просвирниным)
и А.Б.Закс. 1989 г.

С Б.Ш.Окуджавой в музее А.И.Герцена.
1986 г.

На посвящении в студенты МГИАИ. 1987 г.

С учениками. 65-летие С.О.Шмидта.
Дружеский шарж С.В.Бодянского. 1987 г.

С учениками на конференции по историческому краеведению. Пенза. 1989 г.

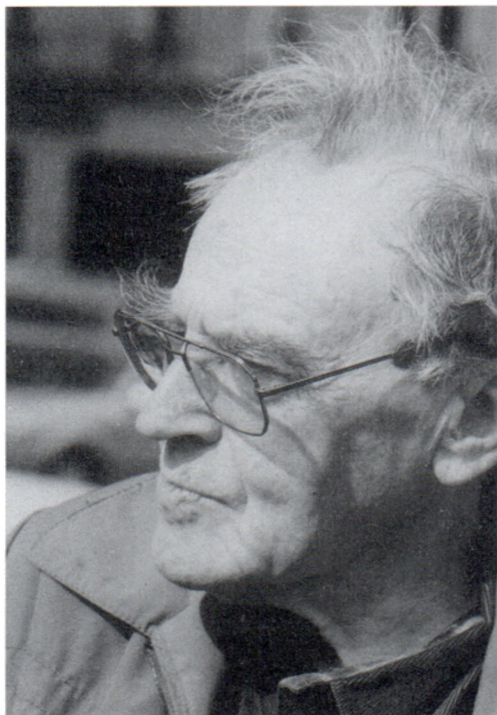
С В.Ф.Козловым. ИАИ РГГУ. 1990-е гг.

На презентации журнала «Исторический архив». 1994 г.

С Д.С.Лихачевым в день юбилея типографии РАН. Петербург. 1999 г.

В Париже. На конференции в Сорбонне.
2000 г.

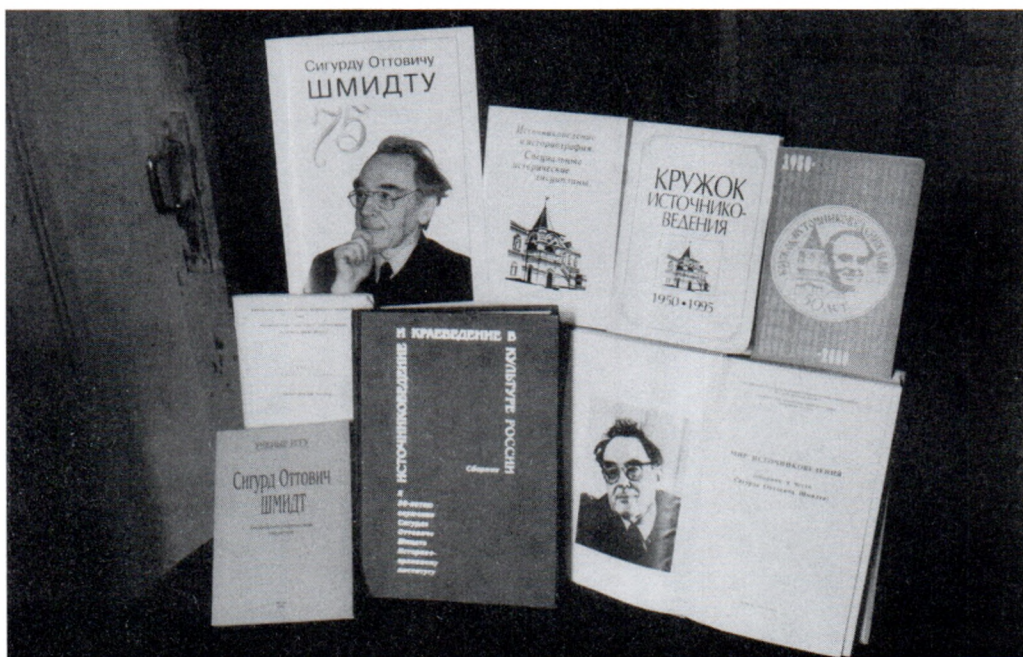
На юбилее Дома-музея М.Ю.Лермонтова.
2001 г.

С сотрудниками Археографической комиссии. 2001 г.

Сочинения С.О.Шмидта

Литература о С.О.Шмидте

На Всероссийском конкурсе исторических работ школьников.
Москва. 2001 г.

«ВСЯ ЕГО РАБОТА ПРОНИКНУТА КРАЙНЕЙ ВРАЖДОЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ»

Документы, письма, свидетельства современников
об униатском митрополите Галицком Андрее Шептицком.
1914—1917 гг.

Одной из политических целей, которую ставили перед собой российский император Николай II¹ и его правительство, вступая в 1914 г. в мировую войну, было возвращение Галиции. Территориальным притязаниям придавалась религиозная мотивация: борьба за «изгнание» католицизма и унии с исконных православных земель и возвращение населения в «дедовскую» веру. Это неизбежно должно было привести к обострению отношений между униатами и православными в западной Украине, к осложнению, и без того достаточно сложных, российско-ватиканских отношений².

Уже в первых своих воззваниях и обращениях глава Униатской церкви митрополит Андрей (Шептицкий)³ призвал верующих к всемерной поддержке австрийского императора и борьбе с русской армией. «В огне этой страшной войны, — говорилось в одном из них, — куется для нас лучшая доля. По воле Бога — с австрийской державой и династией Габсбургов общая наша доля и недоля. Когда войско нашего императора победит (а с помощью Бога оно победит), нас ждет лучшая доля. Будьте же до последней капли крови верны императору»⁴.

Пастырское послание было согласовано с Австро-венгерским наместником Галиции. В письме в генеральный штаб он писал: «Украинский митрополит во Львове, его экселенция граф Шептицкий намерен опубликовать пастырское по-

¹ Николай II (Романов) (1868—1918) — российский император в 1896—1917 гг.

² См.: Одинцов М.И. Греко-католическая (униатская) церковь / История религий в России. М. 2000. Ч. 2. С. 35—79.

³ Шептицкий Роман-Александр (1865—1944) — старший сын богатого польского магната, графа Яна Шептицкого. В 1888 г. оставил военную службу в гусарском полку Австро-Венгерской армии. Поступил в Добромильский монастырь, где оставил католичество и перешел в Греко-католическую (Униатскую) церковь. Принял монашество с именем Андрей. Молодой инок быстро подымался по церковной лестнице: 1890 г. — игумен львовского монастыря Василиан, 1898 — епископ Станиславский, 1900 — митрополит Галицийской церковной провинции, архиепископ Львовский и Каменец-Подольский.

См. подробнее о нем: Добрычев В.П. В тени святого Юра. М., 1971; Дмитрук К.Е. Униатские крестоносцы: вчера и сегодня. М., 1988.

⁴ Цит. по: Добрычев В.П. В тени святого Юра. С. 14.

слание, содержащее поучение украинскому народу о его обязанностях по отношению к кайзеру и рейху. Чтобы активнее содействовать выступлению митрополита, необходимо поддержать его в распространении этого послания всеми способами, имеющимися в нашем распоряжении»⁵.

Андрей Шептицкий активно способствовал формированию воинских подразделений «украинских сичевых стрельцов», которые, будучи частью австрийской армии, должны были удерживать русские войска на границах Галиции, а также выполнять и карательные функции, преследуя тех, кто симпатизировал идее объединения Украины с Россией.

В начале августа 1914 г. русские войска вошли во Львов. Митрополит Андрей не ушел вместе с отступающими австро-венгерскими войсками, а остался в своем кафедральном соборе Св. Юра. Вскоре в русскую администрацию стали поступать сведения о распространяемых в городе и в сельских приходах воззваниях главы Униатской церкви, призывавших верующих оставаться верными Австрийскому государству и не сотрудничать с «врагами и изменниками». На первых порах к митрополиту применили меры морального воздействия. Об этом, в частности, писал в воспоминаниях генерал А.В. Брусилов⁶: «Я его [Шептицкого — М.О.] вызвал к себе и предложил дать слово чести, что он никаких враждебных действий как явных, так и тайных, против нас предпринимать не будет; на таких условиях я разрешил ему остаться во Львове для исполнения духовных обязанностей. Он охотно дал мне слово, но, к сожалению, вслед за этим начал снова баламутить и провозглашать церковные проповеди явно нам враждебные. Тогда я выслал его в распоряжение главнокомандующего»⁷.

Русская администрация на освобожденной территории активно собирала материалы и свидетельства о притеснениях со стороны австро-немецких войск православных верующих и священников, о разрушениях православных храмов и монастырей. По ее мнению, в значительной мере эти действия провоцировали послания митрополита Андрея, его проповеди и призывы оставаться верными австрийскому престолу. Военная и церковная власть Галиции делали все возможное, чтобы максимально сузить возможности для существования униатства, деятельности униатских храмов и монастырей при одновременной финансовой, организационной и административной поддержки «возвращенного» в эти края православия.

Судьба Андрея Шептицкого летом—осенью 1914 г. весьма занимала умы военного и внешнеполитического ведомств России. Церковно-политическая деятельность главы Униатской церкви вызывала чувство раздражения и желание приостановить ее, а самого митрополита выдворить из Галиции. Но методы при этом намечались разные, и далеко неоднозначными могли быть их последствия. Как показывает изучение архивных материалов, Министерство внутренних дел предполагало доставить Шептицкого в Россию, а при непредвиденных осложнениях во время его ареста даже считало возможным покончить с ним.

В конце концов, благоразумие и политический расчет возобладали, «криминальный сценарий» был отвергнут, а митрополита Андрея выслали в Киев. Здесь он пишет письмо Николаю II с поздравлениями по случаю объединения «разорванных частей русской земли» и уверяет царя в своей готовности положить «свою жизнь и душу на жертвенный алтарь». Но уловка не сработала, и арестованный митрополит проследовал вглубь страны по маршруту: Нижний Новгород — Курск — Суздаль — Ярославль. Арест митрополита Андрея и заключение

⁵ Цит. по: Добрычев В. В тени святого Юра. С. 14.

⁶ Брусилов А.В. (1853—1926) — с августа 1914 г. по март 1916 г. командующий VШ армией на Юго-Западном фронте.

⁷ Брусилов А.В. Мои воспоминания. М., 1963. С. 100.

его под надзор православных церковно-административных органов вызвало бурный протест со стороны Ватикана, неоднократно требовавшего от императорского правительства улучшения условий заключения «узника веры» Андрея Шептицкого или даже его безусловного освобождения из-под ареста.

В глазах же российского императора и его правительства Шептицкий был «политическим преступником». В феврале 1915 г. разведка обнаружила и представила убедительные, по ее мнению, документальные тому подтверждения. В подвале митрополичьего дома во Львове в особом тайнике среди различного рода предметов был найден архив Андрея Шептицкого. Он содержал в себе секретную переписку с эрцгерцогом Францем-Фердинандом⁸, деятелями националистического «Союза освобождения Украины» в Вене, с командующим легионом сичевых стрелцов, а также рукописи статей, черновики документов по военным, административным и церковным вопросам.

Особый интерес вызвало послание австрийскому императору Францу-Иосифу⁹, в котором Шептицкий излагал свой план переустройства «русской Украины» после вступления «победоносной австрийской армии» на территорию России. В существе своем он сводился к созданию на Украине марионеточного военно-политического режима под контролем австро-немецкой военной администрации и во главе с гетманом Вильгельмом Габсбургом, крещенным униатами Василием Вышиваным¹⁰.

Обстоятельна была и программа церковных реформ. Она подразумевала «основательное отделение» Украинской церкви от Русской посредством выведения ее из-под ведения Святейшего Синода, запрещения молиться за царя, исключения из церковного календаря всего, что напоминает о «великоросском и московском», увольнения всех «не подчиняющихся великоросских епископов» и назначения на их место «настроенных по-украински и по-австрийски». В итоге, по мысли митрополита, должно быть создано центральное церковное управление на Украине и осуществлено единство украинской церкви. Для пушего убеждения властей Шептицкий писал: «Канонические основания для такой тактики приемлемы с католической точки зрения. С точки же зрения православной — восточной, такая политика является законной, логической и, само по себе, понятной. Я успею получить в Риме утверждение, или, правильнее говоря, уже в большей мере все это подготовил. Православие церкви таким образом не будет затронуто — оно должно быть сохранено, следует его только очистить от Московских влияний» (док. № 1).

Арестованный архив униатского митрополита был вывезен в Петроград в распоряжение Департамента полиции. Изучение хранящихся в нем документов умножало политические претензии к его владельцу. В специально поданной императору Николаю II записке в качестве инкриминируемых Шептицкому «политических преступлений» перечислялось следующее: связь с так называемыми «русскими католиками»; нелегальное посещение России; насаждение подпольных униатских центров и эмиссаров; руководство политическим движением так называемого «украинофильства», ставящего своей задачей борьбу с Россией; поддержка «украинского сепаратизма», ставящего целью расчленение России и т.д.

⁸ Франц-Фердинанд (1863—1914) — австрийский эрцгерцог, наследник австрийского престола. С 1898 г. заместитель Главнокомандующего австрийской армии, один из инициаторов аннексии Боснии и Герцеговины (1908 г.). Убит в Сараеве 28 июня 1914 г. членами конспиративной группы «Молодая Босния» (Г.Принцип и др).

⁹ Франц-Иосиф (1830—1916) — австрийский император в 1848—1916 гг.

¹⁰ Василий Вышиваный — внучатый племянник императора Франца-Иосифа, кандидат в гетманы Украины.

Составители справки резюмировали: «Он [Шептицкий. — М.О.] проникнут самой грубой ненавистью и злобой по отношению к Православию и России. И все, что только напоминает эти два термина, вызывает в нем самую отчаянную борьбу». Потому-то Министерство иностранных дел на все обращения и просьбы Ватикана освободить или хотя бы облегчить условия жизни Шептицкого, отвечало, что деяния последнего «имеют чисто политический, а не вероисповедный характер», что и вынудило «пресечь вредную политическую деятельность Шептицкого»¹¹.

Военные неудачи летом 1915 г. привели к тому, что русская армия оставила не только Галицию, но немецко-австрийские войска захватили почти всю Польшу, часть Латвии, Литвы и Белоруссии¹². Поражения на фронтах, развал экономики, тяготы и лишения, обрушившиеся на население России, с неизбежностью сказывались на общем обострении внутривнутриполитической обстановки в стране. По меткому выражению лидера кадетской партии П.Н.Миллюкова¹³, в обществе «атмосфера насыщена электричеством, все чувствуют приближение грозы, и никто не знает, куда упадет удар». Вскоре «удар» пал на того, кого многие считали одним из главных виновников маразма, разъедавшего Двор. Был убит Распутин¹⁴. В высших кругах, в Государственной думе, в политических партиях чуть ли не открыто говорили о зреющем дворцовом перевороте в пользу наследника Алексея¹⁵. И это воспринималось как возможный второй удар судьбы по дряхлеющему зданию романовской монархии. Однако история распорядилась по-своему: назревающий переворот произошел не сверху, а снизу, не планомерно, а стихийно.

В течение нескольких последних дней февраля 1917 г. православная монархия в Российской империи рухнула. Уже 3 марта образовавшееся Временное правительство опубликовало Декларацию с разъяснением своего политического курса и задач, к разрешению которых намеревалось приступить немедленно. Обещались и «религиозные свободы», как для граждан России, так и для всех законно действующих религиозных организаций.

8 марта Временное правительство по предложению министра юстиции А.Ф.Керенского¹⁶ приняло решение об освобождении из заключения митрополита Андрея Шептицкого. Кроме того, министру юстиции по соглашению с военным и морским министром поручалось образовать особую комиссию для проверки законности высылки в годы войны из западных областей Украины галичан в Сибирь по обвинению в шпионаже¹⁷.

Временное правительство, формируя свою программу реформ государственно-церковных отношений, исходило из убеждения, что прежний их характер объек-

¹¹ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 50—51.

¹² После окончания Первой мировой войны западно-украинские земли вновь вошли в состав Польши. Ведущей религией оставалась униатство. Лишь в 1939 г. эта территория вошла в состав СССР.

¹³ Миллюков П.Н. (1859—1943) — российский историк и политический деятель. В феврале—апреле 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства.

¹⁴ Распутин Г.Е. (1865—1916) — один из самых известных царских фаворитов.

¹⁵ Алексей (1904—1918) — великий князь, наследник-цесаревич, сын императора Николая II и императрицы Александры Федоровны (1872—1918).

¹⁶ Керенский А.Ф. (1881—1970) — российский политический деятель. С марта 1917 г. вошел в состав Временного правительства. Занимал посты министра юстиции (март—май), военного и морского министра (май—сентябрь), министра-председателя и Верховного главнокомандующего (июль—октябрь).

¹⁷ ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

тивно изжил себя, что Российское государство отныне не есть «христианское», а есть — светское (вне конфессиональное) государство. В рамках своей новой церковной политики правительство намеревалось объявить амнистию всем, кто был осужден по «религиозным делам»; отменить вероисповедные, тесно переплетавшиеся с социальными и национальными, ограничения; обеспечить равенство религий, а также граждан независимо от их отношения к религии; отменить обязательное преподавание в государственных учебных заведениях Закона Божьего; передать в ведение министерства народного образования церковно-приходские школы; снять ограничения на деятельность старообрядческих, католических, униатских, протестантских и иных религиозных объединений.

Падение самодержавия и объявленная правительством программа демократических преобразований с энтузиазмом воспринимались в католических кругах России и с еще большим — в Ватикане. Думается, что именно об этом писал в своей телеграмме от 31 марта 1917 г. в МИД России советник Русской духовной миссии при Святом Престоле Н.И.Бок¹⁸: «Как подсказывают мне мои наблюдения, наша революция произвела здесь смешанное впечатление. Преобладающим чувством явилось чувство эгоистической радости за интересы католической церкви. Падение прошлого строя означало уничтожение всех вероисповедных стеснений и открытие новой эры свободы католичества в Россию. При первом же свидании кардинал статс-секретарь¹⁹ не скрыл от меня этой своей радости»²⁰.

Поступающие из различных регионов страны сообщения свидетельствовали о том, что в обществе, словно по мановению волшебной палочки, улетучивались монархические настроения. В дневнике профессора Московской духовной академии А.Д.Беляева мы обнаруживаем следующее тому объяснение: «Тысячи революционеров не уронили так самодержавия, монархию, трон и династию Романовых, как эта германка с своим гнусным Распутиным, с своим германизмом, с своей сумасшедшей хлыстовщиной, с своей отчужденностью от России и чуть ли не изменами в пользу Германии, с отчужденностью даже от всех членов царского дома и чуть ли не с манией величия. А царь повредил себе и монархии безволием, ленью, беспечностью, пристрастием к вину (по-видимому), тугоумным подчинением своей обер-кликуше, неумением управлять, нежеланием, хотя бы на время войны, составить кабинет по образу конституции. Жалкие люди и жалкая теперь, да и прежде, семья, несчастная семья! Нравственно, умственно и культурно обе главы семьи упали еще раньше переворота и окончательного падения»²¹.

Весна 1917 г. — уникальный период в истории России, характеризующийся бурным проявлением религиозной жизни во всем ее многообразии²². Среди проблем, которые активно обсуждала многомиллионная верующая масса, был вопрос о возможных новых отношениях между государством и религиозными организациями. На то время лишь иерархия и духовенство Православной церкви, да крайние монархические группировки, отстаивали неизменность прежних государственно-церковных отношений. По существу, эта позиция противопоставляла Церковь всему разбухшему революцией российскому обществу.

¹⁸ Бок Н.И. (1880—1962) — с 1912 г. секретарь, советник Русской Духовной миссии при Св. Престоле. С 1917 г. в эмиграции.

¹⁹ Имеется в виду кардинал Гаспарри, статс-секретарь Римской курии.

²⁰ Цит. по: Исторический архив. 2000. № 4. С. 118.

²¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 26. К. 4. Д. 6. Запись 23 марта 1917 г.

²² См.: Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX в. / История религий в России. М., 2001. С. 168—180.

Во-первых, подавляющее большинство других религиозных организаций выступало за строительство новых отношений между государством и религиозными объединениями на принципах отделения церкви от государства, правового равенства религий и религиозных организаций.

Во-вторых, абсолютное число политических партий России, имевших значительную поддержку во всех слоях общества, в своих программных документах высказывалось за строительство «светского государства», осуждая прежнюю «религиозную политику» в Российской империи. Отсюда требования: отделение церкви от государства и школы от церкви, национализация церковно-монастырской собственности; равенство граждан независимо от их отношения к религии и религиозным организациям; отказ от государственного субсидирования деятельности конфессий, признание за гражданами права на вневероисповедное состояние²³.

Эти идеи нашли свое отражение в таких законодательных актах Временного правительства, как «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта 1917 г.) и «О свободе совести» (14 июля 1917 г.). Кроме того, изменения были внесены в ряд разделов российского законодательства: Законы о состоянии, Положение об инородцах, Положение о наказаниях уголовных и исправительных, Устав гражданского судопроизводства, Устав о воинской повинности, Уставы иностранных исповеданий. К примеру, отмене подлежали: наказания за вступление в брак лиц христианского исповедания с иноверцами; писание икон, изготовление крестов и торговлю ими нехристианами и др. Устранялись запреты на: усыновление лиц христианского исповедания нехристианами и наоборот; на следование нехристианами предметов христианского культа; принятие в число присяжных и частных поверенных лиц нехристианского исповедания без разрешения министра юстиции; политическую пропаганду римско-католического духовенства, а также ограничения на строительство синагог и мечетей.

Безусловно, шаги Временного правительства в деле реформирования прежних государственно-церковных отношений и религиозного законодательства отвечали потребностям широких социальных слоев России и в значительной мере стимулировались запросами населения. Министр земледелия В.М.Чернов писал в своих воспоминаниях: «Царская Россия передала Временному правительству страну, полную вопиющих неудовлетворенных потребностей. И пронесшийся лозунг «Свобода!» стал для всевозможных слоев народа сигналом властного предъявления своих неотложных нужд, предъявления не всегда соответствующего с реальными возможностями столь же неотложного их удовлетворения»²⁴.

Не были исключением в этом общем хоре и требования конфессий. Временное правительство видело свою основную задачу во взаимоотношениях с ними в разрешении неотложных проблем, в отмене несправедливых статей царского законодательства, что и должно было привести к облегчению жизнедеятельности иноверных исповеданий. Публично заявляя о том, что проблема взаимоотношений государства и религиозных объединений может быть решена только Учредительным собранием, правительство сосредоточило свое внимание на текущих проблемах бытия религиозных объединений. Значительная доля работы по-прежнему возлагалась на МВД и, прежде всего, на департамент духовных дел иностранных исповеданий. Именно он выстраивал новые отношения между государством и ранее «гонимыми» и «терпимыми» религиозными организациями.

²³ См.: Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения в политической истории России // Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М., 1996. С. 47—53.

²⁴ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С. 322.

В системе МВД для изучения поступающей от представителей конфессий предложений и для подготовки на этой основе законопроектов было создано Особое совещание по общим вероисповедным вопросам. К его работе привлекались представители различных государственных учреждений, а также религиозных, научных и общественных организаций. В наиболее сложных случаях вероисповедные законопроекты передавались на рассмотрение особому органу при правительстве — Юридическому совещанию²⁵.

Весной 1917 г. МВД приступило и к подготовке необходимых материалов для разрешения вопросов, осложнявших государственно-церковные отношения в России на протяжении десятилетий и даже столетий. В их числе: российско-ватиканские отношения, положение католической церкви и греко-католиков в России²⁶.

Для пересмотра действующих законоположений по делам Римско-католической церкви образована была специальная комиссия. Одним из ее итогов деятельности стал законопроект «Об изменении действующих законоположений по делам Римско-католической церкви в России», внесенный в правительство 10 июля и утвержденный 25 августа. Закон предоставлял чрезвычайно широкий спектр прав и свобод для католических организаций в России. Это открыто признавал и сам Св. Престол²⁷.

В тесной связи с отношением к Римско-католической церкви новая государственная власть рассматривала и вопрос о положении униатов, общины которых действовали в ряде городов центральной губерний России и особенно много на Западной Украине. В пределах Российской империи Униатская церковь никогда не была официально признаваема, а императорское правительство всячески (морально и материально) поддерживало противоуниатскую деятельность государственной Российской православной церкви. В стремлении как можно скорее решить униатский вопрос, который для государства был политическим, а не церковным, подчас использовались и насилие, и административные меры в отношении инаковерующих. И это не было чем-то особенным для политики царской России в вероисповедных вопросах, которая в предшествующее время вся зиждилась на преследовании свободомыслия и инакомыслия, на всемерном ограничении инаковерия.

Временное правительство последовательно шло по пути легализации Униатской церкви. Вслед за освобождением митрополита Андрея Шептицкого освобождались из тюрем и возвращались из ссылок униатские священники и верующие, арестованные и сосланные за принадлежность к униатству.

К слову сказать, освобождение Шептицкого в православной среде вызвало острое недовольство. Характерный эпизод об этом содержится в воспоминаниях члена Святейшего Синода протопресвитера Николая Любимова. Он передает слова товарища обер-прокурора А.В.Карташева²⁸ в связи с сообщением о согласии австрийского правительства лишь посредством выкупа освободить от смертной

²⁵ См.: Редькина О.Ю. Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль—октябрь 1917 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., РАГС, 1996.

²⁶ См.: «Почти все пожелания Русской Курии получают ныне полное удовлетворение». Из секретной переписки Русской миссии в Ватикане. Февраль — октябрь 1917 г. / Публ. М.И.Одинцов // Исторический архив. 2000. № 4. С. 113—146.

²⁷ См.: Исторический архив. 1994. № 2. С. 143—144.

²⁸ Карташев А.В. (1875—1960) — историк церкви, церковный и общественный деятель. В марте 1917 г. был назначен товарищем (заместителем) обер-прокурора Святейшего Синода, с июля — обер-прокурор Святейшего Синода, а с августа по октябрь — министр исповеданий Временного правительства.

казни православного священника Рыжова, находившегося в пражской тюрьме за «государственную измену». «А мы-то, — записал в дневнике Любимов, — дураки, именно дураки, не только великодушно отпустили зловреднейшего пропагандиста Шептицкого, но чуть что не с великими почестями проводили его домой; не желали даже и обменять его на кого-либо из наших пленных. И вот за наше поистине дурацкое великодушие чем платят нам изверги-немцы»²⁹.

После освобождения Шептицкий получил от Временного правительства разрешение выехать на родину через нейтральную Швецию. Но прежде чем покинуть Россию, он стремится организационно укрепить Униатскую церковь. В обеих столицах образуются униатские приходы, а затем они начинают действовать в Киеве, Могилеве, Одессе, Екатеринославле, Виннице и Каменец-Подольском.

В конце мая в Петрограде состоялся первый русский собор Греко-католической церкви и учрежден экзархат Греко-католической церкви, во главе которого был поставлен протопресвитер Леонид Федоров³⁰. По настоятельной просьбе Андрея Шептицкого Временное правительство выдало Федорову специальное в том удостоверение. Любопытно, что в Постановлении собора церковь следующими словами выразила свое отношение к вопросу о взаимоотношениях церкви и государства: «Считаем для нас в настоящее время необходимым полную независимость Церкви от государства»³¹.

Активность свою Андрей Шептицкий объяснял данными ему Прием Х³² полномочиями в отношении учреждения в России католицизма и униатства. Но подлинность этого утверждения остается до сих пор спорной из-за отсутствия документальных материалов. Тогда же отношение к Шептицкому было неоднозначным. Как неоднократно сообщал Н.И.Бок, Ватикан дистанцировался от политической деятельности Шептицкого, открыто не поддерживал его рьяных усилий по насаждению католицизма в России, ибо, как выразился однажды Бок, «на прививаемом им католицизме клеймо, если не австрофильства, то украинского сепаратизма, клеймо, дающее сильное оружие против католицизма всем врагам его»³³. Да и русские католики за рубежом были «смущены» и «озадачены» тем, что Русскую церковь организовывал, подчинял себе духовенство и мирян подданный чуждого России государства — Австрии, сенатор вражеской монархии и глава политической партии, доброжелательство которой к России было весьма сомнительно.

Весна и лето 1917 г. для Униатской церкви были периодом высшей активности: проводятся съезды, соборы, диспуты, образуются ордена, монашеские общины и приходы; зарождаются печатные издания; организуются встречи с представителями православных, старообрядческих, протестантских общин.

Вопрос о формировании органов управления этой церкви и их государственного признания рассматривался Комиссией по делам Римско-католической церк-

²⁹ Протопресвитер Николай Любимов. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля — 12 июня 1917 г.) / Российская церковь в годы революции (1917—1918 гг.). М., 1995. С. 60.

³⁰ Федоров Л.И. (1879—1934) — после окончания в 1902 г. Петербургской духовной академии принял католичество. Учился в Папской коллегии в Ананьи и в Фрейбургском университете (Германия). В 1911 г. был рукоположен в сан католического священника восточного обряда. Пострижен в монахи с именем Леонтий. С 1914 по 1916 г. был в ссылке в г. Тобольске. В 1917 г. назначен митрополитом Шептицким, а в 1921 г. утвержден Папой Римским Бенедиктом XV экзархом русских католиков. В 1922—1931 г. неоднократно подвергался арестам, ссылкам и тюремным заключениям. Умер в Вятке. См.: Логос. 1993. № 48.

³¹ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 155. Л. 36—38, пункт 25.

³² Пий X (А.Ратти) (1857—1939) — папа Римский с 1922 г.

³³ АВПРИ. Ф. 136 (Ватикан). Оп. 890. Д. 122. Л. 60—61.

ви. Последняя, исходя из того, что согласно вероучению католической церкви, на первое место выдвигается принцип полного единства догмы, а обрядовая сторона признается второстепенной, предложила следующее решение вопроса — распространить на Униатскую церковь те законодательные нормы, которые определяли деятельность и положение католической церкви в России³⁴.

Предложение было реализовано включением в законопроект «Об изменении действующих законоположений по делам Римско-католической церкви в России» отдельного пункта (V), гласившего: «Действие законоположения по делам Римско-католической церкви в России распространяется на церковное управление этой церкви всех обрядов, с теми изъятиями, которые будут особо установлены для управления каждого из этих обрядов в законодательном порядке»³⁵. Предполагалось, что детальная разработка устройства Униатской церкви в дальнейшем должна будет производиться органами управления, путем согласования этого вопроса с Ватиканом, Временным правительством и представителями данного исповедания. Но в силу резко изменившихся политических обстоятельств в России этому не суждено было сбыться.

В начале лета митрополит Шептицкий покинул Россию. Круглым путем он добрался до столицы Австро-Венгрии — Вены. Австрийское правительство и новый император Карл I устроили ему грандиозный прием. Графу Шептицкому были оказаны почести, которых, как вспоминали очевидцы, в столице не удаивался ни один из правящих монархов. За преданность «короне и государству» Карл I наградил Шептицкого орденом Леопольда³⁶.

19 сентября 1917 г. Шептицкий возвратился во Львов, где «царского узника» встречали толпы людей. Выступавшие выражали надежду, что в новых политических условиях Шептицкий по-прежнему будет «крепко стоять в первых рядах борцов за волю и права самостийного украинского народа». Сам Шептицкий говорил о «неизбежном развале» России, о «новом могучем рывке» австро-венгерских дивизий на Киев и Москву, об установлении на Украине гетманского правления.

...Но планам и ожиданиям Шептицкого не суждено было сбыться. Последующие политические события в Советской России (СССР) — Гражданская война, военная интервенция, национальные движения в западных губерниях бывшей Российской империи, советско-польская война, осложнение советско-ватиканских отношений — привели к тому, что «русский католицизм» не прижился на российской почве. Часть духовенства и активных мирян сумела эмигрировать, другая оказалась в тюрьмах и ссылках по обвинению в контрреволюции. Единичные униатские приходы, постепенно захирев, перестали существовать³⁷.

³⁴ ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1422. Л. 4.

³⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 2 сентября.

³⁶ В приветственном письме митрополиту Шептицкому по случаю награждения орденом Леопольда Карл I писал: «Любимый архиепископ граф Шептицкий! Во время тяжелых испытаний, которые выпали на ваш родной край из-за прихода врага, Вы неустрашимо и мужественно доказали верность избраннице-церкви, императору и государству и стойко перенесли также утрату свободы. Ваше возвращение на родину дает мне приятную возможность в благодарном признании вспомнить Ваше священное, патриотическое поведение, и как высокий знак этого дарю Вам большой крест моего ордена Леопольда с военным украшением». Цит. по: Дмитрук К.Е. Униатские крестоносцы: вчера и сегодня. М., 1988. С. 236.

³⁷ См.: «Доверительно сообщаю Вам». Письма российского посланника в Ватикане А. И. Лысаковского. 1919—1921 гг. / Публ. М.И.Одинцов // Исторический архив. 1991. № 2. С. 137—167.

Греко-католическая церковная организация осталась лишь в Западной Украине, оккупированной Польшей. Хотя Ватикан и Польша в 1925 г. подписали конкордат, согласно которому греко-католическое духовенство переходило на содержание государства, но в целом положение этой Церкви было сложным. Ее руководство должно было по политическим обстоятельствам сотрудничать с польским государством. Тогда как основная масса приходского духовенства и верующих, осознавая себя частью украинского народа и считая Униатскую церковь своей национальной церковью, воспринимали и «польское государство», и «польскую религию — католицизм» чуждой для себя силой. Таким образом, быть униатом означало быть украинцем, а Греко-католическая церковь становилась для верующих опорой в противостоянии насильственной политике «ополячивания» всего и вся, проводимой польским правительством в Галиции. Соответственно, глава Церкви митрополит Шептицкий воспринимался как национально-религиозный вождь и спаситель.

В 1939—1940 гг. отторгнутые ранее западно-украинские земли вошли в состав Советского Союза. За недолгий период мирной жизни в этом регионе отношения между Греко-католической церковью, его главой митрополитом Андреем Шептицким и советским государством нормализованы не были, хотя приходы, монастыри и иные церковные структуры действовали. В 1944 г. с приходом советских войск и восстановлением советской власти в западных областях Украины перед маститым униатским иерархом встала непростая задача — найти формы отношений с новой государственной властью, и он сделал первые необходимые к тому шаги³⁸. Однако болезнь митрополита, а затем и его смерть не позволили полностью осуществить задуманное.

Основной массив публикуемых документов хранится в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Отобраны документы из фондов — «Особый политический отдел» (Ф. ОПО. 135) и «Ватикан» (Ф. 136). Кроме того, включены в публикацию и некоторые документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Документы расположены в хронологической последовательности. Все они воспроизводятся в соответствии с современными нормами русского языка, с сохранением особенностей авторского стиля. Слова, подчеркнутые авторами, выделены курсивом. В квадратных скобках помещены расшифровки окончаний и пропущенные слова.

Публикацию подготовил доктор исторических наук М.И.ОДИНЦОВ.

№ 1

Записка митрополита Андрея Шептицкого

*Лемберг*¹

12—15 августа 1914 г.

Как только победоносная австрийская армия вступит на территорию русской Украины, нами предстанет решить тройную задачу: военной, правовой и церковной организации (устройства) края. Решение этих задач должно быть осуществлено частью до возможной какой бы то ни было мирной конференции не только для того, чтобы поддержать деятельность нашей армии и ожидаемого восстания украинцев, но так-

³⁸ См. об этом: Одинцов М.И. Униаты и советская власть (Встреча в Москве. Декабрь 1944 г.) // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 56—71.

же для того, чтобы эти области, на всякий случай, возможно резче отделились от России и придать им характер национальной области, независимой от России, чуждой державе царей, характер симпатичный (желательный) местному населению. Для этой цели должно употребить (использовать) все традиции Украины, подавляемые ныне Россией, чтобы эти традиции в сознании народных масс настолько точно восстановились, чтобы никакие политические комбинации не были в состоянии уничтожить последствия нашей победы.

Военная организация

Она должна базироваться на традиции запорожских казаков. Следует иметь в виду, что эти традиции еще живы на Украине и что они имеют местный украинский характер. Донские казаки, которые считаются специфическим русским институтом, являются видоизменением этих традиций. Русские донские казаки, кроме имени, не сохранили ничего от украинского казачества. Имя «казак», тем не менее, является синонимом древнего национального героя. Один из самых дельных военачальников нашей армии, после одной из побед, может быть назначен нашим императором-гетманом. Будучи в ранге фельдцейхмestера, он должен, при сохранении нашей военной администрации, получить известную самостоятельность, чтобы при руководстве вверенных ему войск мог образовать кадры, в которых восставшие украинцы нашли бы себе подходящее место. Национальный характер должен быть выражен в названиях командующих лиц (атаманы, есаулы, сотники), в обмундировании, по возможности, и в языке команды. Гетману должно быть предоставлено право выпускать «универсалы» (приказы и воззвания) к армии и населению, назначать атаманов, есаулов, сотников и т.д. Можно ему придать человека, осведомленного относительно истории казачества, который мог бы редактировать переписку и, так сказать, служить ему советом. Такая военная организация распространяется по всему миру краю, она сможет поддержать и нормировать движение в среде украинцев.

II. Правовая организация

Под грохот пушек должно быть принято во внимание также и то обстоятельство, чтобы населению точно доказать, в каких многих направлениях русское законодательство было для населения несправедливо и притеснительно. Помимо объявления свободы личности, веротерпимости по отношению ко всем религиям и т.д., следует опубликовать австрийское гражданское уложение (в переводе на украинский язык, объявляем[ое] как законодательный акт) и, по возможности, также и другие австрийские законы. Комиссия, в составе австрийских и русских украинских юристов, должна подготовить подобную кодификацию. Должно быть обращено внимание на те стороны публичной и частной гражданской жизни, в отношении которых украинское население (массы) чувствует себя наиболее угнетенными.

III. Церковная организация

Она должна преследовать ту же цель: украинскую церковь отделить возможно основательнее от русской, не касаясь наук и областей догматов, следует издать целый ряд церковных декретов (например: украинская церковь исключается из-под ведения Петроградского Синода); все эти декреты должны исходить от церковного авторитета, а не от гражданского и не от военного, чтобы таким образом порвать с русской системой; нецелесообразно также образование нового Синода (подражание Петроградскому); запрещается молиться за царя; приказывается молиться за его Величество. Соответственные (великорусские, московские) пометки в календарях зачеркиваются и т.д. Все эти декреты должны исходить от «Митрополита Галича и всей Украины» (может издавать декреты по всему тому, что, согласно основным положениям восточной церкви и традициям митрополии, является естественным и законным); военная администрация должна все эти декреты одобрять. Я мог бы это исполнить как митрополит, ибо согласно основным положениям восточно-церковного права и согласно традициям моих предшественников, я вправе, также по уполномочию со стороны Рима, исполнять власть во всех этих областях. Раз мои распоряжения найдут сочувственное отношение, что несомненно будет, то, таким образом, будет создано центральное церковное управление на Украине, и церковь будет отделена от русской. Известное число епископов, именно тех, которые являются уроженцами Великороссии и тех, которые [не] пожелали бы подчиниться распоряжениям, можно будет немедленно устранить и на их место назначить новых, настроенных по-украински и по-австрийски; Рим впоследствии одобрит все эти декреты и назначения, одобряет их и южные патриархи (подкупленные правительством). Когда же мы оставим народу все, что ему в обрядах и обычаях дорого, когда освободим духовенство от тяжелого ярма Синода и консистории, под которым оно сильно страдает, когда мы его переведем от нынешней политико-полицейской деятельности на почву чисто церковную и христианскую, тогда можем быть уверены во всеобщем повиновении.

Таким образом будет сохранено и осуществлено единство чисто украинской церкви, а также будет проведено отделение ее от русской церкви резко и основательно. Канонические основания для такой тактики приемлемы с католической точки зрения. С точки же зрения православной — восточной такая политика является законной, логической и само по себе понятной. Я успею получить в Риме утверждение, или, правильнее говоря, уже в большей мере все это подготовил. Православие церкви, таким образом, не будет отвергнуто — оно должно быть сохранено, следует его только очистить от московских влияний.

Андрей Шенцицкий

№ 2

Воззвание митрополита Андрея Шептицкого*21 (8) августа 1914 г.*

Андрей Шептицкий, митрополит Галицкий
Всем верным пограничных сел и всех трех Галицких епархий

Мир о Господе и наше Архиерейское благословение

Весьма важное, дорогие, время. Происходит война между нашим императором и царем Москвы. Войну ведут за нас, ибо московский царь не мог стерпеть того, что в австрийском государстве у нас есть свобода веры и народности; он хочет вырвать эту свободу, заковав в цепи. В нашей войне сотни тысяч наших детей, верных своему императору, идут в бой за нашу судьбу. Идут в бой за святую нашу веру, защищают святость семейных очагов, защищают от врага добро, ваши села и ваши хаты. Наше войско побеждает, но лютый враг не спит. Не может он одолеть нашей силы силою оружия, и взялся за другие способы: хитростью, ложью, предательством хочет он побудить к измене наших бедных людей. Волк одевается в овечью шкуру. Враг притворяется другом и льстивыми словами, как рыбу на удочку, хочет положить темных и сбитых с толку. Несчастный, послушавший его, впадает в темную бездну измены. Враг разбрасывает по краю живое писание, в котором, злоупотребляя святыми словами и молитвами, прикидывающийся монахом еретик смеет Божьим именем разрешать наших людей от присяги на верность нашему императору. Откуда бы он имел такое право? Какая бессовестная ложь и святотатство приписывать себе Божьи права. Такое злостное святотатство может предлагать нашему народу только лютый враг. Присяга на верность свято обязывает по Божьей воле и Божьему закону.

Именем Божьим, как ваш митрополит и пастырь душ, заклинаю вас: не принимайте иудина совета, не слушайте тех, что хотят заковать вас в цепи; не слушайте голоса лживых безбожников, которые смеют подговаривать вас к измене императору, Отечеству, Вере.

Изменою же была бы всякая помощь, оказанная врагам или изменникам, а измена — преступление, вызывающее страшную кару от Бога и людей. Да хранит вас Всевышний Бог от всякого шага, которым вы помогли бы вражьи войскам, или вредили своим, или прикрывали измену и помогли изменникам.

Сохраняйте спокойствие. В Божьих руках наша судьба, без Божьей воли и волос с головы не спадет. Бог наша надежда и наша сила. В огне этой страшной войны выковывается для нас лучшая участь. Мы Божьей волей связаны с австрийским государством и династией Габсбургов; счастье и несчастье у нас общее; когда войско нашего императора победит, а по Божьей милости оно победит, нас ожидает более светлая и лучшая будущность.

До крови будьте верными императору. Будьте верными детям нашего славного народа. Будьте верными святой нашей прадедовской Церк-

ви. А в тяжкие години страдания и жертвы, да будет Божие благословение и Божья любовь с вами: во имя Отца и сына и Св. духа. Аминь.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 23—23об. Машинописная копия. Перевод с укр. Л. 25. Подлинник.

№ 3

Н.А.Кудашев² – С.Д.Сазонову³

(Извлечение)

Ставка Верховного Главнокомандующего

31 августа 1914 г.

[...] Генерал Янушкевич⁴ меня вкратце ознакомил с выработанным «Временным положением об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми нами по праву войны».

[...]Один из его пунктов предусматривает обеспечение религиозной и гражданской свободы, жизни, чести и имущества мирных жителей, отправление суда на прежних основаниях и по местным законам и тому подобные принципы. Дай Бог, чтобы применение их соответствовало провозглашаемому началом. По этому поводу я не могу умолчать о следующем характерном поручении, данном генералу Янушкевичу Министерством внутренних дел: ему поручено постараться найти и арестовать униатского митрополита графа Шептицкого, а также наложить секвестр на его библиотеку и все его бумаги. Генерал Янушкевич прибавил, что он неукоснительно исполнит это поручение и живым или мертвым доставит Шептицкого, а в случае надобности не постеснится приказать прикончить с ним.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 7об.—8. Подлинник.

№ 4

С.Д.Сазонов – Николаю II

Петроград

3 сентября 1914 г.

В письме, предназначенном исключительно для меня, князь Кудашев с полной откровенностью излагает свои соображения по поводу некоторых мер, принимаемых нашими властями в Галиции и Восточной Пруссии. Во избежание могущего последовать охлаждения в личных отношениях генерала Янушкевича и князя Кудашева, охлаждения, которое неминуемо крайне вредно отразилось бы на деятельности последнего, я лишен возможности сослаться на это письмо при обсуждении в Совете Министров затронутых в нем вопросов. Тем не менее, почитаю своим долгом повергнуть означенное письмо на Всемиловитвейшее благообозрение Вашего Императорского Величества и осмеливаюсь доложить, что исполнение упомянутых в конце его распоряжений Министерства внутренних дел представляется мне с точки зрения будущего нашего положения в воссоединенной Галицкой Руси прямо опасным.

Деятельность униатского митрополита Шептицкого была до сих пор весьма вредной для нас и удаление его из края является поэтому вполне обоснованным. Но достигнуть этой цели следует не иначе, как вполне законными и открытыми средствами, например, присуждением его к изгнанию; насильственное же устранение названного иерарха, как ввиду его сана, так и общей известности, которой он пользуется, могло бы лишь придать ему ореол мученичества и сильно подорвать уважение к Русской государственной власти.

Твердо уповая на то, что огромное большинство русских галичан-униатов не замедлит возвратиться в лоно Святой православной церкви, я глубоко уверен, что это достижимо лишь мерами кротости и убеждения, а не крутым обращением с представителями униатского духовенства.

Я был бы счастлив, если бы таковые мои мысли удостоились Высочайшего одобрения.

Сазонов

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 3—4. Подлинник.

№ 5

Н.А.Кудашев — С.Д.Сазонову

№ 64

8 сентября 1914 г.

Ссылаюсь на Ваше письмо № 107.

Шептицкий, уже арестованный и высланный из Галиции в Россию, больше не находится на территории, подведомственной Верховному главнокомандующему.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 10. Машинописная копия.

№ 6

Рапорт

епископа Митрофана в Синод

№ 8919

21 сентября 1914 г.

С 31 июля по 7 августа сего года приграничные местечки и селения вверенной мне епархии подверглись нашествию неприятельских австрийских войск. В настоящее время долг имею почтительнейше представить Святейшему Синоду достоверные сведения о поведении австрийцев в отношении к духовенству, храмам и отчасти к православному населению в прочих местностях епархии, которые были ими заняты.

При приходе австрийских войск для занятия г. Каменца в субботу 2-го августа конница прибыла в с. Мариановку, спросила, где живет священник и приехала к нему в усадьбу. Священник о. Леонтий Владиславский вышел к ним, они схватили его, как он был, в подряснике только и без шляпы, и увели в Австрию; с тех пор сведений о нем ни-

каких нет и причина увода его неизвестна. Жена его и трое детей находятся в тяжком горе и нужде. В воскресенье 3-го августа австрийская пехота, проходя через с. Гуков, схватила местного священника о. Феодора Гальскевича и увела его в Австрию; никаких вестей о пропавшем не имеется; у него в семействе жена и ребенок. Пострадали от нашествия врагов и другие священники, но только имущественно, и благодарению Богу, что остались, хотя нищими, но в своих приходах, при своих паствах.

В местечке Гусятине (русском) австрийцы арестовали священника (он же благочинный) о. Климента Мастковского со всем семейством, с малолетними детьми и 80-ти летней старухой матерью жены, повели их в заграничный Гусятин, где заключили в смрадную тюрьму; здесь заключенные провели несколько часов, пока ни раздалась орудийная пальба, возвестившая наступление наших войск, после чего пленники были отпущены и под выстрелами могли возвратиться к себе. Но еще большему притеснению и издевательству подвергся тот же о. Мастковский во второе нашествие австрийцев на Гусятин, когда последние держали его с детьми в погребе, подвергли военно-полевому суду и едва не расстреляли. На этот раз австрийцы позволили себе спать в храме Божиим, курили в нем, оставили на св. престоле офицерский кавалерийский пояс и др. Подробное донесение об этом двукратном пленении священника Мастковского по моему распоряжению печатается в местных Епархиальных ведомостях.

В с. Скотынынка, того же Каменецкого уезда, священник и тоже благочинный о. Диомид Крыжановский безбоязненно и мужественно держал себя во время нашествия неприятелей: они нашли его в храме молящимся. На вопросы их, где казаки, русские войска, он с большой смелостью отвечал незнанием. После от перенесенных потрясений о. Крыжановский заболел нервной горячкой и едва остался жив. По подозрению в укрывательстве казаков австрийцы разгромили стоящий на самой границе Сатановский женский монастырь. Здесь совершенно разрушен зимний храм, келии настоятельницы и сестер. Монастырь находится в крайне тяжелом положении, так как средств он совершенно не имеет. Во время бомбардировки монастыря сестры с мужественным священником о. Антонием Разумовским находились в летнем храме и совершали молебное пение об избавлении от нашествия супостатов: храм этот остался нетронутым; австрийцы вошли в него, приказали сестрам выйти наружу, зачем-то поставили их на колени, а сами стали во круг с обнаженными орудием, но этим все и ограничилось и никакого другого вреда сестрам не было сделано. Это обстоятельство возбудило в насельницах монастыря живейшую веру в Покров над ними Царицы Небесной, образ которой — Знамение Пресвятой Богородицы — представляет главную святыню обители.

Митрофан, епископ Подольский и Брацлавский

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 47. Л. 8—9. Машинописная копия.

№ 7

Телеграмма

епископа Холмского и Люблинского Анастасия⁵ —
митрополиту Петербургскому Владимиру⁶

24 сентября 1914 г.

Каждый день открываются новые факты недавних австрийских неистовств, о которых невозможно молчать. В Туробине псаломщик Стефан Мовлюец был схвачен, привязан на веревке к лошади и уведен в Австрию; всего захвачено в плен 6 священников, один диакон и три псаломщика. В селе Наброже австрийские солдаты связали вместе 30 крестьян и всячески издевались над ними, заставляя их то реветь, то лаять, то проделывать труднейшие гимнастические упражнения. Обессиленные до крайности, крестьяне заявили, наконец, своим мучителям, что готовы скорее умереть, чем подвергаться таким пыткам. В селе Гроды-Славицах 12 человек были живыми закопаны в землю. Отрытые потом своими односельчанами, они найдены были уже мертвыми с искаженными, исцарапанными собственными руками лицами — так тяжелы были их предсмертные муки, когда они задохались в своей преждевременной могиле.

Анастасий, епископ Холмский и Люблинский

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 47. Л. 14. Машинописная копия.

№ 8

Д.А.Нелидов⁷ — МИД России

Рим

11/24 октября 1914 г.

Секретно

С различных сторон ко мне обращаются с вопросом, правда ли, что после «изгнания» митрополита Шептицкого, Императорское правительство ставит униатскому населению в Галиции дилемму — либо признать себя католиками и тогда принять латинский обряд, либо присоединиться к православию.

Несомненно отвечаю, что не имею никаких официальных данных о вероисповедном вопросе в Галиции, но, как личное мнение, полагаю, что митрополит Шептицкий был удален не как митрополит, а как политический агитатор, а что касается обрядов, то предполагаю вероятным добровольное возвращение многих в лоно православия, прежде господствовавшего в крае [униатства], чем и вызван слух о насильственном обращении.

С нетерпением буду ожидать каких-либо руководящих указаний по всем этим вопросам для освещения моего собственного суждения и возможного отпора кривотолкам.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 19. Машинописная копия.

№ 9

Д.А.Нелидов – МИД России

№ 319

3/16 ноября 1914 г.

Секретно

Вручил кредитивные грамоты.

После того в частой беседе Папа коснулся двух вопросов: о православном богослужении, будто бы совершаемом русским духовенством в униатских храмах Галиции, и о митрополите Шептицком.

По первому я ответил, что признаю возможность единичных случаев, но отказываюсь допустить, чтобы могло быть систематическое намерение правительства. Папа ответил, что и не обвиняет правительство, но просит, чтобы были приняты меры воспрепятствования в будущем.

О Шептицком замечания папы сводились вкратце к тому, что, наверное, «мой друг г[осподи]н Сазонов» обладает достаточно вескими доказательствами политической виновности митрополита, если допустил его удаление внутрь России, и что он очень желал бы ознакомиться с возведенными на митрополита обвинениями.

Позднее статс-секретарь в частной форме высказал, нельзя ли отправить Шептицкого в Канаду под ответственность тамошних епископов. Я возразил, что едва ли это возможно теперь, пока еще не разобраны тяготеющие над ним обвинения. Имею основание думать, что Ватикан имеет в виду назначить его епископом для канадских униатов, чтобы вывести его из нынешнего неопределенного положения. Ввиду благоприятного впечатления, произведенного сообщениями Императорского правительства о униатах и о посылке священников пленным, буду благодарен за возможность авторитетно ответить Ватикану и по затронутым здесь вопросам.

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 20. Машинописная копия.

№ 10

Л.И.Федоров – С.Д.Сазонову

Тобольск, Гуляцкая ул., д. 32/2

3 декабря 1914 г.

Ваше Высокопревосходительство.

Прошу великодушно извинить меня, если в эти тяжелые дни я осмеливаюсь напомнить о своем существовании.

Быть может, Ваше Высокопревосходительство, вспомните о русском католике-униате, Леониде Федорове, которому Ваше Высокопревосходительство оказали большую услугу, позволив ему с открытым паспортом продолжать свое богословское образование. Он самый осмеливается теперь писать Вам это письмо.

Я долго колебался, прежде чем сделать этот шаг. Хотя Ваше Высокопревосходительство отнеслись ко мне в Риме с большой сердечностью

и, несмотря на громадную разницу нашего общественного положения, обращались со мной запросто и даже, на прощанье, обещали и впредь не оставлять меня Вашим высоким участием, однако чувство боязни не покидало меня. Дело в том, что Ваше Высокопревосходительство относитесь крайне отрицательно к той св[ятой] унии, которой я предан всей душой. Однако, теперь Галиция сделалась нераздельной частью нашего отечества и униаты — подданными нашего Государя. Думаю, что не без согласия Вашего Высокопревосходительства граф Бобринский⁸ управляет вверенной ему областью на основах самой широкой терпимости.

Окончивши 3-й курс богословия в Collegi Urbano di Propaganda fide, я, было, упал духом и даже подумывал оставить духовное звание. Огорчения по поводу энциклики «*Ea semper*» для американских русинов, нападки со стороны Ватикана на наши Велеградские съезды, суровое отношение римской прелатуры лично ко мне и, наконец, полная нищета толкали меня на эту дорогу. Я приехал в Галицию, намереваясь там, пока, давать уроки русского языка среди наших москвофилов. К счастью, митрополит Андрей Шептицкий удержал меня от этого шага, ободрил и дал средства на продолжение моего богословского образования. Последний курс я окончил в швейцарском Фрейбургском университете (в 1909 году). До 1911 года оставался во Львове, где занимал место библиотекаря, префекта и учителя богословия, в основанном митр[ополитом] Андреем студитском институте. Несмотря на всю мою признательность и глубокое уважение к архипастырю Галиции, я не решился принять от него рукоположения, чтобы не связывать себя с русинской униатской церковью, сильно латинизованной и колеблемой волнами национальных страстей. С просьбой о рукоположении я обратился к болгарскому униатскому архиепископу Михаилу Мирову, имеющему свою резиденцию в Константинополе с титулом еп[ископа] Феодосиопольского. 20-го марта 1911 года он посвятил меня в дьяконы, а 25 — во священники. Хотя после этого я и продолжал еще целый год исправлять мои обязанности в студитском институте, но скоро увидел, что дальнейшее мое пребывание там невозможно. Украинское течение усиливалось и с каждым днем. Нужно было или присоединиться к нему, или явно выступить против него. Ни того, ни другого я не имел права сделать, чтобы не смешать дело религии с человеческими страстями. Однако, я не мог скрывать моих мыслей и скоро, несмотря на могущественную протекцию митр[ополита] Андрея, сделался крайне нежелательным лицом дня украинского элемента. Несладко мне приходилось и от «новокурсников» (сторонников Маркова и Дудыкевича), которые называли меня «перекинчиком», отщепенцем и изменником России. Столковаться с ними я, конечно, не мог. Пусть они были горячими русскими патриотами, но их образ действий по отношению к католическо-униатской церкви и простым верующим был всегда одной сплошной цепью обманов, интриг и гнусных клевет (в особенности против митр[ополита] Андрея). Мне оставалось только держаться старорусского кружка, который, несмотря на свои горячие симпатии ко всему русскому, оставался верным Риму. Но эта партия гасла, как свеча, и старики

(«старокурсники») не имели никакого значения. Митр[ополит] Андрей, понимая всю трудность моего положения, предложил мне отправиться в Боснию в качестве священника для галицких эмигрантов. Я с радостью ухватился за это предложение, тем более, что серьезно подумывал о вступлении в находившийся там монастырь св. Иосифа (Студийский орден). Я пробыл 1 год и 8 месяцев. К сожалению, я скоро убедился, что мое призвание колеблется, и дело дальше послушничества не пошло. К тому же монастырь сгорел почти дотла (в феврале нынешнего года), и я вернулся снова в Львов. Но там я не хотел оставаться ни под каким видом и решил попытать счастья на родине. Пробыв около 3-х месяцев в Петербурге, я убедился, что наше время еще не пришло, так как русских униатов преследовали и травили, как диких зверей, не останавливаясь даже перед кошунственными скандалами в церкви (как это устроил епископ Никандр). Еще и раньше русская печать и некоторые досужие головы делали из меня то иезуита, то васильянина, то личного секретаря митр[ополиита] Андрея и т.д., сплетням обо мне — нет конца. В Петербурге за мной пускали шпики, посылали мне провокационные письма, делали доносы на моих знакомых. Нашлись какие-то домашние предатели, которые сообщали властям о каждом моем шаге. Так я и уехал ни с чем во Львов и буквально не знал, на что решиться.

К счастью, мой владыко Михаил Миров потребовал меня к себе в Константинополь, чтобы заменить его на время отлучки (он ездил на курдский евхаристический конгресс). Я надеялся обосноваться там прочно, рассчитывая на помощь ассумпционистов. Война разрушила все мои намерения. Для всех было ясно, что после объявления войны Германией, война Турции с Россией — только вопрос времени. Многие греческие семьи покинули город уже между 20—22 июля. Опасались даже резни христиан, так как плакаты о мобилизации турецкой армии были зеленого цвета (цвет пророка), а не красного, как обычно. 22-го июля я выехал на пароходе в Одессу, когда турки уже начали реквизировать все отплывающие пароходы и выход из Босфора был минирован (шедший за нами английский грузовик взлетел тогда на воздух).

Прибыв в Петербург, я отправился к директору департамента иностранных исповеданий г-ну Менкину с просьбой разрешить иметь хотя бы только священнический паспорт как оо. Дейбнеру⁹ и Зерчанинову¹⁰. Все было решительно отклонено, даже запрещено служить обедню в латинских церквах. Г-н Менкин сказал мне, что я человек опасный, что Дейбнера и Зерчанинова департамент знает, а меня нет, что о моей вредной деятельности им известно из неофициальных источников и т.п. «К сожалению, — сказал он, — мы не имеем никаких данных, чтобы начать против Вас судебное преследование». Тогда я решил выяснить вопрос о моем отношении к войне. Проливать кровь священнику можно только в крайнем случае, когда отечество находится на краю гибели. Поэтому я предложил свои услуги в качестве военного священника для католиков, с тем, что я добуду разрешение преподавать им св. таинства по латинскому обряду (дабы избежать «униатского обмана», как выра-

зился сам г-н Менкин). Но от такой мысли его превосходительство пришли в панический страх.

Через несколько дней ко мне на квартиру нагрянули силы полиции, сделали обыск, отправили меня в охранное отделение, сняли допрос, продержав две недели, объявили мне, что я «высылаюсь» в Тобольскую губернию. На все мои недоумевающие вопросы: «За что же?», мне было заявлено, что я признан «неблагонадежным». Все это — без малейшего суда и расправы, без минимальной возможности хоть «пикнуть» в свое оправдание.

5-го августа я уже был в Тобольске, где и должен кинуть во все время существования военного положения. Мои знакомые старались освободить меня и узнать причину ареста. На то получился следующий ответ: «Иеромонах(?) Федоров сослан за крайне опасную деятельность».

Только по разговору с г[осподино]м Менкиным и по тому допросу в охранном отделении я понял, что меня подозревают в какой-то «пропаганде» и в близких отношениях к митр[ополиту] Андрею («личный секретарь»; это же обвинение фигурировало и в доносе на меня до последнего выезда за границу).

Я специально осведомился у г[осподи]на Менкина: что означает заниматься противозаконной пропагандой. Он объяснил мне, что русские законы запрещают инославным насиловать совесть православных христиан, что, следовательно, запрещена активная пропаганда словом (напр., приходиться к кому-нибудь и стараться «свернуть его»), чтение лекций, выступление в общественных собраниях с целью пропаганды католицизма и совершение открытых общественных богослужений лицам, неразрешенным правительством.

Я могу принять присягу, что ничего подобного не делал. Конечно, я принимал близко к сердцу интересы русских обращенных, помогал им моими знаниями и советом, с радостью принимал их во Львове и Риме, но отнюдь не являлся у них каким бы то ни было официальным лицом. Я прошу, чтобы мне показали такого православного, чью совесть я бы «насилывал» активной пропагандой! Признаю себя виноватым. Пожалуй, мне скажут, что, вращаясь среди моих знакомых, я отвечал спрашивающим меня о моем переходе в католицизм, входил в рассуждения на религиозные темы и защищал мою веру. Да, это бывало! Но кто же этого не делает? Или, быть может, мне нужно было, на обращенные ко мне вопросы, отвечать: «Виноват! Начальство не приказало говорить на эту тему!»

Что касается до места секретаря, которое я якобы занимал у митр[ополита] Шептицкого, то это чистейший вздор, который можно теперь проверить во Львове документально. Для меня митр[ополит] Андрей — это только идеальный выразитель самых чистых унионистских стремлений католической церкви. Он дал мне возможность научно разрабатывать вопрос об св. унии, принимать участие во всех попытках к мирному разрешению спорных религиозных вопросов (Велеградские съезды, участие в унионистских журналах), проводить реформу очистки галицкого униатского обряда от вкрапившихся в него латинизмов и, нако-

нец, что для меня всего дороже — протянул мне руку помощи тогда, когда даже римские высокопоставленные особы отвернулись от меня, как от сумасшедшего фантазера и плохого католика. Теперь, судя по газетам, он, якобы, оказался сознательным врагом России и к тому же, коварным и вероломным. Если бы это было так, то, сознаюсь, это был бы для меня ужасный, невыносимый удар, так как и в моих глазах он оказался бы лжецом и обманщиком, думавшим одно, а говорившим другое. Но я даже на минуту не допускаю этой мысли и твердо уверен, что беспристрастное следствие, по окончании войны, выкажет во всем блеске его благородное, идеальное сердце.

Г-н Менкин также недоумевал: зачем я теперь приехал в Россию? «Это странно! — сказал он, — почему это Вам понадобилось приехать в Россию во время войны?» Это меня так поразило, что я не знал, что ответить! «Но, Ваше превосходительство, — рискнул заявить я, — ведь я же русский подданный и ратник ополчения 2-го разряда?!» — «Ну и что из этого? — услышал я в ответ. — Ну и оставались бы там». Но где должно было находиться это мое «там», мне объяснено не было. Я имел возможность существовать только в Австрии, Турции и, пожалуй, в Германии. А в Риме мне пришлось бы, по крайней мере при старом режиме, положить зубы на полку. Там мне не могут простить участия в Велеградских съездах, дружбы с принцем Максимилианом и о. Аврелием Палимери; на меня же было почему-то взвалено обвинение во всех перипетиях бармальевской церкви и издание «Слова истины», хотя в это время я находился в Боснии и даже ничего не знал об этом. В Пропаганде [Веры] же меня видеть не могут за постоянное заступничество за униатов. Быть может, теперь при папе Бенедикте повеет другим ветром, и на меня воззрят с благоволением, но, пока, мне нечего там делать. Тщетно старался я доказать г-ну Менкину, что мне вовсе не хочется томиться в немецких и турецких тюрьмах, лишенных даже комфорта охранного отделения, и что прямой долг призывает меня на родину в такую тяжелую для нее минуту, когда она поставила на карту все свое существование. Я вовсе не «ура-патриот», но исполняю только то, что повелевает мне моя религия и долг подданного. Ведь для всех же ясно, что современная война — не маньчжурская авантюра 1905 года. Однако его превосходительство так и остались при убеждении, что здесь есть что-то «подозрительное».

Я не могу пожаловаться на притеснение местных властей. Живу спокойно, никто ко мне не придирается. Но центральная власть даже и теперь не может оставить меня в покое. До сих пор я мог у себя дома совершать тихие литургии. Комната всегда была заперта, на обеднях никто не присутствовал, но недавно и это запретили. Я не делал из этого тайны, а с самого приезда осведомил об этом вице-губернатора и полицмейстера, тем более, что и сам г-н Менкин согласился с тем, что у себя дома и один я волен делать все, что мне угодно. Кроме единственно оставшегося для меня духовного утешения, обедни были единственным средством моего существования, хотя далеко недостаточным ввиду современного вздорования жизни даже в Сибири. Я подал прошение о

выдаче мне причитающегося пайка, но уже два месяца, как меня кормят только обещаниями. Бог с ними, с деньгами! Сидеть впроголодь мне не впервой. Пусть запрещают получать мне плату за обедни, но пусть разрешают служить хоть самые обедни. Ведь это единственное мне духовное утешение! Бесценная кровь и святое тело Спасителя поддерживают меня в этой тупой, мертвящей атмосфере, в которой нет никакого выхода для моей энергии!

Ваше Высокопревосходительство! Позвольте и на этот раз апеллировать к Вашему благородному сердцу! Война сделала Ваше имя популярным, и Ваше желание будет уважаемо повсюду. Неужели же я не мог бы жить в Петрограде или Москве, где нашел бы себе работу, вместо того, чтобы заниматься попрошайничеством у знакомых? Моя жизнь принадлежит родине, и я охотно отдам за нее последнюю каплю моей крови, пусть только оставят в покое мою совесть, которая принадлежит Господу Богу и ему Единому на веки! Аминь.

Вашего высокопревосходительства
покорнейший и благодарный слуга
греко-католический священник

Леонид Федоров

АВПРИ Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 371. Л. 30—31об. Автограф.

№ 11

Н.Ивлин¹¹ — С.Д.Сазонову

№ 11394

19 декабря 1914 г.

Милостивый государь,
Сергей Дмитриевич.

23 октября с.г. в церкви села Ветлина в Галиции, близ Ярослава, после совершенного богослужения епископом Трифоном Можайским¹², благочинным 42[-й] пехотной дивизии, в церковной ризнице было найдено воззвание митрополита Галицкого Андрея Шептицкого.

Священник села Ветлина по занятости села нашими войсками отсутствовал, видимо, или ушедший сам, или уведенный австрийцами.

Найденное воззвание Андрея Шептицкого, проникнутое духом глубокой ненависти к России, прилагаю для Вашего сведения в переводе и цинкографической копии.

Подлинное хранится у меня в Штабе.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и полной преданности.

Н.Ивлин

АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 161. Л. 29. Подлинник.

№ 12

Начальник канцелярии МИД России — Д.А.Нелидову

№ 11/п

7 января 1915 г.

Милостивый государь,
Дмитрий Александрович.

Сознавая желательность для Вас быть, по возможности, полнее осведомленным о всем, что касается вероисповедных вопросов в завоеванных нами областях Австро-Венгрии, считаю долгом сообщить для личного Вашего сведения некоторые подробности об устанавливающихся между нашими властями и греко-католическим духовенством в Галиции отношениях.

Как Вашему превосходительству известно, наши власти в Галиции всюду строго оберегают права униатских приходов на церковные здания, что нередко вызывает даже сетования местного русского населения. Тем не менее, т.к. во Львове единственная небольшая православная церковь Св. Георгия не может ныне вместить многочисленных молящихся, как из числа местного населения, так и в особенности из военнопленных, генерал-губернатору пришлось озаботиться приисканием более подходящего церковного помещения для совершения православных треб в дни церковных и царских праздников. С этой целью наши власти вступили несколько времени тому назад в переговоры с викарием Львовской греко-католической епархии о. Белецким¹³, ныне замещающим митрополита Шептицкого, по вопросу о предоставлении одного из униатских храмов во Львове, Успенского или Преображенского, православному духовенству.

На письменное обращение по этому поводу со стороны военного генерал-губернатора в Галиции о. Андрей Белецкий выразил графу Бобринскому согласие на предоставление принадлежащего совету Русского народного дома во Львове Преображенского собора православному духовенству для богослужений накануне, в дни Рождества Христова, что и состоялось при многочисленном стечении молящихся.

Однако о. Белецкий не счел возможным выразить своего принципиального согласия на предоставление в будущем названного храма для проведения церковных треб православного духовенства без получения на то особого разрешения Ватикана, к коему, по его словам, он счел себя обязанным обратиться с просьбой снабдить его указаниями по этому поводу.

Осведомившись об изложенном от представителя Министерства иностранных дел во Львове кол[лежского] асс[ессора] Олферьева¹⁴, министерство уведомило последнего, что оно предпочитало бы добиться разрешения этого вопроса на месте, во Львове, не прибегая к официальному обращению к Ватикану по этому предмету ввиду вероятного отрицательного отношения Ватикана к подобному официальному предложению Министерства.

Такая точка зрения вполне совпала с мнением начальника штаба Верховного главнокомандующего, который прямо обратился к о. Белецкому с предложением указать, который из двух поименованных храмов он согласен предоставить православному духовенству.

В случае обращения к Вам по собственному почину Ватикана по поводу вышеизложенного, Вы могли бы указать на то, что в данном случае лишь неотложная необходимость заставила генерал-губернатора уклониться от усвоенного им порядка охранения неприкосновенности греко-католических храмов.

При этом, однако, и здесь остались незатронутыми права собственности на здания храмов и оказано должное внимание по отношению к местной духовной власти.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и таковой же преданности^а.

АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 49. Л. 1—3. Машинописная копия.

(Окончание следует)

Примечания

¹ Лемберг — Львов.

² *Кудашев Н.А.* — князь, советник русского посольства в Вене (1912—1914), директор дипломатической канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего (1914—1916).

³ *Сазонов С.Д.* (1860—1927) — министр иностранных дел России в 1910—1916 гг.

⁴ *Янушкевич Н.Н.* (1868—1918) — начальник штаба Верховного главнокомандующего в 1914—1915 гг.

⁵ *Анастасий (Грибановский)* (1873—1965) — епископ Холмский и Люблинский.

⁶ *Владимир (Богоявленский)* (1848—1918) — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

⁷ *Нелидов Д.А.* — посланник Российской духовной миссии при Святом Престоле.

⁸ *Бобринский А.А.* (1852—1927) — товарищ министра иностранных дел Российской империи.

⁹ *Дейбнер И.А.* (1873—1936) — в 1899 г. тайно перешел в католичество, а в 1903 г. рукоположен митрополитом Шептицким в сан католического священника восточного обряда. С 1907 г. открыто служил в костеле Св. Екатерины в Петербурге. В 1923 г. подвергался арестам и был приговорен к 10 годам тюремного заключения. Освобожден в 1932 г. и проживал в Вельегонске Тверской области. В 1936 г. убит при невыясненных обстоятельствах.

¹⁰ *Зерчанинов А.Е.* (1848—1933) — православный священник. В 1896 г. тайно перешел в католичество. В 1898 г. арестован и содержался в сурдальской тюрьме. С 1901 г. находился в ссылке в Нижегородской губернии. В 1907 г. вернулся в Петербург и в 1908 г. назначен главой миссии для русских католиков. В 1923—1924 гг. подвергался арестам. Отбывал ссылку в Тобольске. После окончания ссылки проживал в Нижнем Новгороде, где и скончался.

^а Подпись неразборчива.

¹¹ *Ивлин Н.* — главнокомандующий армиями Западного фронта.

¹² *Трифон (Туркестанов)* (1861—1934) — епископ Можайский.

¹³ *Белецкий А.* — викарий Львовской греко-католической епархии.

¹⁴ *Олферьев А.* — коллежский ассессор, представитель Министерства иностранных дел Российской империи, исполняющий дела чиновника для ведения дипломатической переписки при военном генерал-губернаторе Галиции во Львове.

«МЫ В СОЗВЕЗДИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЛНЕНИЙ»

Письма П.Г.Виноградова В.И.Вернадскому. 1899—1904 гг.

Бликие взаимоотношения между двумя будущими академиками Павлом Гавриловичем Виноградовым (1854—1925) и Владимиром Ивановичем Вернадским (1863—1945) установились в конце 1890-х гг. В это время, когда выступления студентов стали постоянными и наметилось желание властей определить контуры реформы системы образования, либерально настроенные профессора Московского университета попытались оказать влияние на тех и других. Формами их воздействия явились составление коллективных записок и участие в работе выборных профессорских комиссий, о чем свидетельствуют публикуемые ниже письма. Работа одной из комиссий — по проведению курсовых совещаний, возглавляемой П.Г.Виноградовым, вызвала недовольство вновь назначенного министром народного просвещения генерала-адъютанта П.С.Ванновского. Это привело к отставке известного историка и его отъезду за границу в 1901 г.

Пытаясь найти свое место в условиях эмиграции, Павел Гаврилович стремился заручиться поддержкой и пониманием тех бывших коллег, с которыми когда-то поддерживал хорошие отношения. Поэтому он с большим удовлетворением воспринял продолжение переписки с Вернадским. Тем более, что с умным корреспондентом можно было «поговорить» на темы, которые возвращали его в круг старых знакомых и друзей. Правда, постепенно они стали обмениваться письмами реже, а затем переписка почти прекратилась после того, как Виноградов по просьбе коллег в 1908 г. вернулся в родной университет для чтения лекций в течение одного семестра ежегодно.

Три письма Павла Гавриловича сыну Владимира Ивановича — историку Г.В.Вернадскому — хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк). В первом из писем Виноградов с энтузиазмом откликнулся на просьбу помочь В.И.Вернадскому выбраться в Англию. «Третьего дня лишь я получил Ваше письмо из Константинополя от 27-го XI, — писал он Г.В.Вернадскому 16 декабря 1920 г. — Я немедленно снесся с председателем Royal Society, профессором Шеррингтоном, которого я хорошо знаю. Он обещал мне возбудить в Совете Royal Society вопрос о приглашении Владимира Ивановича в Англию для продолжения его ученых работ. Sir Henry Miers, тоже мой приятель, и профессор Bragg, наверное, поддержат Шеррингтона. Этим, однако, не предпринимается, к сожалению, успех ходатайства. Большевики отказали знаменитому Павлову в разрешении оставить Россию. Будем надеяться, что на этот раз ходатайство будет успешнее. Во всяком случае с английской стороны все будет сделано»¹. Однако уже во втором письме от 8 октября 1921 г. тон изменился: «На это потребуется некоторое время, но теперь во всяком случае все в разезде и до октября дело не двинется. Доставайте пока нужные данные (на английском язы-

¹ P.G.Vinogradoff's letter to G.V.Vernadsky, December 16, 1920 // Columbia University Libraries. Bakhmeteff Archive. Special Manuscript Collections. George Vernadsky's Collection, box 13.

ке). Когда составят записку, известите меня, я снесусь с президентом Royal Society Шеррингтоном»². Последнее же письмо завершалось весьма печальным пассажем: «Я хлопотал во всевозможных направлениях о вызове Вашего отца для окончания его работы — обращался к Майерсу, Шеррингтону и Шустеру — все обещали содействовать и, однако, ничего из этого не вышло. На правительственную помощь рассчитывать нечего: Вы знаете, что Ллойд Джордж отрекся от России и что все теперь отмахиваются от русских просьб. Royal Society могло бы высказаться, но необходимо, чтобы их побудил к этому специалист. Я напому еще раз Майерсу — он минералог и должен бы был что-нибудь сделать. Но знайте заранее, что денежной помощи теперь не получишь — своих нуждающихся миллионы. Грустно все это! Отовсюду доносятся стоны!»³

Оригиналы публикуемых писем хранятся в Архиве Российской Академии наук — (АРАН), в фонде 518 (В.И.Вернадский). Из всей сохранившейся корреспонденции отобраны лишь те письма, которые представляют наибольший интерес. Их орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук А.В.АНТОШЕНКО.

№ 1

Шереметевский, д. Шереметева, № 78 Москва

21 февраля 1899 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,
вчера я сказал Вам, что не пойду на совещание по поводу беспорядков. Потом, однако, передумал, так как при изложении дела и принятых мер Правление будет, конечно, касаться и происшедшего на моей лекции. Считаю долгом известить Вас об этом.

Искренне преданный *П.Виноградов*

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 1—1об.

№ 2

Председатель Педагогического общества,
состоящего при императорском
Московском университете

Москва

19 апреля 1899 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,
Анучин¹ согласился доставить наши записки. Так что надо прислать и Вашу не позднее сегодняшнего вечера, 6 часов. Известите, пожалуйста, о том же Зелинского². Затем просил бы Вас как-нибудь доставить Гамбарову³ прилагаемый экземпляр «общих оснований» и объяснить ему, в чем дело.

Ваш П.Виноградов

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 2—3.

² P.G.Vinogradoff's letter to G.V.Vernadsky, October 8, 1921 // Там же.

³ P.G.Vinogradoff's letter to G.V.Vernadsky, December 24, 1921 // Там же.

№ 3

*Шереметевский, д. Шереметева, № 78**29 апреля 1899 г.*

Многоуважаемый Владимир Иванович,
в воскресенье, в 5-м часу, соберутся у меня для выслушания Ану-
чина и суждения о дальнейших действиях. Жду Вас и прошу пригласить
Зелинского и Гамбарова.

Истинно преданный

П. Виноградов

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 4.

№ 4

*Шереметевский, д. Шереметева, № 78**15 мая 1899 г.*

Многоуважаемый Владимир Иванович,
пять минут после Вашего ухода я возвратился домой и очень пожа-
лел, что не приехал раньше. Препровождаю записку с просьбой добыть
подпись Стороженко⁴. Остальные, как Вы увидите, есть. Затем доставь-
те, пожалуйста, записку Чупрову⁵ и скажите ему, что я заеду к нему зав-
тра, часу в одиннадцатом.

Ваш П. Виноградов

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 388. Л. 5—6.

№ 5

Председатель Педагогического общества
стоящего при Московском императорском университете

*Шереметевский пер., д. Шереметева, 65, Москва**10 октября 1899 г.*

Милостивый государь Владимир Иванович!

Некоторые товарищи профессора выразили желание вместе обсу-
дить вопросы, поставленные попечителем о средней школе, и сгово-
риться, по возможности, о согласованном ответе на них⁶.

Быть может, Вы не откажетесь пожаловать с этой целью на совеща-
ние в моей квартире в среду, 13-го, в 8 часов вечера.

Прошу Вас принять уверение в почтении и преданности

П. Виноградов

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 7—8.

№ 6

*Шереметевский, д. Шереметева № 65, Москва**15 октября 1899 г.*

Многоуважаемый Владимир Иванович,
чистовой экземпляр нашей записки будет лежать для подписи у
Остроумова⁷ завтра и в воскресенье. Ваше и Зелинского отклонение я

просил последнего формулировать и изложить как отдельное мнение по одному пункту.

Ваш П. Виноградов

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 9.

№ 7

Шереметевский, д. Шереметева, кв. 65, Москва

13 марта 1901 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,
нет ли у Вас и не можете ли Вы одолжить мне дня на 3 Устав 1863 года^{8?}

Устраиваются ли у Вас совещания по курсам и принимаются ли решения о возобновлении занятий для выражения доверия Комиссии^{9?}

Ваш П. Виноградов

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 10—10об.

№ 8

Шереметевский, д. Шереметева, кв. 65, Москва

24 марта 1901 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,
к сожалению, не могу зайти лично, чтобы взять документы. Вы можете без опасения передать их посланному в запечатанном конверте.

Ваш П. Виноградов

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 11.

№ 9

Гранд Отель, Харьков

26 апреля 1901 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,
живо интересуюсь тем, как идет дело в Москве и какие последствия имел приезд министра, решаюсь просить Вас написать мне сюда несколько строк о «достопримечательных» событиях этих дней в Москве¹⁰. Относительно нашей комиссии Вам, вероятно, может дать сведения Ник[олай] Ал[ексеевич] Умов¹¹. Говорил ли о ней с министром Д. Н. Зернов^{12?}

О здешних делах пока ничего не могу сказать, да они едва ли и имеют общий интерес. Видел сегодня Анрепа¹³, кот[орый] имеет довольный вид. Вы знаете, что здесь разрешили всем уволенным студентам, за исключением политических, конечно, вернуться теперь же в университет.

Искренне преданный П. Виноградов

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 17—18об.

№ 10

*Гранд Отель, Харьков**4 мая 1901 г.*

Многоуважаемый Владимир Иванович, очень Вам благодарен за известия. То, что появилось в газетах, вполне подтверждает впечатление, вынесенное Вами. Люди, умеющие плясать перед властями, и впредь будут заниматься этим выгодным делом, а сумеют ли власти различить, что дело это не есть главное в управлении университетами, это Бог весть. Вероятно, выйдет нечто до крайности полосатое.

В Харькове тоже образована комиссия для обсуждения причин и мер. Состав и настроение ее хорошие — в ней действуют математики, представившие в свое время хороший отзыв о практических занятиях. Багaley¹⁴, Миклашевский¹⁵, Гиpшман¹⁶ и др. Одним словом, большинство в нашем духе, и они справлялись о ходе дел у нас.

Этой же комиссии будет поручено подготовить ответы на вопросы министерства, пакет которых я уже получил здесь¹⁷. Выясняется несколько опасных капканов, на которые надо указывать, — ректор-директор, устранение готовящихся на диплом, практические занятия репетиционного характера и т. п.

*Ваш П.Виноградов***АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 19—20об.**

№ 11

*Шереметевский, д. Шереметева, кв. 65, Москва**30 октября 1901 г.*

Многоуважаемый Владимир Иванович,

будьте так добры, посодействуйте выбрать делегатов на курсах естественного факультета. У нас в комиссии нет настоящих естественников, и мы рассчитываем на Ваше содействие¹⁸.

*Искренне преданный П.Виноградов***АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 13—13об.**

№ 12

*Гунгербург близ Нары Луговой, 63**1 июля 1902 г.*

Любезный Владимир Иванович,

рад был получить от Вас письмо: лучше поздно, чем никогда. Держусь того же правила и для ответа. Могу себе представить, какво Вам было эту зиму, и не завидую относительно будущей, хотя и мне не во всем можно завидовать. Положение «не у дел» для человека, привыкшего к делу, имеет мало привлекательного. Все, что приходится видеть и слышать, раздражает особым образом при бессилии выразить чем-нибудь свои чувства. Впрочем, все это время я работаю, если немного, то порядочно, а устроившись в Англии, надеюсь даже работать много. В настоящее время пишу головоломную статью о сословных отношениях в

Каролингских правдах для *Zeitschrift für Rechtsgeschichte*¹⁹ и готовлю очень современные лекции для Кембриджского съезда *University Extention* об истории и судьбе реформ Александра II²⁰. Кстати, у Вас много материалов и связей по подобным вопросам: известно ли Вам что-нибудь любопытное о ходе крестьянской реформы в Полтавской и Тамбовской губерниях, в особенности о деятельности губернских комитетов и мировых посредников в этих губерниях. Любопытен контраст этих 2 фазисов реформы. Если сами не знаете, расспросите.

Приветствую Вашу работу по кристаллографии и удивляюсь Вашей энергии и любви к делу в такое время. Конечно, мы в созвездии политических волнений, и Бог знает, когда и как из них выйдем. 27 уезжаю в Англию, где адрес мой будет 31 Broadwater Down, Tunbridge Wells. Жму Вашу руку и прошу писать.

Ваш П. Виноградов

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 21—22об.

№ 13

31 Broadwater Down Tunbridge Wells

26 октября 1902 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,

очень был рад получить от Вас известия и всегда буду благодарен, когда соберетесь написать мне. Известия об университетской жизни, конечно, сохранили для меня большой, хотя и грустный интерес. Хорошо, что Вы поудержались относительно избрания кураторов. Это очень двусмысленный подарок. Университетский суд также принесет при случае большие хлопоты, особенно ввиду внесудебных действий всех административных, но, конечно, надо же было его образовать²¹. Странно также видеть в первом ряду таких господ, как Тарасов и Кирпичников²². От студентов имею телеграмму по случаю открытия и пожелал им со своей стороны идти по стопам Миллеровского о[бщест]ва²³, одним из убежденных и благодарных членов которого были и Вы, насколько мне известно. Что-то уж очень у них выдвинулся новоявленный идеализм. У нас он обыкновенно соединяется с ненаучными стремлениями: дай Бог, чтобы на сей раз было иначе.

Справьтесь, пожалуйста, получили ли курсистки мой ответ на тронувшую меня в высшей степени телеграмму. Я адресовал свое письмо Мининой, 3 курса. Как ведет себя в нынешнем году В[ладимир] Ив[анович]²⁴?

Моя работа идет понемногу вперед, да и странно было бы, если бы она не подвигалась. Все время, впрочем, присоединяются некоторые добавочные русские работы. После мелкой земской единицы²⁵ теперь стоит на очереди издание варварских правд для Киевского университета вместе с Владимирским-Будановым²⁶.

Жму Вашу руку.

Ваш П. Виноградов

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 23—24об.

№ 14

*31 Broadwater Down Tunbridge Wells**26 декабря 1902 г.*

Многоуважаемый Владимир Иванович,

спасибо за обстоятельное письмо. Поздравляю с праздниками, которые у Вас скоро наступят, а у нас уже наступили.

Вы несогласны со мной в моем недоверии к идеалистическому движению и, по-видимому, вместе с другими охвачены им. Неблагодарная задача является в подобных случаях, с разочаровывающими возражениями и предсказаниями, но дело в данном случае совсем не в том, чтобы кого-либо опровергать или отстаивать свое собственное мнение, а в том, чтобы высказаться относительно своей точки зрения.

Это может быть не лишено интереса для тех, кто смотрит иначе на дело. Должен начать с заявления, что я себя не считаю позитивистом в смысле миллевском или спенсеровском, а тем менее контовском²⁷. Как попытка построить всеобщую философскую доктрину, позитивизм, конечно, не выдерживает критики, а экономический материализм еще менее. Именно положительное научное наблюдение показывает в жизни людей и истории обществ гораздо более богатый спектр воззрений, нежели тот, который проецируется через позитивистическую призму. Против узкого догматизма и самоуверенной ограниченности кругозора готов протестовать не менее других. Но то, что предлагают мне наши идеалисты, отношение их к научному исканию, с одной стороны, к философскому и религиозному — с другой, отталкивает меня не менее позитивистики. Я еще не прочел как следует тома, изданного Павлом Ивановичем²⁸, и потому воздержусь пока говорить о нем. Но предшественники и пророки, к которым взывает он и его товарищи, Вл[адимир] Соловьев, Чичерин, Достоевский²⁹, мне представляются по разным причинам опасными и негодными руководителями. Неясный мистик, взывающий к подогретому [?] христианству, окаменелый гегелианист — воплощение догматизма, и истерический лжепророк, живущий «надрывами» — все это одинаково мало симпатичные провозвестники нового времени, а среди их последователей я не вижу пока людей с оригинальным, новым словом. И я уверен, что новое направление, подобно толстовству, вызовет в нашей слабой интеллигенции прежде всего презрение к научному исканию и знанию, которое так скупо, так ограниченно в своем круте. Поймут ли, что никакие чаяния метафизики и никакие приливы личной религиозности не могут освободиться от управляющих и направляющих положений, устанавливаемых наукой, что история мысли показывает, как точное знание делало невозможными общие построения, воздвигнутые в неведении его законов, и подбирало основы для новых построений, которые обязаны были своим временным успехом в значительной степени соответствию известному уровню знаний? В статьях Булгакова и Бердяева³⁰ мне слышится уже совершенно явственно разухабистое пренебрежение к той научной работе, которая наивно уподобляется прямой линии, всегда бесконечно ограниченной перед

бесконечностью. Что касается до меня, то я не пожертвую этой прямой линией из-за замкнутого круга, который мне сулят взамен.

А в настоящее время на всем этом, конечно, люди отводят душу и ищут иных благ, нежели те, какие могут быть достигнуты в государственной и общественной жизни. Это подсказывается законом самосохранения. Но на благо ли это в конце концов?

Ваш П. Виноградов

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 25—28об.

№ 15

31 Broadwater Down Tunbridge Wells Kent

16 марта 1903 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,

спасибо за подробную отповедь: приятно во всяком случае высказаться и поспорить о таких вопросах первостепенной важности.

Согласиться с Вами я, однако, не могу. Я готов признать, что в ваших науках, и, конечно, в еще большей степени в наших злоупотреблях и злоупотребляют готовыми схемами, недоказанными предположениями и легкомысленными постулатами. Готов даже допустить, что идеалистическое движение принесет пользу в том смысле, что заставит пересмотреть решения и доказательства. Затем, я считаю, что рядом с научным знанием и исследованием широкое место для спекулятивной философии, религиозных чаяний и этических правил, но я все-таки думаю, что путь к знанию как системе обоснованных истин один, через науку, и что именно поскольку она обладает этим единственным путем, с ней придется всегда считаться и от нее отправляться и в других, более притязательных и менее обоснованных областях мышления. И я совершенно не понимаю упрека, который нашел в сборнике, вижу и у Вас, что позитивизм будто бы ведет к индифферентизму и компромиссам. Во-первых, и индифферентизм и компромиссы — произведения житейского обихода и отлично уживаются с каким угодно идеализмом, хотя бы гегелевским³¹, или, даже, кантовским³². А затем, позитивное движение можно упрекать в чем угодно, но ни в теории, ни в практике оно к сдаче моральных позиций не приводит. Именно в эпоху господства позитивизма, эмпиризма и материализма у нас, да и в других местах, выдвигались весьма настоятельно и последовательно освободительные тенденции и среди позитивистов немало людей, которые доказали свою способность не примиряться с нравственным и социальным злом. Теоретически также оппортунизм из позитивизма не вытекает, пот[ому] что положительное знание заставляет считаться не только с наследием старых грехов, но и с запросами настоящего и будущего, а доктрина эволюционизма менее всего соответствует сидению на месте.

А вот в новоявленном идеализме нетрудно усмотреть элементы мистического мирозерцания, которое может унести куда угодно, и которое, раз стать на его точку зрения, предъявит требования относительно Церкви, народа, государства, с которыми трудно будет уладить про-

грессивные идеалы. Вы не опасаетесь за науку или, лучше сказать, за интерес общества к науке, а я опасаясь, пот[ому] что зачем корпеть годы над «мелкими» исследованиями, в которых результаты так мало приближают к бесконечности, когда можно из слов настроить себе всеобъемлющие хоромы, тем более удобные, что их, по желанию, можно всегда и перестроить?

Все-таки жму руку и остаюсь Ваш всегдашний благожелатель

П. Виноградов

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 29—32об.

№ 16

31 Broadwater Down Tunbrige Wells

18 апреля 1904 г.

Дорогой Владимир Иванович,

искренне рад был получить Ваше письмо. Я уже боялся, что Вы меня совсем забыли или поминаете лихом. А между тем я, со своей стороны, особенно хотел бы поддерживать дружеские сношения с Вами и немногими другими бывшими товарищами. Между прочим, давным-давно ничего не слышу от Павла Ивановича. Хоть я и расхожусь во многих взглядах, но очень его люблю и уважаю, и хотел бы также возобновить с ним переписку. Какой теперь его адрес?

Скажу прежде всего кое-что о моих делах. Вступление в Оксфордский университет я понимаю именно в том смысле, какой ему придаете Вы. Пришлось решать вопрос, сидеть ли у моря и ждать погоды в России или около России, или же начать ученую и профессорскую деятельность в такой исключительно удобной и почетной обстановке, которую открыло для меня Оксфордское избрание³³. Поставить вопрос значило решить его. Все у нас на Руси так смутно и неприглядно, что оставаться заграничным туристом или вернуться на родину и скрежетать зубами по поводу своего бессилия ввиду возмутительных беззаконий и глупостей было бы такой непростительной глупостью. О возвращении на «государственную службу» я даже и не говорю: о нем я перестал думать, как скоро окончательно выяснилось распадение карточного домика реформенных начинаний³⁴. Слава Богу, что есть убежище в научной деятельности; да еще такой почетной. Вступительную лекцию я уже прочел неделю назад с большим успехом. На днях начинаю свои первые учебные курсы, один на тему книги, которую понемногу печатаю — о развитии английского земельного права, другой, семинарий, по толкованию римских колонатных надписей³⁵.

Летом собираюсь в Россию, где уже нанял дачу в Гунгербурге близ Нарвы (Луговой проспект, 92, дача [...]а). Вот было бы приятно, если бы Вы собрались меня навестить. Я бы мог Вас пристроить на несколько дней у себя на даче, так как она поместительная. Наговорились бы всласть.

^a Слово неразборчиво.

От английской русофобии я не страдаю, т. к. в хорошем обществе все держатся с большим тактом и сдержанностью. Тяжелы самые факты вроде ужасного потопления «Петропавловска» с Макаровым³⁶ и газетные комментарии к ним. Но фактов этих ни устранить, ни замолчать нельзя. Хорошо уже то, что, по-видимому, вероятность вооруженного столкновения с Англией устраняется.

Тяжело Вам действовать в университете. Конечно, все наши комиссии могли иметь лишь временное и переходное значение. Ведь мы так и говорили, когда учреждали и отстаивали их. Но я оттого и ушел, что понимал, что ничего нельзя добиться путного от современного правительства и что положение в правительственном учреждении, каким в конце концов остается университет, становится беспросветным и невыносимым. То расширение оппозиционных течений, о котором Вы говорите, только временно отвлекает внимание от университетских противоречий. Нельзя точно предсказать момента новых взрывов, но они неизбежны, и боюсь, что следующий крупный взрыв унесет Вас и еще кое-кого из университета. Приготовляйтесь к этому. Дай Бог только, чтобы всем нам не пришлось умереть, не получив возможности поработать для возрождающейся России. А если бы явилась эта возможность, работа будет опасная и трудная, потому что помимо столкновения с умирающим *ancien régime*^a придется бороться и с анархической разнузданностью, которую он посеял.

Ваш П. Виноградов

АРАН. Ф. 518 Оп. 3. Д. 388. Л. 34—39об.

Примечания

¹ *Анучин Дмитрий Николаевич* (1843—1923) — антрополог, географ, этнограф и археолог, с 1884 г. профессор Московского университета, совмещал работу на кафедре географии и этнографии с преподаванием антропологии. С 1896 г. академик, а с 1898 г. почетный член Петербургской АН.

² *Зелинский Николай Дмитриевич* (1861—1953) — химик-органик, с 1893 г. профессор Московского университета по кафедре органической и аналитической химии.

³ *Гамбаров Юрий Степанович* (1850 — после 1925) — правовед, с 1880 г. преподавал в Новороссийском университете, с 1884 г. экстраординарный профессор Московского университета, в 1899 г. был вынужден покинуть университет. (Данные любезно сообщены Д.А.Гутновым, которому хочу выразить свою благодарность. — А.А.)

⁴ *Стороженко Николай Ильич* (1836—1906) — историк западноевропейской литературы, с 1872 г. профессор Московского университета по кафедре истории всеобщей литературы. В 1894—1901 гг. председатель «Общества любителей российской словесности», в 1893—1902 гг. главный библиотекарь Румянцевского музея.

⁵ *Чупров Александр Иванович* (1842—1908) — экономист, публицист, с 1874 г. профессор политической экономики и статистики Московского университета.

^a *Ancien régime* — старый режим (фр.).

⁶ Коллективный ответ был позже опубликован. См.: Совещания, происшедшие в 1899 г. в Московском учебном округе по вопросам о средней школе, в связи с циркуляром г. Министра Народного Просвещения от 8 июля 1899 г. за № 16212. Вып. VI. Ответы профессоров Императорского Московского Университета и Императорского Московского Технического Училища на вопросы, предложенные им о средней школе. М., 1899. С. 2—7 (отд. паг.).

⁷ *Остроумов Алексей Александрович* (1844—1908) — клинист-терапевт, профессор Московского университета по кафедре госпитальной клиники. В 1894 г. организовал сбор подписей профессоров Московского университета под прошением о смягчении участи студентов, высланных из Москвы за участие в беспорядках. Среди 42 подписей было и имя П.Г.Виноградова.

⁸ Текст нужен был Виноградову для подготовки статьи об «университетском вопросе». См.: Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901. Т. V. Кн. 10. С. 537—573.

⁹ Имеется в виду комиссия, созданная профессорским советом Московского университета 28 февраля 1901 г. для расследования причин студенческих волнений.

¹⁰ Через месяц после назначения министром народного просвещения генерал-адъютант П.С.Ванновский посетил Москву, где находился с 25 по 27 апреля (ст. ст.) 1901 г. Во время визита он побывал в Московском университете, о чем Виноградов и просил написать Вернадского.

¹¹ *Умов Николай Алексеевич* (1846—1915) — физик, с 1871 г. преподавал в Новороссийском, а с 1893 г. — в Московском университетах. С 1896 г. профессор по кафедре физики.

¹² *Зернов Дмитрий Николаевич* (1843—1917) — профессор нормальной анатомии Московского университета, возглавлял избранную профессорским советом 28 февраля 1901 г. комиссию для выяснения причин студенческих волнений и мер к упорядочению университетской жизни.

¹³ *Анреп Василий Константинович фон* (1852 — после 1912) — врач, в 1884—1887 гг. профессор судебной медицины, в 1887—1897 гг. профессор Клинического института вел. кн. Елены Павловны в Петербурге, в 1897—1899 гг. попечитель Харьковского учебного округа.

¹⁴ *Багалец Дмитрий Иванович* (1857—1932) — историк, с 1884 г. приват-доцент, а с 1887 г. ординарный профессор Харьковского университета.

¹⁵ *Миклашевский Иван Николаевич* (1858—1901) — экономист, историк, публицист, с 1896 г. и. д. экстраординарного профессора Харьковского университета.

¹⁶ *Гиршман Леонард Леопольдович* (1839—1921) — врач-офтальмолог, с 1895 г. профессор кафедры глазных болезней Харьковского университета.

¹⁷ Имеются в виду 18 вопросов, касающихся университетского устройства, предложенных министром народного просвещения генералом-адъютантом П.С.Ванновским для обсуждения в советах университетов.

¹⁸ 28 октября 1901 г. профессорским советом Московского университета была избрана комиссия по руководству курсовыми совещаниями для обсуждения отношения студентов к статье кн. В.П.Мещерского в «Гражданине». В ее состав вошли: К.А.Андреев, А.А.Бобров, П.Г.Виноградов (выбран председателем на заседании 29 октября), М.В.Духовский, Д.Н.Зернов (вышел из комиссии и был заменен кооптированным в ее состав В.К.Ротом), В.О.Ключевский, А.А.Мануйлов, И.Т.Тарасов, С.Н.Трубецкой, Н.А.Умов, А.Б.Фохт, В.К.Цераский.

¹⁹ См.: Vinogradoff P. Wergeld und Stand // Zeitschrift für Rechtsgeschichte. Weimar, 1902. Bd. XXIII. S. 123—192.

²⁰ Лекции впоследствии были опубликованы: Vinogradoff P. The Reforming Work of the Tzar Alexander II; The Meaning of the Present Development in Russia // Lectures on the History of the Nineteenth Century. Cambridge, 1902. P. 237—276.

²¹ Институт кураторов предполагался «Временными правилами» о студенческих организациях, принятыми 27 августа 1902 г. Суд при Московском университете был создан в соответствии с «Временными правилами» о профессорском дисциплинарном суде, «высочайше утвержденными» 24 августа 1902 г. Критику Виноградовым этих мероприятий Министерства народного просвещения см.: абв [Виноградов П.Г.]. Новые временные правила // Освобождение. 1902. № 8. С. 116—119.

²² *Тарасов И.Т.* — профессор юридического факультета Московского университета. *Кирпичников Александр Иванович* (1845—1903) — историк литературы, профессор Московского университета. Виноградов, по-видимому, имел в виду их сервиллистское поведение во время обсуждения 13 сентября 1901 г. на совете университета в присутствии попечителя Московского учебного округа П.А. Некрасова предложения министра создать профессорскую комиссию для попечения о нуждах студентов. Виноградов тогда критиковал правовую необеспеченность деятельности такой комиссии и указывал, что ее создание при сохранении устава 1884 г. невозможно. Кирпичников, а вслед за ним и Тарасов призывали создать комиссию, чтобы показать студентам, что делаются шаги в направлении реформы университетов.

²³ *Миллер Орест Федорович* (1833—1889) — фольклорист, литературовед, профессор Петербургского университета с 1870 г. Виноградов имел в виду «Студенческое научно-литературное общество» при Петербургском университете, закрытое в 1887 г.

²⁴ *Герье Владимир Иванович* (1837—1919) — историк, профессор всеобщей истории Московского университета, учитель П.Г. Виноградова.

²⁵ Речь идет о статье П.Г. Виноградова «Местное самоуправление в Англии», вышедшей в сборнике «Мелкая земская единица» (СПб., 1902).

²⁶ *Владимирский-Буданов Михаил Флегонтович* (1838—1916) — историк права, с 1875 г. профессор кафедры истории русского права Киевского университета. Под редакцией П.Г. Виноградова и М.Ф. Владимирского-Буданова вышел в свет «Сборник законодательных памятников древнего западноевропейского права» в двух томах (Киев, 1906—1907).

²⁷ *Милль Дж. С.* (1806—1873), английский философ, социолог, экономист; Спенсер Г. (1820—1903), английский философ-позитивист; Конт О. (1798—1857), французский философ-позитивист.

²⁸ Виноградов имел в виду сборник «Проблемы идеализма» под редакцией П. И. Новгородцева (М., 1902). *Новгородцев Павел Иванович* (1866—1924) — правовед, философ, общественный деятель, с 1897 г. приват-доцент, а затем профессор Московского университета по кафедре энциклопедии права.

²⁹ *Соловьев В. М.* (1853—1900) — философ-идеалист, богослов, поэт; *Чичерин Б. Н.* (1828—1904) — юрист, историк, философ и публицист; *Достоевский Ф. М.* (1821—1881) — писатель. Отношение к Вл. Соловьеву и Достоевскому изменилось у Виноградова после революций 1917 г.

³⁰ См.: Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма. С. 1-47; Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Там же. С. 91-136.

³¹ *Гегель Г.В.* (1770—1831) — немецкий философ-идеалист.

³² *Кант И.* (1724—1804) — немецкий философ-идеалист.

³³ Виноградов был избран профессором кафедры сравнительного правоведения Корпус Кристи колледжа 22 декабря 1903 г.

³⁴ О неспособности правительства провести университетскую реформу Виноградов писал вскоре после того, как покинул Россию, в «Освобождении». См.: абв [Виноградов П.Г.]. Что делается и что делать в русских университетах // Освобождение. 1902. № 2. С. 21–23; № 3. С. 39–40.

³⁵ Инаугуральная лекция Виноградова была посвящена Г.Мэну (см.: Vinogradoff P. The Teaching of Sir Henry Maine // Law Quarterly Review. 1904. P. 119–133. Рус. перевод: Виноградов П.Г. Учение сэра Генри Мэна // Научное слово. 1904. Кн. VIII. С. 59–75). В этом же году увидела свет его статья о колонате, подготовленная для международного конгресса историков, на который Павел Гаврилович не смог поехать (см.: Vinogradoff P. Sur quelques Aspects de l'évolution Historique du Colonat // Scienze Storiche: Congresso Internazionale X.Roma, 1904. P. 393–401). Книгу «Growth of the Manor» Виноградов опубликовал в 1905 г.

³⁶ Броненосец «Петропавловск», на борту которого находился главнокомандующий Тихоокеанской эскадрой адмирал С.О.Макаров (1848–1904), взорвался на mine 31 марта 1904 г.

Н.П.Чулков о владельцах Ясной Поляны в XVII—XVIII вв.

Николай Петрович Чулков (1870—1940) — русский историк, труды которого сыграли заметную роль в развитии генеалогии и ее становлении как научной дисциплины. Не менее плодотворно занимался он москвоведением, архивоведением, некрополистикой, краеведением и другими отраслями исторического знания. Научное наследие Н.П.Чулкова в последнее время привлекает все больше внимания, что выражается в посвященных ему исследованиях¹ и в публикации рукописей его трудов².

Почти всю жизнь, около 40 лет, историк прослужил в Московском архиве Министерства юстиции, куда пришел сразу после окончания историко-филологического факультета Московского университета. Благодаря феноменальной памяти, постоянному соприкосновению с богатейшим собранием источников и жажде познания он быстро стал блестящим специалистом по истории и генеалогии дворянства. За эрудицию его высоко ценили в архиве, с 1908 г. Н.П.Чулков возглавлял отделение Литовской метрики, а затем — Разрядно-сенатское отделение. Выйдя в 1930 г. на пенсию, он продолжал научную работу: консультировал, писал статьи, читал лекции по вспомогательным историческим дисциплинам в Историко-архивном институте, в 1938 г. получил звание профессора. Был приглашен В.Д.Бонч-Бруевичем в штат создававшегося Литературного музея³. Служебную и педагогическую деятельность Н.П.Чулков совмещал с работой в многочисленных исторических, библиофильских и краеведческих обществах, в том числе в Историко-родословном, в котором с момента создания занимал должность секретаря и которое возглавлял в самое тяжелое время — с 1920 по 1922 г. Генеалог принимал участие в подготовке «Русского биографического словаря», некрополей и многих иных справочников. В конце 1920-х гг. о нем писали: «В [...] отрасли вспомогательных исторических дисциплин является в настоящее время не только выдающимся, но в отношении генеалогии — первым специалистом»⁴.

Наследие, оставленное историком, невелико (около 90 работ) и исключительно фактологично. Преобладают биографии в справочниках, поколенные рос-

¹ См.: Рыкова О.В. Н.П.Чулков и его генеалогический доклад // Историческая генеалогия. 1993. № 1. С. 87—88; она же. Указатель родословных из фонда Н.П.Чулкова // Там же. № 2. С. 37—41; Мазилкина И. Московские апокрифы // Родина. 1992. № 2. С. 87—88; Наумов О.Н. Геральдика в научном творчестве Н.П.Чулкова // Гербовед. 1996. № 9. С. 138—146; он же. Н.П.Чулков — генеалог, историк, москвовед // Известия Русского генеалогического общества. 1997. Вып. 8. С. 38—44 и др.

² См.: Рыкова О.В. Н.П.Чулков и его генеалогический доклад. С.88—92; Чулков Н.П. Грузины — Нижние // Археографический ежегодник за 1997 г. М., 1997. С. 609—622; Н.П.Чулков о русской генеалогии [в 1905—1915 гг.] // Российский архив. Т. 9. М., 1999. С. 559—573.

³ В Государственном литературном музее находится сейчас основной архивный фонд Н.П.Чулкова (Ф. 230).

⁴ ОРФ ГЛМ. Ф. 230. Д. 333. Л. 1.

писи родов, публикации источников, рецензии. Исследовательских работ мало. Это связано с тем, что Н.П.Чулков писал, в основном, по заказу издателей или редакторов и редко проявлял инициативу, не заботясь о введении в научный оборот того обширнейшего материала, которым располагал. Ценность собранных им сведений подтверждается тем, что до сих пор активно используются сотни дворянских и купеческих родословных, сохранившихся в фонде историка.

Несмотря на фактологичность работ Н.П.Чулкова, можно выделить теоретические и методические принципы, которых он придерживался. Прежде всего, это ориентация на источник, как на мерило истинности любого, даже самого незначительного суждения; и, как следствие, стремление к максимальной точности и достоверности информации. Н.П.Чулков продемонстрировал трудно достижимый образец генеалогической работы, доведя до совершенства позитивистскую модель родословного исследования. Положив в основу своих изысканий проблему достоверности факта, историк смог значительно расширить границы генеалогического исследования, показать роль родословной информации в различных областях знания: в литературоведении, археографии, генетике, краеведении. Одним из первых в России он приступил к изучению купеческих родов. Н.П.Чулков не только устанавливал конкретный факт родства, но рассматривал его в самом широком контексте, на фоне разнообразных процессов и явлений исторической действительности. Поэтому он оказался в числе тех русских историков, которые заложили основы комплексного направления исследований, очень популярного сейчас и называемого историей семьи.

В этом контексте следует рассматривать и публикуемую работу Н.П.Чулкова «Ясная Поляна в XVII и XVIII вв. (Архивная справка)», посвященную, по сути, дворянскому роду Карцовых. Исследование является весьма характерным для творческой манеры историка по полноте и подробности информации, широкому привлечению архивных источников, трепетному отношению к исторической действительности, бережному сохранению мельчайших деталей прошлого. С другой стороны, это одна из редких для него тематических работ, демонстрирующая методические подходы к материалу и опыт по реконструкции истории отдельной семьи. Задавшись целью изучить историю связанного с именем Л.Н.Толстого имения, Н.П.Чулков столкнулся с непростой задачей. Карцовы, владевшие с XVII в. Ясной Поляной, — средний дворянский род, исследованный, как и другие подобные семьи, недостаточно. Однако составить представление о прошлом Ясной Поляны было возможно, только восстановив его генеалогию, поэтому Н.П.Чулков детально описал историю тульской ветви Карцовых, сделал подробный очерк ее землевладения, показал быт, родственные связи, взаимоотношения. Исследование вышло за намеченные тематические рамки и дает представление о многих аспектах истории дворянского сословия в целом. В нем Н.П.Чулков успешно справился с двумя весьма сложными проблемами русской генеалогии. Во-первых, в большинстве случаев он установил матримониальные связи, хотя они часто остаются не проясненными из-за слабого отображения в источниках. Во-вторых, историк обратился к периоду, когда генеалогический учет дворянства в России практически отсутствовал, что создает множество трудностей при изучении родственных связей именно первой половины XVIII в. Однако для Н.П.Чулкова это не стало серьезным препятствием благодаря масштабному, виртуозному использованию архивных источников, в первую очередь — из фондов Вотчинной коллегии, Поместного и Разрядного приказов.

Работа о владельцах Ясной Поляны — классическое исследование по истории семьи, вобравшее лучшие традиции русской генеалогии, особенно ее московского направления, и не утратившее научного значения до сих пор. Оно представ-

ляет интерес для изучения и творческого наследия замечательного ученого, и истории отечественной генеалогии в целом.

В основу статьи положен доклад⁵, сделанный в Обществе истории и древностей российских, действительным членом которого Н.П.Чулков был избран. Поскольку эта организация просуществовала до 1929 г., а текст написан по новой орфографии, то можно предположить, что работа (оригинал ее не датирован) была создана между 1918 и 1929 гг.; вероятно, ближе к первой дате. Это подтверждается случаями использования старого правописания в начале рукописи, а также указанием на подготовку текста к печати. На первом листе имеется карандашная помета, сделанная неизвестным лицом, в которой отмечено количество знаков в статье. Между тем издание «Чтений Общества истории и древности российских», куда могла предназначаться работа, прекратилось в 1918 г.

Исследование печатается по белой рукописи, хранящейся в Отделе рукописных фондов Государственного литературного музея (ОРФ ГЛМ. Ф. 230. Д. 27). Текст написан на одной стороне больших листов тонкой, сильно пожелтевшей бумаги, сложенной пополам. Оставлены широкие поля, но рукопись правлена мало, есть только редкие вставки отдельных слов и фраз, которые при публикации внесены в текст без дополнительных оговорок. Подпись автора находится в конце.

Текст воспроизводится по современной орфографии и пунктуации, но с сохранением характерного правописания некоторых слов; явные описки исправлены. Все дополнения, в том числе и в примечаниях, заключены в квадратные скобки. Постраничные примечания принадлежат Н.П.Чулкову, по мере возможности они исправлены в соответствии с современными правилами библиографического описания. Примечания публикатора даны в конце текста.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук О.Н.НАУМОВ.

Ясная Поляна XVII и XVIII вв. (Архивная справка)

Ясная Поляна по архивным документам становится известной с первой половины XVII века. Она лежит в местности, имевшей в этом веке весьма важное значение в военном отношении. Московское государство, по свойству своих естественных границ, было открыто с юга для вторжения врага и действительно постоянно подвергалось набегам татар. Поэтому оберегание южной границы было одной из важнейших задач московского правительства. В результате мер, принятых им, было создание еще во второй половине XVI века на границе лесной и степной местностей оборонительной линии, тянувшейся с запада на восток южнее Тулы и состоявшей из крепостей, земельных валов, частоколов, надолобов¹ и лесных завалов или засек. Слово «засека» означает засеченный лес; срубленные, но не отделенные до конца от пней деревья валили в беспорядке в лесу, чтобы затруднить неприятелю проход через него. В этой оборонительной линии Тульский край занимал центральное положение: именно здесь пролегал путь из Москвы на юг и юго-запад и по этому пути наступал неприятель. Дорога, проходившая здесь,

⁵ Там же. Л. 1об.; Река времен: Русский провинциальный некрополь. М., 1996. С. 6.

получила название Завитая, а южнее этого вала проходила Малиновая засека (по предположению А. И. Яковлева², она получила такое название от того, что местами была густо покрыта малинником)^а. В середине Малиновой засеки находились укрепленные ворота, получившие название также Малиновых. Они были расположены между двумя полянами: Козловкой на севере и Ясной на юге^б. Таким образом, Ясная Поляна лежала на главном пути с юга на север — Посольской дороге, перед важнейшим в военном отношении пунктом засечной черты — Малиновыми воротами, защищавшими доступ к Туле и далее к Москве, оставаясь на полевой, степной или «польской» стороне. Это была одна из многочисленных полейн, расположенных среди местности, поросшей лесом и кустарником. Находилась она в пределах Засоловского стана Соловского (позднее Крапивенского) уезда и лежала на речке Ясенке^в и Ясенском отвершке. Неизвестно, в какое время здесь образовалось поселение, получившее название тоже Ясной Поляны. В начале XVII в. оно было в поместье за соловьянином (т. е. соловским городовым дворянином) Григорием Ивановым сыном Карцовым, занесенным в боярскую книгу 7137/1628-9 г. В царствование Василья Шуйского³ Карцов находился в Москве и выдержал здесь осаду от неприятеля. Царь Михаил Федорович⁴ пожаловал ему в 7131/1622-3 г. «за московское, что было при царе Василье, осадное сиденье» вотчину из старого его поместья — деревни Ясной Поляны. По писцовой книге Соловского уезда письма и меры Ивана Загряжского и Василья Бурцова 7136-7/1627-9 г. в вотчине Г. И. Карцова и его сына Степана, Ясной Поляне, находились двор вотчинников, т. е. усадьба, 4 людских двора (из них один пустой), 2 двора крестьянских (6 человек крестьян) и 2 двора бобыльских (6 человек бобылей); пашни вотчинниковой, людской и крестьянской было 50 четей в поле, а в дву по тому ж (т. е. 75 наших десятин), сена по овражкам и меж лесов — 50 копен, лес был общий с другими помещиками. Большая часть Ясной Поляны оставалась за Карцовым в поместье, причем взамен земли, отданной им в вотчину, отведена была «новая роспашь, а бывал лес», т. е. дан участок земли, расчищенный от леса. В поместье было 3 двора крестьянских с 8 крестьянами и 4 двора бобыльских с 8 бобылями, пашни крестьянской и бобыльской — доброй земли 60 четей да перелогу 34 чети в поле, а в дву по тому же (следовательно, 141 наша десятина), сена — 50 копен, лес, как и в вотчине, общий с другими по-

^а Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк по истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 31.

^б Описание Малиновых ворот и Малиновой засеки см. в труде Е. Н. Щепкиной «Тульский уезд в XVII веке. Его вид и население по писцовым и переписным книгам» (Чт[ения] Общ[ества] ист[ории] и др[евностей] Росс[ийских]). 1892. Кн. IV. С. XI—XV).

^в В настоящее время ручей, пересыхающий летом.

^г Алфавит[ный] указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 176. Здесь же сведения и о потомках Григория Ивановича Карцова.

мешиками^а. Интересно, что фамилии Зябровых и Худяковых, которые в то время носили многие яснопольские крестьяне, повторяются затем в течение двух столетий. Зябровы существуют и до настоящего времени.

По смерти Григория Ивановича Карцова единственным владельцем Ясной Поляны, поместья и вотчины, остался его сын Степан, перешедший уже из разряда городских дворян в дворяне московские. По переписной книге Соловского уезда князя Петра Шаховского 7141/1632-3 г. за ним были здесь 21 двор крестьянский (67 человек), 10 дворов бобыльских (29 человек) и двор людской (3 человека)^б.

Устроенная около полувека до того засечная черта с течением времени перешла в такое состояние, что не могла, как следует, удовлетворять своему назначению. Между тем произошли события, которые заставляли подумать о необходимости исправить оборонительную линию. После того, как донские казаки овладели Азовом^в, крымские татары произвели в 1637 г. набег на Московское государство и дошли до Новосиля. Можно было ожидать повторения татарского нашествия. Поэтому в 1638 г. решено было правительством произвести работы по приведению в должный вид всей системы укреплений на южной окраине. В числе лиц, работавших по укреплению черты, был и С.Г.Карцов, назначенный засечным головой при воеводе Семене Васильевиче Волынском, которому было поручено исправление Малиновой засеки, близ которой была расположена Ясная Поляна. Из неоднократно производившихся описаний засечной черты видно, что собственно название Ясной присваивалось поляне, не входившей в состав поместья и вотчины Карцова, а от нее перешло и на последние. Поляной этой пользовался из оброка тот же Карцов. В дозорной книге по Туле Дмитрия Овцына и подьячего Семена Матчина 1640 г. даются следующие сведения об Ясной Поляне: «Да с полевую сторону за Малиновыми вороты поляна Ясная^а, а имал де ту полянку на оброге соловленин Степан Карцов из Пушкарсков же приказу, а оброку де платил за тое полянку в государеву казну по осми алтын по две денги, а по смете и по дозору тое полянки будет восм десятин, а в прошлом де во 136-м и во 137-м (т. е. в 1628 и 1629) году стояли на той полянке ратные люди, дрыганы (т. е., вероятно, драгуны)»^г. В засечной дозорной книге Ивана Федоровича Сухотина 1652 г. так определяется ее положение: «Да против Степанова поместья Карцова деревни Ясной Поляны подле государевой заповеди к большой дороге, а косят тое поляну Степановы крестьяне Карцова, а сено на той полянке ставитца копен с полтораста, а отдал тое поляну косить голова Фома Лосминской, а найму взял в государеву казну полтину... А на Ясной Поляне с полской стороны, едучи от Малиновых ворот, на праве

^а Бывший МАМЮ. Писц[овая] кн[ига] 44. Л. 260 об., 197.

^б Там же. Писц[овая] кн[ига] 493. Л. 197.

^в В подлиннике название поляны искажено, но из текста данной книги и сравнения ее с книгами последующих годов видно, что речь идет именно о Ясной Поляне.

^г Писц[овая] кн[ига] 390. Л. 272.

стоят надолобы, и у тех надолоб семь звен згнили... Да против Степановой деревни Карцова Ясной Поляны в государеву засеку Шешка десятины на две до Ясной Поляны, а та Ясная поляна вытолочена лошадми и животиною Степана Карцова, а та поляна назади за надолобы»^а. В такой же книге Максима Яковлевича Шатилова 1659 г. говорится: «Поляна Ясная против Степанова поместья Карцова, по смете сенокосу десятин з десять и болши, а в сыску сказали помесные и переписные сторожи и окольные люди, что на той поляне Степановой деревни Карцова пасут стада конские и животинные многие лета»^б.

С. Г. Карцов был впоследствии городовым воеводой в Бежецке (1659—1662 гг.)^в и Деделове, а в 1668 г. был послан в украинные города для сыска беглых людей и во время исполнения этого поручения провинился, поступая «не по указу великого государя». В чем была его вина, может дать понятие одна из жалоб на него, дошедшая до нас: елецкие дети боярские и посадские люди обвиняли его в «напрасных насилиствах, убытках и имании больших посулов»^г. Вероятно, и в других городах Карцов поступал таким же образом. Вину свою он усугубил тем, что, приехав в Москву, укрывался, не являясь в Разрядный приказ. За такие повинности 29 марта 1668 г. велено было отписать на государя его поместья и вотчины, о чем 16 апреля была послана грамота тульскому воеводе, который должен был привести в исполнение приказ о конфискации имения. Всего за Карцовым было в Соловском и Деделовском уездах, в деревне Ясной Поляне с деревнями и пустошами 959 четей — 639 в поместье и 320 в вотчине, и 44 крестьянских и бобыльских двора.

У Степана Григорьевича было четыре сына: Федор — дворянин московский, Константин — стряпчий, Юрий, тоже дворянин московский, и Архип.

В 1672 г. сыновья Степана Григорьевича били челом о возвращении конфискованных поместья и вотчины отца, причем объяснили, что отец их вовсе не уклонялся от явки в Разряд, а был в то время болен. Только спустя 4 года, 1 ноября 1676 г., Поместный приказ постановил согласно указу и подписной челобитной справить отписные вотчины и поместья С. Г. Карцова за его сыновьями Федором и Константином и вдовами умерших к тому времени Юрья и Архипа с их детьми. Кроме Ясной Поляны Карцову в Соловском уезде принадлежали следующие поместья и вотчины: в Окологородном стану — деревня Переволоки на реке Солове и пустошь, что было село Верхние Пруды, в Засоловском стану — деревня Ягодная, пустошь Бунарево, Волково тож, пустошь, что было село Озерки, и пустошь Деминская, в Псовском стану — деревня Воронки на реке Псовке, жеребей села у Николы на Воронках, пустошь Дикое поле от селища Лискина при яру вверх подле реки Упы (впоследствии деревня Чернецова) и пустошь Лопатина. Все эти владения были разделены

^а Писц[овая] кн[ига] 416. Л. 752—754. Цитата приведена у Яковлева. С. 29.

^б Там же. Л. 722.

^в Опис[ание] док[ументов] и бум[ар] МАМЮ. [Кн.] XV. [М., 1908]. [С.] 343.

^г Там же. [Кн.] XVI. [М., 1910]. [С.] 119.

на четыре части таким образом, что в каждой деревне и пустоши каждая семья имела свою часть. Из переписной книги Соловского уезда 7186/1677-8 г. стольника князя Бориса Львова и подьячего Михаила Шарова видно, что Константин Степанович получил в Ясной Поляне на свой жеребей в поместье 5 дворов крестьянских (41 человек) и 3 двора бобыльских (8 человек) и в вотчине приказчиков двор, 5 крестьянских дворов (39 человек) и 3 двора задворных людей (17 человек), сыновья умершего Юрья Степановича, Иван и Лука, получили в поместье 4 крестьянских двора (27 человек) и столько же бобыльских (8 человек), а в вотчине — 4 двора крестьянских (27 человек), 2 бобыльских (5 человек) и 5 дворов задворных людей (5 человек). Федор Степанович получил на свою долю в поместье 4 двора крестьянских (39 человек) и 3 бобыльских (10 человек), а в вотчине — 4 двора крестьянских (34 человека) и 3 бобыльских (12 человек)^а. 1 января 1691 г. отделена была в Ясной Поляне четвертая часть семье умершего Архипа Степановича, в поместье — 23 чети с осминой пашни и 6 крестьянских дворов и в вотчине — 12 четей с осминой и 6 крестьянских дворов. Впоследствии каждому члену семьи выделялась его законная часть, и на долю каждого приходились самые незначительные участки и небольшое число крестьян. Части эти закладывались и продавались как родственникам, так и чужеродцам, скупались отдельными представителями рода и т. п. В общем, в течение XVIII в. Ясная Поляна находилась во владении множества лиц, имевших то или иное отношение к роду Карцовых, но во второй половине века число совладельцев уменьшается, частью вследствие вымирания рода Карцовых, частью благодаря скупке участков некоторыми из совладельцев.

Проследим теперь судьбу каждой из четырех частей, на которые разбилась Ясная Поляна.

II

Константин Степанович Карцов от брака с Ириной Тимофеевной Олферьевой имел двух сыновей: Василия и Андрея, и двух дочерей: Акулину, вышедшую замуж за Степана Власовича Хомякова, и Устинью, бывшую в первом браке за Григорьем Михайловичем Мининым и во втором — за подполковником Тимофеем Ратмановичем Дуровым. Все они по смерти мужа и отца получили свои части наследства. Сыновья тоже вскоре умерли, Василий, оставив вдову и дочь Домну, а Андрей не оставив потомства, почему его доля была разделена между его сестрами и племянницей. Акулина Константиновна вышла замуж в 1699 г. Муж ее перевел данных ей в приданое яснополянских крестьян в свою деревню Мостовую, частью с хоромным строением и хлебом, частью только их самих. В том же году Хомяков представил от имени своей тещи запись от 17 декабря 1699 г., по которой она берет у зятя 500 рублей на уплату долгов и на пострижение, а взамен уступает ему свое прожиточное поместье в Ясной Поляне и других деревнях и пустошах.

^а Писц[овая] кн[ига] 14244. № 164—166.

Однако когда 20 января 1700 г. Ирина Тимофеевна была по закону допрошена, подтверждает ли она этот факт, то она заявила, что денег у Хомякова не брала и имения своего ему не уступала, так как в это время находилась в Карпове по случаю смерти и похорон своего сына Василья, бывшего там воеводой, на записи же за нее расписался Иван Ивашкин, «ведомый вор и воровской ночной приемщик». Допрошенный в свою очередь Хомяков подтвердил подлинность записи и показал, что теща также взяла с него запись о том, что «ему по смерти ее тем поступным ее поместьем не владеть, как она пострижеца в монастырь, а ему по договору ей всякой припас давать». Дело было рассмотрено в Поместном приказе, где 31 января 1700 г. решено так: поместьем быть по-прежнему за Карцовой, а Хомякову в том поместье отказать, о спорных же записях предоставить им вести дело в Судном приказе.

Более посчастливилось другому зятю Ирины Тимофеевны, Г.М.Минину, очевидно, более любимому. Он происходил из рода, который впоследствии без всякого основания вел себя от Козьмы Минина^а. 1 февраля, т. е. на следующий день после решения вышеупомянутого дела, Ирина Тимофеевна, желая иметь деньги на уплату долгов и на пострижение, продала свою часть во всех имениях Г.М.Минину и племяннику мужа Федору Федоровичу Карцову за 200 рублей. В Ясной Поляне на ее долю приходилось 4 двора (13 душ). Эта продажа вызвала неудовольствие невестки Ирины Тимофеевны — вдовы ее сына Василья Прасковьи Ивановны, рожденной Писемской, которая подала жалобу на то, что свекровь провела все дело, не посоветовавшись с ней, а местный воевода, дружа Ирине Тимофеевне, при отказе купленного имения Минину и Карцову, дал им лучших крестьян, на ее же долю не оставил ни одного жилого двора.

Еще раньше Василий Константинович в 1698 г. заложил из вотчины своего отца долю своему двоюродному брату Луке Юрьевичу 10 четей и 2 крестьянских двора в Ясной Поляне и просрочил, так что они остались за последним, продавшим их в 1702 г. Данилу Колычеву. В 1699 г. он заложил свою часть яснополянской вотчины Федору Афанасьевичу Бахтееву за 100 рублей — 20 четей земли и 5 крестьянских дворов на срок до 14 ноября и просрочил. В 1700 г. Бахтеев бил челом о записи за ним этой вотчины. При разборе дела оказалось, что за Василием Константиновичем такого количества четей земли и крестьянских дворов не имеется: в его вотчине всего 2 чети с осминой и 1 крестьянский двор, а остальное, написанное в закладной, находится в поместье. 27 января вотчина в действительном ее размере была утверждена за Бахтеевым, а поместье (12 четей без полуосмины и 2 крестьянских двора) отданы двоюродным братьям бывшего помещика — Луке Юрьевичу и Федору Федоровичу по их челобитью. Бахтеев не долго владел своей частью Яс-

^а См. Лобанов-Ростовский [А.Б.]. Русская родословная книга. Т. I. [СПб., 1895]. [С.] 386—391; здесь Григорий Михайлович спутан с Григорьем Степановичем, которому приписаны жена и дочери Григорья Михайловича.

ной Поляны, и уже 1 июля того же года продал ее за 37 рублей Г.М.Минину^а.

Как сказано было выше, доля умершего Андрея Константиновича была разделена между его сестрами и племянницей. У.К.Минина получила двор вотчинников с садом, огородом, подгуменниками, дворовым и хоромным строением, повалушей^б с сен[я]ми, людской избой, погребом на погребнице, омшаником⁷ и двором людским, в деревне 2 крестьянских двора (11 душ), 9 четей пашни, А.К.Хомякова — сад, огород, подгуменники с дворовым и хоромным строением, в деревне полтора крестьянских двора (10 душ), пашни 9 четей с осминой, Домна Васильевна — двор с садом, в деревне 4 двора крестьянских (29 душ). В 1708 г. Домна Васильевна вышла замуж за штаб-квартирмистра дома светлейшего князя А.Д.Меншикова⁸ Якова Лукича Сазонова, и в 1709 г. ее имение было справлено за ним. 7 февраля того же года велено было по челобитью Сазонова переделить долю Константина Степановича между всеми совладельцами, т. е. Сазоновым, Ф.Ф.Карцовым, Мининым и вторым мужем вдовы Василья Константиновича Прасковьи, Петром Акинфовичем Даниловым, «вправду, чтоб в том разделе избожжен никто не был». 9 марта 1711 г. верховая девица Аксинья Михайловна Арсеньева^б, свояченица князя Меншикова, была в Поместном приказе челом о записи за ней купленной вотчины и представила купчую, по которой Домна Васильевна Сазонова продала ей 5 марта того же года за 400 рублей свою вотчину с людьми в деревне Ясная Поляна Засоловского стана Соловского уезда и порозжую землю в деревне Воронках Псовского стана того же уезда, с вотчинниковым двором, со всем домашним строением и заводом, пашней — 39 четей с четвериком в поле, а в дву по тому ж, с дворовыми людьми и 6 крестьянскими дворами (12 крестьян, по фамилии Зябровы и Зяблевы, с их женами, детьми, братьями, племянниками и т. п.). Купчая была подписана не самой Сазоновой, а за нее расписался поручик Степан Федорович Кондырев. В тот же день Сазонова была допрошена дьяком Петром Вяземским, продала ли она действительно вотчину, что она и подтвердила; допрос подписал за нее подполковник Никифор Никитич Телегин. 12 марта вотчина была утверждена за Арсеньевой. Многочисленность совладельцев Ясной Поляны и чрезвычайная раздробленность имения при непрерывных продаже и закладе отдельных участков приводила неоднократно к недоразумениям. Мы видим уже, как В.К.Карцов заложил несуществующие в действительности крестьянские дворы. Позднее Лука Юрье-

^а Об одном эпизоде за время владения Мининым Ясной Поляны см. статью К.В.Сивкова «Из прошлого Ясной Поляны» в т. IV «Памятников жизни и творчества Л.Н.Толстого». М., 1923. С. 201—203.

^б Ксения Михайловна Арсеньева, дочь стольника и воеводы Михаила Афанасьевича († 1698 г.), комнатная боярышня царевны Натальи Алексеевны, затем верховая девица, была замужем впоследствии за Дашковым и за Ильей Никифоровичем Колычевым († 1725 г.), по делу Меншикова сослана была в свои вотчины. Сведения как о ней, так и о других Арсеньевых, упоминаемых в деле о продаже ей Ясной Поляны, любезно сообщены В.С.Арсеньевым⁹.

вич Карцов старался доказать, что за его двоюродным братом не осталось в Ясной Поляне ни одной чети, поэтому его наследники получили там свою долю неправильно, и просил выслать из Ясной Поляны людей и крестьян Сазонова, а дворовое и хоромное строение снести. О том же бил челом и Ф.Ф.Карцов. После перехода имения к Арсеньевой Г.М.Минин в челобитной от 5 сентября 1712 г. оспаривал продажу на том же основании, но, по-видимому, его доводы не были признаны правильными. Тогда вместо него выступила его жена, оспаривая продажу Ясной Поляны Арсеньевой уже по другим основаниям.

3 марта 1715 г. У.К.Минина подала в Поместный приказ челобитную, в которой писала следующее: в марте 1711 г. Я.Л.Сазонов, не любя своей жены Домны, насильно постриг ее, а вотчиной ее незаконно завладел; в те числа, когда он постригал жену, в Поместный приказ представлена была на утверждение купчая на продажу Сазоновой вотчины Арсеньевой, причем купчая не была подписана самой Домной. «А племянница, — заявляла Минина, — сама грамоте умеет и пишет, а по великого государя указу и по Уложению, и по примерным делам, которые умеют грамоте и сами пишут, и на их поместья и вотчины явятца какие крепости не за их руками, и те крепости отставливать». Далее она просит признать сделку, совершенную от имени племянницы, недействительной и объясняет, что Арсеньева в действительности и не владеет купленной вотчиной, «ведая то прямо, что у племянницы ее той вотчины не покупывала и денег не даывала». В заключение Минина просила допросить человека Арсеньевой, «который за дела ходит». 5 апреля человек Арсеньевой Петр Ларионов был допрошен и показал: «Вотчиною де Яковлевой жены Домны Васильевой дочери Карцова, на которую явилась на ее имя купчая, в Соловском уезде, деревней Ясной Полянкой да деревней Воронками с людьми и крестьяны она, Ксения Михайловна, не владела и ныне не владеет, и дела ей до той вотчины ныне и впредь нет». 14 мая постановлено было допросить самое Арсеньеву на ее дворе, «для того в поместьях и вотчинах допрашивают самих, а не людей их». Арсеньева была допрошена дьяком Осипом Метлиным и показала, что вотчиной Сазоновой не владела, денег за нее не давала «и ныне тою вотчиною не владеет же и дела ей до той вотчины ныне и впредь нет». Несколько раньше, 6 мая, Минина подала новую челобитную: так как Арсеньева, по показанию ее человека, не владеет вотчиной, в действительности же владеет ею Сазонов, потерявший на нее права с пострижением жены, то она просит отдать Ясную Поляну ей «по близости родства». 27 мая состоялось в Поместном приказе постановление о признании купчей недействительной и о даче Мининой указа на спорную вотчину, а 2 июня послан был подьячий отказывать ей Ясную Поляну. Между тем обнаружилось, что Арсеньева потому не владеет имением, что еще 20 июня 1713 г. она продала его за 370 р. князю Григорью Ивановичу Волконскому^а; 2 июля купчая была явлена в Поместном приказе, вслед за этим Арсеньева была допрошена на своем

^а Князь Григорий Иванович Волконский управлял в это время Тульским оружейным заводом и был сенатором.

дворе тем же дьяком Метлиным, который через два года после этого допрашивал ее по делу Сазоновой. Дело об утверждении имения за Волконским почему-то затянулось, и только 9 января 1716 г., т. е. после того, как была признана недействительной продажа имения Арсеньевой, велено было записать Ясную Поляну за Волконским, «буде спору нет»; 22-го она была за ним справлена. Таким образом Поместный приказ почти в одно и то же время укрепил одно и то же имение за двумя разными лицами. Объяснялось это тем, что обе дачи об одном и том же имении велись различными подьячими: дело Волконского было у Ивана Коротнева, а дело Мининой — у Григория Шурлова. 26 марта 1716 г. Минина просила, чтобы оба дела были «снесены вместе» и чтобы Арсеньева была снова допрошена, но только не дьяком Осипом Метлиным, после чего «тому подлогу неправда будет явна безо всякого розыску»; в заключение она была челом об утверждении вотчины за ней. Дело получило огласку, и вскоре в него вмешались московские провинциал-фискалы Обухов и Ляпин, пославшие 1 июня в Поместный приказ письмо следующего содержания: «Усмотрели де они в Поместном приказе нарядного указом преступника и коварственного разорителя дьяка Осипа Метлина, для чего де они... подлинное дело велели запечатать»; Метлину ставились в вину произведенные им в 1713 и 1715 гг. допросы Арсеньевой, «от чего де является великое повреждение от такова лукавства государственному положенному гражданскому праву и указом преступление, в чем де признавают они, провинциал-фискалы, что оное чиница от судьи с товарищи, понеже таковым преступникам не есть страх, но паче таковым же, как и Метлин, послабление; ныне они, провинциал-фискалы, требуют кратко вопрошения, что же есть ли будет коварничать, то бо и во оном восприимет обличение». На непорядок в Поместном приказе уже давно было обращено внимание Сенатом на основании донесений фискалов, и еще 22 августа 1713 г. указом из Сенатской канцелярии Поместному приказу преподано было наставление о порядке записи поступающих в приказ челобитных во избежание слушаев, подобных делу Арсеньевой. В день получения письма провинциал-фискалов Метлин был допрошен и объяснил, что с его стороны «великого государя указу презрения никакова нет, а по обоим допросам ее (Арсеньеву)... допрашивал он... по разным выпискам для того, что дела были в разных годех у разных подьячих». 13 июня его допросили вторично. На вопрос, почему он не напомнил Арсеньевой в 1715 г. про допрос 1713 г., он ответил: «За прошедшим многим временем и за умножением дел». 19 июня постановлено было снова допросить Арсеньеву и Метлина. Была ли допрошена Арсеньева — неизвестно, но Метлина допросили только 28 августа. В этот день он показал, что Арсеньевой он в лицо не знает, а поэтому не может утверждать, что допрашивал именно ее. Пока в приказе тянулось дело, в Ясной Поляне хозяйничал Волконский совместно с истинным виновником всего дела Сазоновым. Впрочем, какую роль играл в деле Волконский, не видно из документов. Соучастниками Сазонова являются, главным образом, члены рода Арсеньевых, из которого по женской линии происходил и он сам, будучи сыном стольника Луки Юрьевича Сазонова от брака с Пелагеей Федоровной Арсеньевой, приходившейся очень отдаленной теткой Аксинье Ми-

хайловне Арсеньевой. В деле принимали еще участие, подписывая разные документы, Семен Матвеевич и Иван Федорович; последний подписался за Аксинью Михайловну в качестве ее племянника, в действительности же он был ее очень отдаленным родственником, Сазонову же он приходился двоюродным племянником. Таким образом, замечается в них очень сильная родовая солидарность, поддерживаемая, вероятнее всего, родственными отношениями с таким могущественным человеком, как Меншиков. Близость к светлейшему князю способствовала, конечно, безнаказанности Арсеньевых и их родственников.

Выше было указано, что в июне 1715 г. был послан в Ясную Поляну из Поместного приказа подьячий для отказа Мининой присужденной ей вотчины. Она должна была получить там усадьбу с садом, огородом и подгуменниками и 2 чети с осминой пашни, а также дворовых людей и крестьян; кроме того ей следовало отвести 8 четей с полуосминой в Воронках. Когда подьячий явился в Ясную Поляну, то не нашел там ни вотчинного дворового и хоромного строения, ни людей и крестьян, которые подлежали отказу Мининой. По показанию местных крестьян, все это перевез Сазонов к себе в имение на речке Колпне. По прибытии подьячего туда, там оказались яснополянский «двор вотчинников, а в нем дворовое хоромное строение, а в том дворе дворовых людей 5 человек», и 2 1/2 крестьянских двора с 14 душами крестьян. Но кроме того имение Сазонова на Колпне сделалось убежищем для беглых крестьян супругов Мининых. 15 января 1716 г. Минина представила в Поместный приказ беглого крестьянина из имения ее мужа, деревни Кривецкой Чернского уезда, жившего на Колпне (а здесь у него было 3 коровы, 5 ульев пчел, рухляди 2 куска белого сукна по 16 аршин¹⁰ кусок); будучи допрошен, он показал, что у Сазонова живет душ тридцать беглых крестьян обоего пола из той же деревни Кривецкой. 31 июля Минина снова подала челобитную, в которой жаловалась, что Сазонов и Волконский перевезли на пустую землю, принадлежащую Сазонову на речке Колпенке на большой Московской дороге, всех ее крестьян с женами и детьми и со всеми животами, а также помещиков двор, и что здесь Сазонов укрывает дворян, уклоняющихся от службы, и вместе с ними и крестьянами нападает на мининских крестьян, проезжающих мимо или работающих в поле. Между прочим, он напал на обоз Мининой, ехавший в Москву. Поймав одного из грабителей, бывшего яснополянского дворового человека ее мужа, Минина представила его в Поместный приказ. Он подтвердил слова Мининой, но только отрицал свое собственное участие в разбоях Сазонова. 30 августа в приказе постановлено допросить Арсеньеву и Волконского, вотчиной же владеть Мининой «до подлинного розыска», который, по-видимому, и не наступил; по крайней мере, в делах Поместного приказа и Вотчинной коллегии указаний на него не имеется^а.

Минины имели двух дочерей: Аксинью и Татьяну. Обе были замужем дважды, первая — за Михаилом Семеновичем Дурново и ассессором Юстиц-коллегии Афанасьем Силычем Извековым, вторая — за Иваном Афанасьевичем Обресковым и Федором Алексеевичем Беклемишевым.

^а Дела Вотчинной коллегии по Туле старых лет. Кн. 14379. Д. 5.

В 1726 г. У.К.Минина — Дурова сделала своей наследницей в трех четвертях всего имения свою старшую дочь Аксинью Григорьевну, а четвертую часть должен был получить ее второй муж Т.Р.Дуров. Младшая дочь оспаривала завещание матери. Дело кончилось в 1741 г., когда Вотчинная коллегия утвердила наследниками старшую дочь и мужа.

В 1711 г. умерла сестра Мининой А.К.Хомякова, а затем и оба ее сына, Федор — в 1723 г. и Андрей — в 1736 г., не оставив потомства. Права на наследство предъявили муж Хомяков и племянницы Аксинья и Татьяна Григорьевны. Первый получил одну седьмую, последние — шесть седьмых всего имения. Но была еще одна наследница, родная племянница Хомяковой — Домна Васильевна Сазонова, постриженная мужем с именем Дарьи в Никитском монастыре «за непотребное житье и за многие продерзости», но через пять недель удаленная оттуда по причине беременности. Уйдя из монастыря, она вышла сначала замуж за подканцеляриста Тайной канцелярии Данила Леонтьевича Лебедева, а затем, около 1728 г., вступила в неравный брак с Ефремом Ивановым, служебником капитана Семеновского полка Степана Ларионовича Телепнева. Она предъявила свои права на наследство после тетки 12 июля 1745 г., после чего была допрошена в Вотчинной коллегии. В тексте ее первого допроса было написано писцом выражение «после смерти первого мужа». Заметив это, бывшая старица Дарья поспешила исправить ошибку, указав, что Сазонов еще жив и женат третьим браком. Попутно она рассказала историю своего пострижения: «А как я была за оным Яковом Сазоновым, и оный Сазонов жил со мною непорядочно, бил и мучил смертно, и теми своими побоями и мучениями принуждал меня, чтобы постричь, от которых его несносных побои и от страху была я... в то время в великой слабости и беспамятстве, точно исполнила все и с принуждения и по воли его, и через происки его ж, мужа моего, отвезена я была в Москву, в Никитский девичей монастырь для пострижения брюхатая от того мужа своего, в котором монастыре и была я... под началом недель с пять, и как та игуменья усмотрела меня, что я брюхата, и ис того монастыря меня выслала, и по той высылке жила я в доме у матери своей, а потом вышла за другого мужа..., а по смерти его от бедности своей и от такого разорения ныне за третьим мужем». Оспаривая права двоюродной сестры, Мининой подали 31 июля прошение, в котором писали, что бывшая старица Дарья не имеет права на наследство и как монахиня, и как жена боярского человека: «Хотя и была дворянская дочь, но токмо по своим непотребствам природное свое дворянство потеряла и стала быть крестьянка, за чем ей дачи учинить никак не надлежит»; она жила во многих непотребных местах, выходила за многих незаконных замуж, являлась во многих кражах, была в приводах в полиции и Сыскном приказе и неоднократно наказана публично. 22 августа Дарья в ответ на эти обвинения писала, что двоюродные сестры, желая ее изобличить, написали порицание на самих себя, так как, уйдя из монастыря, она жила у своих дяди и тетки, а их родителей, в Москве и деревнях: селе Воскресенском, Сертякино тож, Московского уезда, Ясной Поляне и Кривецкой. «Ежели бы я, — заявляла она, — подлинно в

то время бежала из монастыря, то бы сами[м], зная про тот мой побег, и принимать меня к себе не надлежало, а когда, ведая то мое у них весьма немалое житье, то якобы я жила во многих непотребных местах, а писать и свои дома порицать, по тому же не надлежало. А когда они так сами себя, не сожалея и чести своей и фамилии не храня, написали себе во обличение, и что их дома непотребные или действительно непотребные, и я о том не спорю, только я во время бытности своей в помянутых их домах жила без всякого порока, и непотребностей на себя никаких не имела и ныне не имею». Относительно Дарьи затребована была справка из Московской духовной консистории. По справке оказалось, что в записной книге игуменьи Никитского монастыря Александры Горчаковой за 1711 г. находится следующая запись: «Марта в 26 день в Никитской девич[ий] монастырь дала вкладу старица Дарья Васильева дочь, по сестрице Якова Лукина сына Сазонова, 20 рублей». Допрошены были также старые монахини, которые подтвердили, что года 34 тому назад Дарья была пострижена монастырским духовником игуменом Крестовоздвиженского монастыря Макарием, жила в келье игуменьи месяца с три, а по пострижении отлучилась из кельи, а куда — не знают.

Между тем в конце июня в Ясную Поляну явился канцелярист для отказа доли Хомяковой ее племянницам Извековой и Беклемишевой, за исключением указной части самого Хомякова, но оказалось, что все хомяковские крестьяне сведены из Ясной Поляны в деревню Хомякова Мостовую. Отказчик отправился туда и произвел отказ, 13 июля Хомяков протестовал против его отказных книг «за его учиняемые фалши» и просил прислать другого подьячего для отказа. В свою очередь Извекова и Беклемишева подали 5 августа прошение, в котором оспаривали вообще права Хомякова на имение жены на том основании, что Хомяков для доказательства их представил рядную, а не данную. Почему-то ни Домна Васильевна, ни Хомяков не являлись больше в коллегию. 17 и 18 декабря к ним двукратно посылали солдата с повестками, но оказалось, что и она, и он уехали из Москвы. 16 января 1746 г. состоялось постановление коллегии об утверждении Извековой, Беклемишевой и Хомякова (в указной части). Таким образом почти вся бывшая доля Константина Степановича сосредоточилась в руках Извековой и Беклемишевой. Извекова была бездетна, а Беклемишева от первого брака имела сына Василия Ивановича Обрескова, а от второго — дочь Наталью Федоровну Беклемишеву, вышедшую замуж за секунд-майора, князя Федора Васильевича Урусова¹¹; они и явились наследниками матери. Доля Извековой в Ясной Поляне еще при жизни ее в 1758 г. перешла к жене В.И.Обрескова Анне Федоровне, урожденной Ермоловой, которой тетка заложила имение и просрочила. Княгиня Урусова продала свою часть наследственного имения (в том числе 12 душ в Ясной Поляне) в январе 1775 г. Никите Яковлевичу Хомякову, кроме доли в Ягодной, в 1776 г. была продана в Московском магистрате с аукционного торга за вексельный иск и куплена одним из предков Л.Н.Толстого — князем

Николаем Ивановичем Горчаковым¹². Дальнейший переход доли К.С.Карцова, к сожалению, выяснить не удалось.

III

Доля умершего Юрья Степановича Карцова была отдана его сыновьям от первого брака с Соломонидой Мясоедовой Ивану и Луке и второй жене Авдотье, которая затем вышла вторично замуж за Родиона Рыкунова. Лука Юрьевич, капитан, увеличивший свою долю Ясной Поляны поместьем своего двоюродного брата Василья Константиновича и умерший около 1716 г., оставил малолетних детей Александра, Федора и Ирину. Вдова его Ирина Федоровна, рожденная Замышкая, вышла вторично замуж за подполковника Андрея Ивановича Чаадаева. За выделом указной части вдове и за смертью Александра Лукича все имение сосредоточилось в руках младшего сына — Федора Лукича, за которым в 1717 г. была справлена и доля также умершего дяди его Ивана Юрьевича.

Как в потомстве Константина Степановича Карцова своего рода изгоем явилась его внучка Домна Васильевна, так и в потомстве Юрья Степановича подобная же участь постигла его внучку, дочь Ивана Юрьевича — Авдотью. Как только именьи Ивана Юрьевича было справлено за Федором Лукичем, как в Поместный приказ поступила челобитная жены подьячего Михаила Трофимовича Меньшого, Авдотьи Ивановны. Она заявляла, что в качестве дочери И.Ю.Карцова является его законной наследницей и поэтому именьи его совершенно неправильно справлено за его племянником. В 1718 г. отцовское наследие было утверждено за ней. Но противная сторона решила бороться. Действующим лицом был, конечно, не малолетний Федор, а его родные, во главе которых стоял родственник второго мужа его бабки майор команды генерал-полицмейстера гр[афа] Девиера¹³ Афанасий Семенович Рыкунов. 4 ноября 1719 г. от имени Федора, но за подписью Рыкунова, было подано объяснение по делу с Меньшой: И.Ю.Карцов был с детства безумен, не различал дней и людей, был одержим падучей болезнью, Крюковы без ведома родных женили его на своей свойственнице, которая затем от кого-то блудно прижила дочь. Тут же сообщалось, что Меньшая полученное именьи в Соловском и Дедиловском уездах в размере 80 четвертей передала безденежно ротмистру Степану Савостьяновичу Крюкову. В заключение челобитчик просит, чтобы именьи Меньшой было отписано на государя. В ответной челобитной Меньшая писала: «Отец мой... был не безумен, людей и дни знал, и параличная болезнь его из детства не держала денно и ночью, и служил твои государевы полковые службы многие годы. Также есть ли бы мать моя с отцом жила незаконно и прижила б меня блудно, и в то бы время... мой дядя родной Лука Карцов и другие родственники отца моего в таком непотребстве матери моей не умолчали и во всем бы ее обличили, и при животе отца моего Ивана Юрьевича никакова челобитья и пороку за матерью моею не было, и мать моя была жена добрая и беспорочная и жила с отцом моим законно многие годы, как надлежало хрестьянину, и было у матери моей со отцем моим детей много, братьев и сестер»; после

смерти матери дядя Лука Юрьевич взял ее и братьев ее Левонтья и Владимира и содержал ее до смерти своей в качестве родной племянницы, когда же он умер, то жена его «вымыслом своим» оставила ее в Петербурге, где они жили, а сама уехала в Москву, «хотя наследие ее укрепить детям своим», что ей и удалось путем подлога. Узнав об этом, она была челом в 1718 г. о своем наследственном имении и за ней были справлены 146 четей в Соловском и Дедиловском имении; из них 73 чети она действительно продала Крюкову «для своей скудости и великой нужды». В заключение она была челом, чтобы не верили ложному челобитью родственников и оставили именье за ней. 9 ноября было подано новое челобитье от имени Федора Карцова: действительно, Меньшая жила у его отца, но не по свойству, а «Бога ради», вышла она замуж в Петербурге, не справив за собой имения, поэтому «хотя бы она чело-битчица дяде моему Ивану Карцову была бы и дочь, и по указу вашего царского величества и по Уложению которые вдовы и девки выходят замуж, не бив челом тебе, великому государю, и не справив за собою прожитков своих, и таким вдовам и девкам после замужества поместей и вотчин давать не велено»; не может она получить имения и как жена неслужащего подьячего: «неслужащим поместей и вотчин давать по указу не велено»; сомнительна продажа Меньшой имения за деньги (за 600 или 800 рублей); «в таком малом времени показала такие великие деньги, и на какие нужды ей такие деньги?» Рыкунов кроме того обвинял отца покупателя имения Меньшой и, вероятно, ее родственника по матери Савостьяна Силыча Крюкова в том, что он наехал на деревню Федора Карцова Чернецово и «ограбил грабительски хлеба немалое число», переведя в свою деревню 60 четвертей молоченого и 60 копен немолоченого овса, 60 копен пшеницы, 150 копен ржи и 80 копен ячменя, отчего «не токмо севом запустела земля, но всякая скотина и живность многая перемерла с голоду», а крестьяне пришли «во всеконечное разорение»; все жалобы ландратам в Крапивне и Алексино были безуспешны, потому что алексинский ландрат Крюковым «свойственник ближний и им дружит и норовит»; у крестьян и дворовых не только не приняли челобитной, но били их и грозили им всячески. Жалоба на Крюкова была подана в Юстиц-коллегию, но оттуда передана в Поместный приказ. Крюков просил отсрочить разбирательство дела на том основании, что Военная коллегия послала его на службу. Почему-то дело осталось нерассмотренным, и при ликвидации Вотчинной коллегии в «Московских ведомостях» 1785 г., [в] № 22 появилось объявление с вызовом давно, по всей видимости, умерших тяжущихся; никто, конечно, не явился в годичный срок, и 24 декабря 1786 г. Вотчинный департамент постановил оставить дело «к вечному забвению»^а.

В конце концов претенденткой на всю долю Юрья Степановича с позднейшими прибавками явилась его внучка Ирина Лукинична Карцова, жена лейтенанта морского флота, потом подполковника Максима Федоровича Радилова. В феврале 1755 г. она просила об отказе за ней

^а Дела Вотчинной коллегии по Туле старых лет. Кн. 14306. Дела 36, 45 и 50.

имения деда, отца, матери и брата. За ней, однако, была утверждена только половина всего имения, т. е. часть ее отца, о доле же дяди ее, Ивана Юрьевича, предоставлено право бить челом его дочери, известной уже нам Авдотье Ивановне Меньшой, которая в это время была уже вторично замужем за дворянином Савином Ушаковым. Через двадцать лет после этого Радилова стала распродавать свои имения: она продала одному из совладельцев Ясной Поляны Ивану Борисовичу Крюкову, мужу ее родственницы Авдотьи Алексеевны Карцовой, в 1776 г. свою часть в Вышних Переволоках, Козловка тож, в селе Верхних, Нижних и Средних Прудах и пустоши Деминской и в 1780 г. — в деревне Воронках, в селе у Николы в Воронках, в деревне Любогощи и пустоши Лопатиной. Вероятно, в 1785 г. она умерла, оставив имение до того обремененное долгами, что наследник ее, внук Сергей Игнатьев (собственно, по всей видимости, внук Меньшой-Ушаковой), отказался от наследства. Всего на имении было долгу около 11000 рублей. Кредиторами были Иван Борисович Крюков (на 4000 рублей), княгиня Авдотья Алексеевна Ухтомская, рожденная Карцова (на 2000 рублей), сестра ее Екатерина Алексеевна Теглева (на 500 рублей) и поручик Иван Толбузин (4000 рублей). 6 февраля 1786 г. имение, состоявшее из долей Радиловой в Ясной Поляне, Ягодной и пустошах Веригиной, Гончаровой, Озерках и Бунаревой, было продано с аукционного торга И.Б.Крюкову. В деле о продаже имения сохранилась оценочная опись с подробным перечислением и описанием всего имущества.

Яснополянский дом Радиловой состоял из трех светлиц поземных, жилых, построенных из разного леса, ветхих, двух сеней и кладовой. Первая светлица — столовая, в 5 окон, вторая — спальня, в 4 окна, третья — девичья, в 2 окна. Первые две светлицы — в три сажени каждая, третья — в две сажени¹⁴. Дом крыт тесом. В столовой находилась следующая мебель: 4 стола (круглый липовый с дубовым ящиком, дубовый с ящиком, маленький четырехугольный двуштучный и маленький круглый дубовый) столярной работы, 10 дубовых стульев, обитых шитым разного цвета гарусом¹⁵, 3 дубовых кресла, из коих одно обито пестрядно¹⁶, а два — шитым разных цветов гарусом, и дубовое канапе, обитое таким же гарусом. В спальне стояли 2 липовых четырехугольных стола с дубовыми ящиками, 4 маленьких дубовых стола, из них два покрыты черной клеенкой, маленький круглый липовый стол, дубовое канапе, обитое внутри затрапезной¹⁷ пестрядью, а снаружи кожей, с подушкой пуховой из затрапезной пестряди, дубовая софа с двумя пуховиками в наволочках (одна наволочка из синей набойки¹⁸, другая — из затрапезной пестряди), двумя валиками и двумя пуховыми подушками в наволочках, сосновый поставец¹⁹, выкрашенный черной краской, со створчатыми дверцами, два зеркала в золотых рамах и две дубовые кровати. Столовая была оклеена зелеными бумажными обоями, две остальные комнаты — «дикими». Кроме икон на стенах висели портреты императрицы Анны Иоанновны²⁰ и царевича Павла Петровича²¹ и картины «Сусанна», «Иероним Учитель», «Иосиф Прекрасный» и «Мария Магдалина». Несколько сундуков были наполнены всяким имуществом: в

одном сундуке находились шесть голов сахару, весом в полтора пуда²², куски холста посконного рядного (22 аршина), посконного салфеточного (8 1/2 аршина) и посконного простого (15 1/2 аршина), синей китайки²³ (12 1/2 аршин), сукна голубого русского (39 аршин) и красного (4 аршина)²⁴, черной деланной кожи; другой сундук — сосновый, окованный, заключал в себе платье: два ветхих персеневого салопта²⁵, один — на лисьем меху, другой — на беличем, шушун²⁶ с юбкой, черные гаргуро²⁷, ветхую черную тафтяную исподницу²⁸, кисейный²⁹ салоп, также 4 аршина черной немецкой тафты, а третий сундук, дубовый — куски салфеточного холста и голландского полотна, столовое и носильное белье. Восемь погребцов содержали в себе штофы, частью пустые, частью наполненные напитками. В сарае стояли карета и четырехместная коляска. На скотном дворе были 6 коров, бык, 2 годовых подтелка, 2 телят, 34 баранов и овец русских, 2 козы, 2 аглицкие свиньи, хряк и 4 поросенка, 4 белых свиньи «неублюдков чюцких», 5 боровов и 9 молодых свиней и боровов. Птиц было — 5 старых и 4 молодых гусей, 6 старых и 35 молодых уток, 5 старых и 3 молодых «ниденских кур» и 55 старых и 17 молодых русских кур. На гумне лежали скирда ржи в 60 копен урожая 1783 г. и скирда в 50 копен урожая 1784 г. Сад при доме был небольшой, всего в 30 квадратных сажен, в нем было 17 матерых и 2 молодых яблони. Зато пруд был площадью в 700 квадратных сажен; в нем водились караси. За Радиловой числилось дворовых людей 9 мужчин и 11 женщин, крестьян в Ясной Поляне — 40 мужчин, 31 женщина, в Ягодной — 15 мужчин, 16 женщин. Земли за ней было 34 десятины пашни, 5 десятин господского и крестьянского леса (дуб, липа, осина, береза, клен, ясень) и 2 десятины мелкого дровяного леса; кроме того, в пустоши Веригиной — 22 десятины пашенной земли, 4 — строевого леса и 1 — мелкого дровяного леса, в пустоши Гончаровой — 7 десятин пашенной земли и 5 слегового³⁰ и мелкого дровяного леса с сенокосом, в пустоши Озерках — 12 десятин с осминником пашенной земли и полдесятина санных покосов, в деревне Ягодной — 18 1/2 десятин пашенной земли, в пустоши Бунаревой — 3 осминника пашни, 4 десятины с осминником мелкого леса, кустарника и санных покосов. Все это движимое и недвижимое имущество оценено в 5067 рублей 51 3/4 копейки. Имущество крестьян в оценку не вошло, но перечислено в описи. У крестьян было от 4 до 8 лошадей во дворе, коров большей частью одна и только в двух дворах по две коровы, свиней — от 3 до 8, овец — от 4 до 10, кур — от 7 до 25. На аукцион явились И.Б.Крюков, его пасынок Н.П.Писарев, князь Николай Михайлович Ухтомский и лекарь из дворян Григорий Евтеевич Кузовлев. Имение осталось за Крюковым за 8055 рублей.

Только что упомянутый Кузовлев купил в 1787 г. у отставного капитана Сергея Ивановича Игнатьева недвижимое имение — 70 четей в деревнях Ясной Поляне, Мостовой и Ягодной, доставшееся ему по наследству после родной бабки его — Авдотьи Ивановны Карцовой. Повидимому, эта Авдотья Ивановна — одно лицо с известной нам А.И.Меньшой, по второму браку Ушаковой, так как этот же Игнатьев

является внуком и наследником также И.Л.Радиловой. В 1789 г. Кузовлев начал хлопотать в Тульской палате гражданского суда об утверждении за ним купленного имения. Палата затребовала справку из Вотчинного департамента, по справке же в Вотчинном архиве оказалось, что «за реченными Игнатьевым и Карцовой на оное именье дач не явилось». За Карцовой, конечно, и не могло числиться, так как Авдотья Ивановна носила в замужестве другую фамилию. По-видимому, она не была введена во владенье имением, право на которое за ней было признано Вотчинной коллегией.

IV

Семья Архипа Степановича, получившая его долю, состояла из вдовы Аграфены, сыновей Андрея и Автомона (оба были стряпчими) и дочери Анны. Усадьба этой семьи находилась в Переволоках. Анна Архиповна отказалась от своей доли (2 чети, 1 двор) в пользу братьев.

Андрей Архипович от брака с Матреной Алексеевной оставил единственного сына Алексея и двух дочерей: Наталью, в замужестве Пушину, и Феодосию, жену полковника Максима Михайловича Тимашева. Секунд-майор Алексей Андреевич († 29 января 1745 г.) от первого брака с Дарьей Ивановной оставил двух дочерей: Авдотью и Пелагею; второй брак с Авдотьей Максимовной был бездетен. Авдотья Алексеевна была замужем дважды: за капитаном Петром Никифоровичем Писаревым и за Иваном Борисовичем Крюковым, уже знакомым нам, а Пелагея Алексеевна († 1766 г.) была за Михаилом Федоровичем Патрикеевым. Постепенно Авдотья Алексеевна сосредоточила в своих руках всю часть Андрея Архиповича, сделавшись наследницей после отца, тетки Пушиной и сестры. Муж последней также отказался в 1767 г. в пользу свояченицы от своей законной части, получив взамен дворового человека с женой и 400 рублей, а в 1773 г. уступила ей свою часть и тетка Тимашева. 11 июня 1774 г. Крюкова умерла, оставив от первого брака сына Николая, подпрапорщика Измайловского полка, и от второго брака малолетних детей Павла, Родиона, Феклу и Пульхерию. Отношения между пасынком и вотчимом были недружелюбные. 23 января 1775 г. И.Б.Крюков подал прошение о разделе имения жены между ним и детьми, а 28-го того же месяца — жалобу на пасынка, что тот намеревается продать свою часть из неразделенного еще имения. В свою очередь Писарев просил 4 августа о неразрешении Крюкову раздела имения впредь до совершеннолетия его детей и о назначении к ним опекуна. Однако и это дело, подобно упомянутым выше делам, осталось нерешенным Вотчинной коллегией, в № 36 «Московских ведомостей» 1784 г. напечатано было объявление с вызовом тяжущихся, и вследствие неявки их дело сдано в архив «для вечного забвения». Несмотря на протест, дело о разделе шло своим чередом, и в августе 1775 г. 18 четей в Ясной Поляне были разделены между Крюковыми. И.Б.Крюков, как было сказано выше, приобрел на аукционе часть Ясной Поляны и других деревень, принадлежавших И.Л.Радиловой. Оставив себе землю в

Ясной Поляне, купленную им часть Ягодной и Озерков он продал Кузовлеву, но последний в 1796 г. захватил и наследственную землю Крюкова, вследствие чего возник процесс в Крапивненском уездном суде, а затем в Тульской гражданской палате. Сыновья Ивана Борисовича Крюкова, коллежский советник Павел Иванович и полковник Родион Иванович, владели Ясной Поляной еще в 1808 г.

Автомон Андреевич, умерший в 1706 г., будучи на военной службе, имел от первого брака сына Ивана и дочь Василису, с 1709 г. жену драгуна Петра Ивановича Есенева, и от второго (с Матреной Ивановной Селивановой) сыновей Демида и Афанасия († 1719 г.) и дочь Авдотью († 1715 г.). В 1709 г., по челобитью Василисы, отцовское имение было разделено между наследниками. В 1720 г. Иван Автомонович, прапорщик Вологодского пехотного полка, как старший «в линии» унаследовал доли умерших брата Афанасия и сестры Анны. От своей троюродной сестры Анны Федоровны Карцовой он приобрел ее части в пустоши Диком поле (потом стала деревней Чернецовой) в 1719 г. и в Верхних Переволоках и пустоши Деминской (впоследствии село Спасское, Остафьево тож). Дослужившись до чина подполковника, И.А.Карцов умер 15 февраля 1762 г., оставив от брака с Татьяной Ивановной двух дочерей: Авдотью, жену капитана морского флота князя Михаила Петровича Ухтомского, и Екатерину, жену надворного советника Савина Осиповича Теглева. Вдова отказалась от своей части, и все имение было разделено между дочерьми, но в числе имений, подвергшихся разделу, Ясная Поляна не упоминается. Но вдова Автомона Андреевича Матрена Ивановна, получившая свою вдовью часть во всех деревнях, в том числе и в Ясной Поляне, передала ее по наследству своей родной племяннице Ирине Венедиктовне Селивановой, жене майора Алексея Родионовича Шидловского, а последняя продала свою часть Ясной Поляны и других деревень за 20 рублей в 1763 г. Авдотье Алексеевне Ухтомской. Об этом имении была челом вдова родного внука Матрены Ивановны, Ивана Демидовича Карцова, Прасковья Гавриловна, но Ухтомская оспаривала ее права.

V

Теперь перейдем к рассмотрению судьбы последней четверти Ясной Поляны — доли Федора Степановича Карцова, для нас наиболее интересной, потому что именно эта часть принадлежала Волконским³¹, предкам Л.Н.Толстого.

Федор Степанович умер в 1702 г., оставив вдову Прасковью Тихоновну, сына от первого брака стольника Федора и дочь от второго брака Мавру, в замужестве Сомову. Федор Федорович утвердил за собой имение в 1714 г. Отцовскую долю он увеличил, получив прожиточное имение своей тетки Ирины Тимофеевны Карцовой (совместно с Г.М.Мининым) и часть поместья двоюродного брата Василия Константиновича. Дослужившись до чина майора, Ф.Ф.Карцов умер в 1717 г., оставив вдову Дарью Ильиничну (в первом браке была за Христофором

Кобяковым) и дочь от первого брака Анну, с 1714 г. бывшую замужем за прапорщиком Иваном Тимофеевичем Хомяковым. 4 июня 1718 г. четвертая часть имения была отказана вдове, а три четверти — дочери. Четвертая часть состояла из 9 четей земли, четверти помещикова двора, 7 человек дворовых и деловых людей и 5 крестьянских дворов с 27 крестьянами. Соответственно с этими данными можно представить себе долю Анны Федоровны. В январе 1721 г. Дарья Ильинична объявила своим наследником своего сына от первого брака, прапорщика Вологодского пехотного полка Ивана Христофоровича Кобякова. Сведений о дальнейшей судьбе этой доли найти не удалось.

Анна Федоровна, скоро овдовев, вышла вторично за Родиона Ратиславского, а затем и в третий раз — за капитана Семеновского полка Максима Федоровича Бобоедова. В 1760 г. она заложила свою землю в Ягодной и Бунаревой за 100 рублей своему троюродному брату Ивану Автомоновичу Карцову до 1762 г. и просрочила, а 8 декабря 1760 г. продала коллежскому советнику Сергею Васильевичу Поздееву свое недвижимое имение, доставшееся ей от отца, а именно: сельцо Ясную Поляну, оставшуюся землю в деревне Ягодной и пустоши Кутеповой, что осталось после заклада И.А.Карцову, и деревню Воронки, с людьми и крестьянами, за 2000 рублей. Купчая была представлена Поздеевым на утверждение в марте 1762 г. В числе свидетелей, подписавшихся на купчей, находим таких видных людей, как граф Иван Ларионович Воронцов³², президент Ревизион-коллегии Федор Иванович Кнутов, Иван Андреевич Фон-Визин, отец писателя. Это были, по всей вероятности, знакомые Поздеева. Он служил ассессором в Дворцовой конюшенной канцелярии, в ноябре 1762 г. вышел в отставку с чином статского советника и вскоре (13 февраля 1763 г.) пожалован Екатериной II³³ чином генерал-майора за какую-то важную услугу, оказанную ей («за оказанные, известные нам услуги»)^а. Поздеев в это время покупал много имений и затем перепродавал с выгодой для себя. Также поступил он и с имением, купленным у Бобоедовой; в 1763 г. была продана Ясная Поляна княгине Волконской за 4000 рублей, а в феврале 1764 г. деревня Воронки — Олимпиаде Ивановне Семеновой^б за 2000 рублей, т.е. за ту сумму, за которую он за 4 года до этого купил и Ясную Поляну, и Воронки.

Ясную Поляну, собственно ту часть ее, которая с начала XVIII в. находилась во владении Ф.Ф.Карцова и его дочери, купила княгиня Мария Дмитриевна Волконская, рожденная Чаадаева, бабка матери Льва Николаевича Толстого. Таким образом, во владении его предков Ясная Поляна находилась с 1763 г., а всего Волконские и Толстые владели ей 154 года.

^а Сенатский архив. Т. XI. [СПб., 1904]. [С.]289; Т. XII. [СПб., 1907]. [С.]308.

^б О.И.Семенова некоторое время владела в Москве известным домом на Петровке, который затем принадлежал прадеду Льва Николаевича кн. Д.Ю.Трубецкому (до революции 4-я гимназия).

Приводим полностью акт, положивший начало владению Ясной Поляной Волконскими:

«Лета тысяща шездесять третьяго, маяя в седмый день генерал-майор Сергей Васильев сын Поздеев, в роде своем не последней, продал он Новгородского карабинерного полку полковника князь Сергия княже Федорова сына Волконского жене ево княгине Марье Дмитриевой дочери недвижимое свое имение, которое ему досталось в прошлом тысяща седмьсот шездесятом году по купчей лейб-гвардии Семеновского полку капитана Максима Сергеева сына Бобоедова от жены ево вдовы Анны Федоровой дочери в Крапивенском уезде в Засоловском стану в селце Ясных Полянах крестьян мужеска полу, что за ней, Анною, в подушном окладе положено, з женами их и з детми, з братьями, племянники, со внучаты, и с приемыши, и с новорожденными всеми мужеска и женска полов душами, и со всяким строением, с хлебом и скотом и пожитки, а четвертняя пашни в показанном селце, и в деревне Ягодной оставшейся земли, и в пустоши Кутеповой, что явитца по писцовым книгам и по дачам, с лесы, и с санными покосы, и с пустоши, с прудом и мельницею, и со всеми угоды, и з беглыми крестьяны и с пожилыми и заработными за них денгами, кроме тех дворовых людей, которые отпущены от нее, Анны, на волю, ни единыя души и четвертняя пашни и всяких угодей ни единого четверика, все без остатку. А взял он, Сергей, у нее, княгини Марьи Волконской, за то свое вышеписанное недвижимое имение денег четыре тысячи рублей. А о написании в сей договорной цены вышеобъявленным продавцу и купцу состоявшейся в седмьсот пятдесят втором году июля двадесят девятого числа указ при сем объявлен. К той купчей он, продавец, сам и свидетели: полковник и Военной коллегии член Андрей Егоров сын Фаминцын, секунд-майор Николай Ильин сын Тихменев, генерал-майор Гаврил Петров сын Черепов, коллежский советник Иван Алексеев сын Горчаков, пример-маиор Аникита Александров сын Панин, Санкт-Петербургскаго пехотнаго полку прапорщик Артемей Марков сын Пустошкин, капитан Игнатей Сафронов сын Костомаров, Новоскольскаго лант-милицкаго полку пример-маиор Антоний Алексеев сын Колюбакин, Ярославского пехотного полку капитан Алексей Савин Вареникин, обер-аудитор Александр Федоров сын Башилов, Украинского корпуса Елецкого полку полковник Иван Тиханов сын Мишков, Сыснского приказа прокурор Федор Петров сын Хвошинский, отставной Дмитрий Сергеев сын Тарбеев, прокурор Федор Федорович Радилов, Ладожского пехотного полку прапорщик Семен Акинфиев сын Ростовцев руки приложили. Писал и записал Лев Булгаков. Запрещения нет. На подлинной купчей помета такова: совершить по указу. Секретарь Иван Копнин. Пошлин чырееста рублей, от писма чыре рубли, от записки десять копеек, на расход два рубли две копейки с четвертью принял и совершил Гаврило Булгаков маяя в 7 день. К сей записке кн[я]г[и]ня Марья Волконская руку

приложила. К сей записке генерал-маэор Сергей Васильев сын Поздеев руку приложил и купчую к себе взял того же числа»^а.

Купив в 1763 г. сельцо Ясную Поляну, Волконские оказались не единственными владельцами этого имения; их совладельцами были потомки трех ветвей рода Карцовых: Обресков, княгини Урусова и Ухтомская, Крюковы и купивший имение у Урусовой Н.Я.Хомяков. Крюковы продолжают владеть частью Ясной Поляны и в начале XIX века. Так как впоследствии Толстые владеют одни всей Ясной Поляной, то надо прийти к заключению, что Волконские и их наследники Толстые постепенно скупили все части, принадлежавшие другим владельцам. Постепенный ход объединения Ясной Поляны в одних руках выяснился бы, если бы сохранились купчие. Изучение архивов тульских присутственных мест также могло бы пролить свет на этот вопрос. Что кроме Толстых в Ясной Поляне были и другие владельцы, сохранились воспоминания в семье Льва Николаевича. По словам Сергея Львовича Толстого, он однажды во время прогулки обратил внимание на растущие [в одном месте] кусты смородины. Лев Николаевич объяснил Сергею Львовичу, что здесь некогда была усадьба³⁴ мелкопоместной помещицы (Черкаси-хи³⁵. Никаких других сведений об этой Черкасихе не имеется, и от кого к ней перешла усадьба, неизвестно). Не была ли это та усадьба, которая принадлежала Радиловой, а затем Крюковым, и при которой был маленький фруктовый сад? (Если это та же усадьба, то к Черкасихе она могла перейти только путем купли, а не по наследству, потому что потомство Крюковых хорошо известно)^б.

Н. П. Чулков

ОРФ ГЛМ. Ф. 230. Д. 27. Л. 1—24. Автограф.

Примечания

¹ Надолобы (надолбы) — бревна, столбы, врытые в землю.

² *Яковлев Алексей Иванович* (1878—1951) — советский историк, член-корреспондент АН СССР (с 1929 г.), автор трудов по социально-экономической и военно-политической истории России.

³ *Шуйский Василий Иванович* (1552—1612) — боярин, русский царь в 1606—1610 гг.

^а Юстиц-коллегия. Кн. 400/681. № 462.

^б О Крюковых см.: Чернопяттов В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. XII (XXI). [М., 1915]. Род Крюковых. С. 13, 15, 18. О Ясной Поляне см. дела Вотчинной коллегии по Туле старых лет. Кн. 14270. Д. 50; Кн. 14303; Кн. 14305. Д. 48; Кн. 14306. Д. 36, 45 и 50; Кн. 14310. Д. 138; Кн. 14311. Д. 243; Кн. 14316. Д. 28; Кн. 14379. Д. 5-10; Кн. 14380/31. Д. 51 и Кн. 14382. Д. 48; молодых лет: Кн. 3. Д. 19; Кн. 6. Д. 9; Кн. 7. Д. 13; Кн. 10. Д. 54; Кн. 27. Д. 19; Кн. 28. Д. 4; Кн. 37. Д. 134; Кн. 45. Д. 34; Кн. 56. Д. 1, 21, 22; Кн. 72. Д. 126; Кн. 83. Д. 17; Кн. 92. Д. 40; Кн. 96. Д. 86; Кн. 103. Д. 10, 51; Кн. 111. Д. 18; Кн. 118. Д. 23 (опись яснополянского дома); Кн. 191. Д. 15; Кн. 194. Д. 78, а также копия судебного дела о Ясной Поляне, принадлежащая С.Л.Толстому³⁶.

⁴ *Михаил Федорович* (1596—1645) — русский царь с 1613 г.

⁵ Донские казаки овладели Азовом после двухмесячной осады летом 1637 г. и удерживали его до 1642 г.

⁶ Повалуша — помещение, горница на подклете, предназначенная для различных целей.

⁷ Омшаник (омшара) — либо рубленая постройка хозяйственного назначения, проконопаченная мхом, либо подвал со срубом, проконопаченным мхом.

⁸ *Меншиков Александр Данилович* (1673—1729) — сподвижник Петра I, с 1727 г. генералиссимус, с 1707 г. — светлейший князь, при Екатерине I фактический правитель государства.

⁹ *Арсеньев Василий Сергеевич* (1883—1947) — русский генеалог и историк дворянства, основатель и председатель ученых архивных комиссий в Витебске, Туле и Пскове, с 1915 г. — псковский вице-губернатор, с 1933 г. — в эмиграции.

¹⁰ 16 аршин — более 11,3 м.

¹¹ *Урусов Федор Васильевич* (1727—1793) — князь, председатель Архангельской палаты уголовного суда.

¹² *Горчаков Николай Иванович* (1725—1811) — князь, секунд-майор, прадед Л. Н. Толстого.

¹³ *Девьер Антон Мануилович* (1673—1745) — граф, генерал-аншеф (с 1744 г.), с 1718 г. — генерал-полицмейстер Петербурга, с 1726 г. — сенатор, в 1727 г. арестован и сослан, освобожден в 1743 г.

¹⁴ 3 сажени — более 6 м., 2 сажени — более 4 м.

¹⁵ Гарус — плотная ткань из крученой крашеной пряжи.

¹⁶ Пестрядь — пеньковая, грубая ткань, пестрая или полосатая (чаще — неполосная).

¹⁷ Затрапеза — нитяная, полосатая ткань.

¹⁸ Набойка — полотняная ткань с нанесенным при помощи особых досок узором.

¹⁹ Поставец — невысокий шкаф с полками для посуды и др.

²⁰ *Анна Иоанновна* (1693—1740) — российская императрица с 1730 г.

²¹ *Павел I* (1754—1801) — российский император с 1796 г.

²² 1,5 пуда — более 24 кг.

²³ Китайка — дешевая хлопчатобумажная ткань, первоначально привозившаяся из Китая.

²⁴ 22 аршина — более 15,6 м.; 8,5 аршина — более 6 м.; 15,5 аршина — более 11 м.; 12,5 аршина — около 9 м.; 39 аршин — около 28 м.; 4 аршина — около 3 м.

²⁵ Салоп — верхняя женская одежда в виде широкой, длинной накидки с пелериной и прорезями для рук или небольшими рукавчиками.

²⁶ Шушун — женская одежда, род кофты, телогреи, шубейки.

²⁷ Значение слова установить не удалось.

²⁸ Тафта — гладкая, тонкая шелковая ткань; исподница — нижняя женская юбка.

²⁹ Кисея — легкая ткань.

³⁰ Слеговый лес — мелкий хвойный лес, годный на сляги — жерди, которые клались поперек стропил при строительстве.

³¹ *Князя Волконские* — ветвь черниговских князей, происходящая от Рюрика. Княжна Мария Николаевна *Волконская* (1790—1830) — мать Л. Н. Толстого.

³² *Воронцов Иван Илларионович* (1719—1786) — граф, генерал-поручик и сенатор с 1761 г.

³³ *Екатерина II* (1729—1796) — российская императрица с 1762 г.

³⁴ Сделана карандашная помета: «на выгоне крестьян Ясной Поляны около бывшего пруда» (не рукой Н.П.Чулкова).

³⁵ Слово зачеркнуто карандашом. Скобки поставлены также карандашом.

³⁶ *Толстой Сергей Львович* (1863-1947) — граф, старший сын Л.Н.Толстого, автор книги «Очерки былого».

«...СЧИТАЯ ВАЖНЫМ ОЗНАКОМИТЬ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТОВ»

Документы ГА РФ о представительстве России на
Парижском (1889 г.) конгрессе II Интернационала

Источники, прежде всего архивные, об интернациональной деятельности русских социалистов в конце XIX в. недостаточно выявлены и обобщены. Это вполне объяснимо: в советский период основное внимание уделялось началу XX в. — периоду, ознаменовавшемуся выходом на международную арену большевиков. Причем их деятельность, как самых «правоверных» и «творческих» марксистов, сводилась, главным образом, к борьбе против оппортунизма в России и за рубежом. Международные связи и деятельность других социалистических сил России не привлекали внимания историков. Нам, к примеру, не известно ни одно исследование об интернациональной деятельности социалистов-революционеров, а позднее — эсеров, после их оформления в партию.

Социализм в России не был одноцветным, не был он таковым и в большинстве других стран. Шла идейно-политическая борьба, порой острая, за понимание самой сути социализма, перспектив социалистического движения, особенностей его развития в отдельных странах. Важно иметь в виду, однако, что разные течения социализма не только боролись, но и сотрудничали между собой, в том числе и на международной арене.

В этой связи небезынтересно обращение к истории и опыту II Интернационала, который с 1889 г. и на протяжении всех лет, вплоть до развала в 1914 г., оставался «общим домом» для социалистов, представлявших разные течения. Что касается России, то посланцы обоих основных направлений — социалистско-революционного и социал-демократического — принимали участие в работе этого международного объединения.

II Интернационал, основным организационным звеном которого были международные конгрессы, опирался на национальные движения социалистов, на партии и другие рабочие организации, выступавшие ударной политической силой по претворению в жизнь социалистических установок, идей интернациональной солидарности. Сила нового Интернационала вызревала и крепла на национальной почве. П.Л.Лавров, идеолог русского народничества, ветеран социалистического движения, в речи, произнесенной 14 июня 1898 г. по случаю своего 75-летия, верно подчеркивал: «Международные конгрессы социалистов продолжают собираться и привлекают внимание друзей и врагов, но и те, и другие сознают, что не эти конгрессы представляют главные органы социалистического движения; они лишь констатируют успех или ослабление этого движения; само же оно идет хотя по-прежнему на общей почве социалистических требований, однако преимущественно в каждой стране, особо сообразуясь с насущными требованиями этой страны»¹.

¹ Лавров П. Из рукописей девяностых годов. Издание Союза Русских Социалистов-Революционеров. Женева, Июль 1899. С. 43.

Понятно, что и представительство в Интернационале, участие тех или иных социалистических сил в его деятельности обуславливалось состоянием и тенденциями развития социализма в конкретной стране. Одно из подтверждений тому — представительство России на первом конгрессе II Интернационала (конгресс «объединенных социалистов»), состоявшемся в Париже 14—21 июля 1889 г. Предлагаемые вниманию читателей документы раскрывают отдельные аспекты участия социалистов России в его работе.

Марксистских социал-демократов на конгрессе представлял, как известно, Г.В.Плеханов, мандат которого от революционно-пропагандистской группы «Освобождение труда» был оформлен В.И.Засулич от имени несуществующего «Союза русских социал-демократов». Ему помогал П.Б.Аксельрод, однако он, вопреки встречающимся в литературе сведениям, делегатом не был².

В то время в качестве «центральной фигуры не только парижской эмиграции, но и русской эмиграции всей Европы»³ выступал П.Л.Лавров, который активно интересовался международными делами и поддерживал связи с видными социалистами разных стран. Его хорошо знали как участника Парижской коммуны и I Интернационала (1864—1876 гг.). Тем не менее, первоначально Лавров сдержанно отнесся к возможности участия — как своего, так и других представителей России — в международном конгрессе. Мы не встретим его подписи в первом издании приглашения на конгресс, опубликованном 1 июня 1889 г. в немецкой газете «Der Sozialdemokrat». Объяснение в том, что подготовлявшийся конгресс виделся этому социалисту и революционеру как мероприятие, отражающее уровень развития и проблематику западного социализма. Лавров учитывал специфику России, где, в отличие от Запада, социализм не имел опоры в массовом рабочем движении, которое только зарождалось, где не было еще социалистической рабочей партии. 23 мая 1889 г. он отмечал в письме П.Лафаргу, секретарю Организационной комиссии конгресса: «Для нашей родины еще не наступило время, когда мы могли бы принять участие в великой деятельности организованного пролетариата всех стран»⁴.

Однако отсутствие Лаврова как представителя России на международном форуме социалистов обратило бы на себя внимание и могло быть по-разному истолковано. Тем более, что новое издание приглашения на конгресс подписали члены группы «Освобождение труда» — Г.В.Плеханов, В.И.Засулич и П.Б.Аксельрод (оно было подписано также С.М.Степняком-Кравчинским)⁵. 10 июня П.Лафарг сообщал Ф.Энгельсу: «Русские эмигранты в Париже поручили Лаврову представлять их, но неизвестно согласится ли он: присоединение Веры Засулич и других ввергло их в смятение»⁶. После колебаний, под давлением дру-

² См., например, комментарии в кн.: Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении. Статьи 1885—1903 гг. Л., 1989. С. 231. Определение «участник конгресса», встречающееся в источниках и литературе, нередко приводит к неточностям: кроме делегатов к участникам относят иногда и гостей, и даже присутствовавших из публики. Грешат этим, в частности, документы Департамента полиции.

³ П.Л.Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пг., 1922. С. 470.

⁴ Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями. М., 1974. С. 100.

⁵ См.: Congrès international ouvrier socialiste. Rapport de la Commission d'organisation. Paris, 1889. P. 11.

⁶ Friedrich Engels, Paul et Laura Lafargue. Correspondance. Paris, 1956. T. II. P. 284. Цит. по: Наука и жизнь. 1965. № 7. С. 54.

зей и единомышленников, Лавров решил участвовать в конгрессе, имея в виду использовать его трибуну для разъяснения истории развития социализма в России как весьма специфичного — по сравнению с западноевропейским — по своему содержанию и задачам⁷.

Публикуемые ниже источники извлечены из фонда П.Л.Лаврова (ф. 1762) Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Док. № 1 имеет отношение к полномочиям Лаврова от группы социалистов-революционеров в Цюрихе (правильное название, судя по отчету конгресса: «Общество (касса) социалистических изданий в Цюрихе»). Сам мандат от этой группы в фондах ГА РФ не выявлен, но с уверенностью можно утверждать, что он был идентичным с мандатом Г.Г.Бека (док. №№ 2, 3). Другой документ — письмо группы армянских социалистов в Женеве (док. №№ 4, 5), от нее мандат был представлен конгрессу. Что касается кружка социалистов-революционеров в Берне (док. № 6), то мандат от него не был оформлен или представлен; вероятно, необходимости в дополнительных полномочиях не было. Добавим, что у Лаврова имелись также мандаты от Общества русских рабочих в Париже, редакции газеты «Социалист», единственный номер которой вышел в Париже в июне 1889 г., и от «группы социалистов-революционеров Санкт-Петербурга»⁸. Под группой имеется в виду студенческий кружок во главе с Н.Н.Беляевым и К.Р.Кочаровским, акцент в котором делался на необходимость террора в борьбе с самодержавием.

От России делегатами были также Г.Г.Бек, представивший мандаты от трех групп, разделяющих программу «Народной воли», Я.М.Барский и Л.Миллер (наст. фамилия и имя — Бандас Ефим) от «Союза еврейских ремесленников Нью-Йорка» (кроме России они входили в состав делегации США) и Ф.Кранц, мандат которого от лондонского «Интернационального рабочего образовательного клуба» публикуется в настоящей подборке (док. № 7). Всего Россию на международном конгрессе представляли шесть делегатов, включая Плеханова.

Состав представителей от России достаточно адекватно отражал состояние социалистического движения. В конце 80-х гг. XIX в. в России продолжал еще доминировать народнический социализм в различных модификациях, за рубежом его поддерживали группы русских эмигрантов и студентов, которые и обеспечили большинство голосов Лаврову и приверженцам «Народной воли». Лавров представлял Россию в президиуме конгресса и в комиссии по проверке полномочий делегатов. Вечером 17 июля, на шестом заседании конгресса, он выступил с докладом о положении социализма в России⁹ (уточним: Плеханов не был еще одним

⁷ См.: Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями. С. 105—106.

⁸ См.: Protokoll des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris. Abgehalten vom 14. bis 20. Juli 1889. Nürnberg, 1890. S. 131.

⁹ См.: Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы в двух томах. Т. II: От «Вперед» к Группе старых народовольцев. Dordrecht — Holland [Boston — USA], 1974. С. 227—235. Борис Сапир, подготовивший это издание, сообщает, что «не удалось обнаружить» брошюру отдельного издания доклада Лаврова на французском языке, с которой рукой неизвестного была сделана копия (с. 235). Эту копию Сапир использовал для своего издания. Нам удалось выявить брошюру в фондах Государственной общественно-политической библиотеки (Москва): [Lavrov P.]. Situation du Socialisme en Russie. Rapport lu au Congrès ouvrier socialiste international de Paris le 17 juillet 1889. [Bruxelles]. — 10 p. Вскоре после конгресса Лавров выступил с отчетом о его работе «на собрании русского рабочего общества в Париже» (ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 2. Д. 160. Л. 15—16).

докладчиком, т.к. этого не предусматривал регламент; в порядке исключения ему предоставили возможность выступить с приветственной речью¹⁰).

Публикуемые документы свидетельствуют, что представители России стояли на позициях интернационализма, рассматривали социально-революционную борьбу в России как составную часть международного социалистического движения. Весьма показательно, что в документах речь идет именно об интернациональном конгрессе «объединенных социалистов», ведущие позиции на котором занимали марксисты. В качестве справки укажем, что на другом интернациональном конгрессе, который был организован POSSИБИЛИСТАМИ и заседал на ул. Ланкре, от России как делегат от Клуба социалистических революционных беженцев зарегистрирована была М.Н.Ошанина (под фамилией Полонская)¹¹.

Дополнительных пояснений требует публикуемое письмо Е.Г.Бартеневой П.Л.Лаврову (док. № 8). Главное, что оно подтверждает попытку участия Барте-невой (под фамилией Артенева) в конгрессе как делегата с полномочиями из Рос-сии, от петербургской группы социал-демократической ориентации, известной в истории как «брусневская»¹² (хотя сам М.И.Бруснев начал работать в ней не-сколько позднее, с осени 1889 г.). Делегатом Бартенева не стала и, несомненно, не по «недоразумению», об обстоятельствах которого говорится в письме. Можно было «закрыть глаза» на то, что в мандате вместо подписей, по соображениям конспирации, стояли «крестики», и на то, что мандат своевременно не был пред-ставлен для проверки другим делегатам от России. Важнее, на наш взгляд, иное. Участие Бартеновой поставило бы в двусмысленное положение других делегатов. Ведь именно Бартенева стала бы *единственным* делегатом, непосредственно пред-ставляющим рабочих России. Допустить такую ситуацию никто не желал, в том числе, а точнее сказать, в первую очередь, сам адресат письма — Лавров. Тем не менее, на конгрессе Бартенева присутствовала, более того — ее привлекли к ра-боте секретариата¹³.

Документы публикуются по современным правилам правописания, с сохране-нием стилистических особенностей оригиналов, исправлены только явные ошибки. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Сведения об отдельных лицах, упо-минаемых в документах, не установлены. Переводы с французского (док. №№ 2, 3) и английского языков (док. № 4) выполнены автором публикации.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук А.Н.СВАЛОВ.

¹⁰ Речь Плеханова известна в двух вариантах (см.: Плеханов Г.В. Сочинения. Т. IV. С. 53—54; Т. XXIV. С. 319—320).

¹¹ См.: Names of delegates attending the International Workman's Congress, held in Paris, July 15—20, 1889. London—Manchester, 1889.

¹² См.: Жуйков Г.С. Новое в деятельности Русской секции I Интернациона-ла. // История СССР. 1964. № 4. С. 89—90.

¹³ «Секретарство я приняла с удовольствием, так как оно давало мне возмож-ность близко изучить ход дела и ознакомиться с содержанием документов, кото-рые по обширности своей не могли быть прочитаны на конгрессе» (Цит. по: Книжник-Ветров И. Е.Г.Бартенева — социалистка и писательница // Каторга и ссылка. 1929. Т. 11 (60). С. 53).

№ 1

Группа социалистов-революционеров в Цюрихе — П.Л.Лаврову¹

Цюрих

5 июля [18]89 г.

Многоуважаемый Петр Лаврович.

Признавая необходимым представительство от русских социалистов-революционеров на интернациональном конгрессе рабочих, в виду известного значения последнего для русского социально-революционного движения, и считая важным ознакомить западноевропейских социалистов как с общественно-экономическим и политическим состоянием России, так и с положением русского революционного движения в ней, небольшая группа лиц, собравшаяся здесь 4-го июля [18]89 г., разделяющих программу партии «Народной воли»² и желающих, чтобы, кроме вышеуказанного выяснения положения России и социально-революционного движения в ней вообще, было также должным образом освещено на конгрессе значение этой партии для России, ее деятельность, ее славное прошлое, единогласно решила просить Вас, Петр Лаврович, быть представителем ее на интерн[ациональном] конгрессе рабочих, созываемом марксистами и бланкистами в Париже³. Посылаем требуемые для этого мандаты и покорнейше просим передать таковые же гг. Рубановичу⁴ и Беку⁵ вместе с нашей просьбой быть на конгрессе.

Председатель собрания *М.П.Поробич*

Адрес: Zürich

Universitatstrasse 79. Frau Hasler L.B.

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 550. Л. 1—1об. Подлинник. Рукопись.

№ 2

Мандат Г.Г.Бека⁶

Цюрих

4 июля 1889 г.

Собрание русских революционеров-социалистов Цюриха, разделяющих программу партии «Народная воля», назначает гражданина Г.Бека своим представителем на интернациональный конгресс рабочих в Париже, созываемый конгрессами Бордо⁶ и Труа⁷. — Посылая его как своего делегата, оно поручает ему представить конгрессу доклад о положении русской социалистической революционной партии, а также передать наши поздравления и пожелания, чтобы дебаты были плодотворными и служили процветанию рабочих.

За собрание

Председатель *М.П.Поробич*Секретарь⁶

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 639. Л. 1. Подлинник. Рукопись. Пер. с фр. яз.

¹ Аналогичный мандат был выдан И.А.Рубановичу (ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 647. Л. 1).

⁶ Подпись неразборчива.

№ 3
Мандат Г.Г.Бека

Цюрих

4 июля 1889 г.

Собрание русских социалистов-революционеров, разделяющих программу партии «Народная воля», делегирует гражданина Г.Бека с мандатом присутствовать на международном рабочем социалистическом конгрессе, созываемом конгрессами в Бордо и Труа.

За собрание

Председатель *М.П.Поробич*Секретарь^а

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 639. Л. 2. Подлинник. Рукопись. Пер. с фр. яз.

№ 4
Армянская социалистическая группа — П.Л.Лаврову

Многоуважаемый Учитель Петр Лаврович!

Женева

5 июля [18]89 г.

Желая, чтобы «Народная воля» была представлена на Интернациональном конгрессе социалистов в Париже, группа армянских социалистов-революционеров в Женеве обращается к Вам, как к талантливейшему выразителю русского социализма и критику русской действительности, с просьбою взять на себя вышеобозначенное представительство.

Ваше слово и Ваше присутствие на конгрессе лучший залог того, что русское социально-революционное дело будет занимать ему достойное место среди всех остальных.

Славное прошлое «Народной воли» может быть ярко представлено лишь в лице Вашем.

Надеюсь, что наше приглашение не будет отвергнуто Вами, просим принять наше глубочайшее уважение.

За группу

А.Акнаркиян

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 521. Л. 1—2. Подлинник. Рукопись (на л. 3 — текст письма на фр. яз.).

№ 5
Резолюция армянской социалистической группы в Женеве

Женева

5 июля [18]89 г.

В ответ на приглашение группы народовольцев высказаться о представительстве «Народной воли» на Интернациональном конгрессе со-

^а Подпись неразборчива.

циалистов в Париже, Женевская армянская социалистическая группа решила: Обратиться с просьбой к Г.Беку взять на себя представительство «Народной воли» на вышеобозначенном конгрессе, а именно на генеральном, только таковой считая истинно социалистическим и могущим выполнить взятую на себя роль.

За группу

А.Акнаркиян

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 639. Л. 3—4. Подлинник. Рукопись (на л. 4 — текст резолюции на фр. яз.).

№ 6

Кружок социалистов-революционеров в Берне — П.Л.Лаврову

Берн

7 июля 1889 г.

Дорогой Петр Лаврович!

3 июля 1889 г. состоялось собрание Бернского кружка русских социалистов-революционеров, на котором решили обратиться к Вам с просьбой принять наш мандат и быть на Парижском Интернациональном конгрессе социалистов представителем мнений этого кружка, сочувствующего программе «Народной воли» и согласного с деятельностью ее. Мы присоединяем и свой голос к мнению о необходимости и важности присутствия на конгрессе представителей, говорящих от имени «Народной воли». При этом мы прилагаем, кроме мандата, еще один бланк за подписью тех же лиц^а в виду следующих соображений.

Нам желательно выразить в мандате: во-1-х, свое сочувствие созванному Интернациональному конгрессу; во-2-х, мы хотели бы, чтобы был прочитан Вами на конгрессе рапорт^б о современном состоянии социально-революционного движения в России и, в-3-х, чтобы было выяснено при этом, в виду событий последних годов, положение русских политических ссыльных и заключенных.

Но, так как в здешнем русском кружке не нашлось людей, владеющих русским языком настолько, чтобы составить мандат со всеми желательными пунктами, то мы и обращаемся к Вам с просьбой взять на себя труд составления мандата.

Надеемся, что Вы не откажете быть представителем и от нашего кружка.

Остаемся с искренним уважением.

За кружок

Секретарь *Е. Садило*

(P.S. Настоящая фамилия президента Г.Поликер).

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 522. Л. 1—2.

^а Бланк в деле отсутствует.

^б Так в тексте.

№ 7
Мандат Ф.Крантца⁸

Лондон

10 июля 1889 г.

Мандат

Гражданин Филипп Крантц, сочинитель, до последнего времени издатель социалистического еврейского еженедельника «Друг рабочего», избран членами Интернационального рабочего образовательного клуба, — 40, Бернер стрит, Коммершиал роуд, Лондон, Е., основанного в 1885 г. и насчитывающего 153 члена, в основном еврейских рабочих русского происхождения, для представительства их на марксистском Международном социалистическом рабочем конгрессе в Париже согласно следующему наставлению.

1. Требовать объединения обоих конгрессов, марксистского и поссибилистского⁹, для того, чтобы голос большой Ассамблеи труда был важным и представительным, каковым он и должен быть, чтобы наш общий противник — капиталистический класс — не мог радоваться нашим внутренним раздорам, чтобы он видел, что все мы имеем одну общую цель, а именно, разрушение существующего общества путем классовой борьбы и социальной революции.

2. Действовать и голосовать в соответствии с принципами революционного социализма.

3. Представить полный отчет о работе и резолюциях конгресса.

Секретарь

Комитет

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 642. Л. 1. Подлинник. Рукопись. Пер. с англ. яз.

№ 8
Е.Г.Бартенева¹⁰ — П.Л.Лаврову

Rue Frevise, 16 [Париж]

18 июля 1889 г.

Многоуважаемый Петр Лаврович.

Я давно уже хотела объяснитьсь с Вами по поводу происшествия с моим мандатом, но, полагаю, что это и теперь не лишне. Не думаю, что я ошиблась, предположив во время конгресса, что недоброжелательство со стороны некоторых русских существует относительно меня. На чем оно основано — не знаю. Может быть, и на недоразумении, тем лучше, потому что в таком случае недоразумение может быть и устранено.

В левом углу документа — овальная печать: «International Workingmen's Education Club, 40, Berner Street. Commercial Road. London, E.».

Подпись неразборчива.

Подписи неразборчивы.

Признаюсь, то, что Вы сказали мне в ту пору о замышлявшемся скандале, убедило меня, что объяснения при таких условиях и таком настроении, неизвестных мне к тому же людей, более чем излишни. Поэтому-то я и не начала никаких переговоров и не просила Вас познакомиться меня с людьми, питавшими такие яростные чувства ко мне, человеку им незнакомому.

Прежде всего скажу Вам, что мне было неизвестно, что полномочия делегатов должны были проверяться по национальностям. Если бы это было мне известно, то я бы присутствовала на заседании, на котором это было решено, само собою разумеется, что я обратилась бы к русской группе и, может быть, сумела бы вызвать к себе доверие. Мало того, может быть эта группа, если только она дорожит целесообразными конспиративными действиями, оценила бы тот способ, на основании которого я действовала в России при собирании подписей и который вполне ограждая рабочих, мог компрометировать меня одну.

Но, повторяю, я не знала о способе проверки, а комитет, допуская мое полномочие, сам забыл о своем постановлении. Я никогда не захотела бы пользоваться привилегией, хотя бы основанной на том обстоятельстве, что в комитете конгресса были люди, которые знают меня как социалистку, и притом именно их оттенка, в течение двадцати лет.

Я отказалась от слова, потому что меня просил о том комитет, потому что не хотела вредить своим, русским, вызвав нежелательный инцидент, который к тому же мог только порадовать реакционеров.

Уверенность в правоте моего дела дала мне возможность спокойно отнестись к положению, в которое я была поставлена. Поправить самое дело, то есть высказать от имени русской рабочей группы ее солидарность с воззрениями конгресса и ее *profession de foi*^a, было уже поздно.

Замечу, кстати, что впервые услышали бы на международном рабочем конгрессе голос русских рабочих, что в течении нескольких месяцев собирались подписи, велись переговоры и, наконец, одобрена была программа, написанная мною и моими товарищами в России, одобренная и отчасти измененная той рабочей группой, в которой мы встречали полное сочувствие.

Правда, мне пришлось бы явиться представительницей только 53-х рабочих. Но, скажу по совести, я горжусь этим более, чем если бы мне пришлось быть делегаткой от нескольких тысяч фантастических существ, которые нашли себе представителей в лице некоторых пылких и одаренных сильным воображением итальянцев.

Нахожу излишним писать свой собственный формуляр и излагать копию права моего на представительство. Люди, которые знают меня, нисколько не сомневаются в том, что человек, в течении двадцати лет остававшийся верным лозунгу Международного общества рабочих, распространявший идеи, положенные в его основу, и узнавший что-то случайно, имеет право, после двадцати лет работы, являться представителем того, чему служил всю свою жизнь.

^a Здесь: платформа (фр. яз.).

Однако, приехав в Париж, я вовсе и не думала о собственной делегации. В России я предложила Лафарга¹¹, как известного марксиста и человека, брошюры которого, популяризирующие учение Маркса¹², читаются рабочими, благодаря русскому литографированному изданию, сделанному в Петербурге. Кандидатура его была принята. Затем я уехала из России и я [до] последней минуты не получала ответа о судьбе той profession de foi, на основании которой должны были собираться подписи. В день второго заседания конгресса я получила ответ и сообщила его содержание комитету конгресса. Повторяю, дело шло не о моей делегации. Но комитет, зная, что работала я, нашел весьма существенным, чтобы вместе с Лафаргом и я являлась представительницей означенной группы. Зная положение вещей в России, я не нашла нужным отказываться. Я сказала бы правду, говорила бы со знанием дела и совершенно уверена, что моя речь нашла бы горячий отклик в сердцах западных рабочих, в среде которых я постоянно жила и с которыми давно сроднилась душою.

Я не пришла на банкет конгресса, потому что враждебность тех русских, о которых Вы мне говорили, могла проявиться в каком-нибудь нежелательном инциденте. Я не хотела портить праздника и провела этот день в обществе рабочих, которые, несмотря на то, что участвовали в трудах конгресса, тоже не пошли на банкеты ни этого, ни другого конгресса.

Теперь, собираясь уезжать в Россию, я хотела сказать Вам все это, многоуважаемый Петр Лаврович, и, если Вы найдете удобным, передайте все это своим товарищам и пусть они сами рассудят, хорошо ли они поступили.

Я же, со своей стороны, желала бы, насколько возможно, не отдаляться от своих и не плодить раздоров. Решите сами, в какой форме может быть улажено это дело, а я предоставляю себя в Ваше распоряжение, вполне рассчитывая на Вашу справедливость.

Скажите прямо, считаете ли Вы меня своею, да или нет.

Надеюсь, что из всего сказанного мною достаточно выясняются побуждения, которые мною руководят, а также и то, что я ставлю далеко не на первый план вопросы личной жизни и самолюбия, которые всегда умела подчинять интересам высшего порядка, работая и мало заботясь о собственной славе.

С истинным уважением и преданностью,

Ваша Е. Бартенева

ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 24. Л. 1—4. Подлинник. Рукопись.

Примечания

¹ *Лавров П. Л.* (1823—1900) — философ и публицист, один из идеологов революционного народничества. С 1870 г. в эмиграции, принимал участие в Парижской коммуне и деятельности I Интернационала (Международное Товарищество рабочих). Применительно ко II Интернационалу, лично участвовал только в работе Парижского конгресса в 1889 г., однако с большим вниманием относился к последующим конгрессам, неизменно подчеркивая при этом специфику российского социалистического движения.

² «Народная воля» — одна из крупнейших организаций революционного народничества. Возникла в 1879 г. Выдвигала задачи демократического и собственно социалистического характера. Признавала необходимость политической борьбы с самодержавием, важнейшим ее средством считала террор.

³ Вокруг созыва и подготовки международного конгресса рабочих и социалистов развернулась острая борьба. В ноябре 1888 г. Лондонский интернациональный конгресс профсоюзов предложил созвать международный рабочий социалистический конгресс французским POSSИБИЛИСТАМ (от франц. *possible* — возможный). При его организации POSSИБИЛИСТЫ — сторонники «политики возможного» в социалистическом движении, пользуясь поддержкой английских тред-юнионов, стремились оттеснить своих соперников — марксистов, особенно французских гедистов, и провести предстоящий международный форум под знаком реформизма. Для того, чтобы нейтрализовать активность реформистов по предложению В.Либкнехта в феврале 1889 г. в Гааге была организована международная конференция по подготовке конгресса. На нее, однако, POSSИБИЛИСТЫ не явились, а принятые решения фактически отклонили. В результате стали готовиться два интернациональных конгресса: один — «марксистами и бланкистами», другой — POSSИБИЛИСТАМИ.

⁴ *Рубанович И.А.* (1859—1922) — народоволец, в 1882 г. эмигрировал во Францию. Поддерживал связи с социалистами и социал-демократами разных стран, разделял некоторые марксистские установки. После образования партии эсеров был ее зарубежным представителем. С 1904 г. делегат от эсеров в Международном социалистическом бюро II Интернационала.

⁵ *Бек Г.Г.* (1860—?) — народоволец. Выехал за границу по паспорту, выданному в августе 1885 г., принадлежал к народвольческой части эмиграции. После известного инцидента — взрыва бомбы при опытах А.И.Дембского и И.В.Дембо (22 февраля 1889 г.), был выслан из Швейцарии, с мая 1889 г. проживал в Париже.

⁶ Речь идет о конгрессе французской Национальной федерации синдикатов в Бордо (октябрь 1888 г.), который по инициативе марксистов принял решение созвать во время всемирной выставки 1889 г. в Париже международный конгресс с участием как профсоюзов, так и социалистических партий. Именно в противовес решениям конгресса в Бордо международный конгресс профсоюзов в Лондоне предложил организовать конгресс французским POSSИБИЛИСТАМ.

⁷ Речь идет о конгрессе французских социалистов в Труа (декабрь 1888 г.), на котором были подтверждены решения, принятые в Бордо о созыве международного конгресса летом 1889 г. и создана Организационная комиссия по его подготовке.

⁸ *Кранц Ф.* (наст. фамилия и имя — *Ромбро Яков*) (1858—1922) — литератор и еврейский социалистический деятель. Учился в Технологическом институте в Петербурге, был связан с народвольцами, скрылся из России в 1881 г. Вначале проживал в Париже, потом перебрался в Англию. Вскоре после Парижского конгресса переехал в США.

⁹ Международный рабочий (POSSИБИЛИСТСКИЙ) конгресс работал с 15 по 20 июля 1889 г. Договориться о слиянии двух конгрессов — «объединенных социалистов» и POSSИБИЛИСТСКОГО так и не удалось.

¹⁰ *Бартенева* (урожд. *Бронеvская*) *Е.Г.* (1843—1914). — социалистка. Участвовала в деятельности I Интернационала, была близко знакома с П.Л.Лавровым. После возвращения летом 1871 г. в Россию поддерживала связи с народническими кругами, особенно народвольцами. В то же время интересовалась марксизмом. В 1889 г. дважды выезжала в Париж, в том числе для освещения в русской печати работы Всемирной промышленной выставки. Об участии в Париж-

ском конгрессе дала показания в ходе полицейского дознания в 1890—1891 гг. По свидетельству Бартеневой петербургская группа оформила мандаты на нее и на П.Лафарга.

¹¹ *Лафарг П.* (1842—1911) — деятель французского рабочего и социалистического движения, марксист, участник I Интернационала. В 1889 г., как секретарь Рабочей партии Франции и секретарь Организационной комиссии, активно участвовал в подготовке Парижского конгресса II Интернационала.

¹² *Маркс К.* (1818—1883) — немецкий экономист и философ, основоположник революционной теории о неизбежности гибели капитализма. Ведущую роль в революционных преобразованиях отводил рабочему классу.

ВОСПОМИНАНИЯ Н.Н.ПОКРОВСКОГО О КОМИТЕТЕ МИНИСТРОВ В 90-Е ГГ. XIX В.

История Комитета министров XIX—начала XX вв. продолжает оставаться темой недостаточно изученной в исторической литературе. Общая историография этого вопроса составляет считанное количество научных исследований¹. Деятельность Комитета министров в период 90-х гг. XIX в. вообще отражена только в одном дореволюционном и одном советском специальном исследовании². Что же касается опубликованных мемуаров, посвященных внутреннему механизму деятельности Комитета министров, то в настоящий момент можно выделить лишь один такой источник — записку М.А.Корфа³ о Комитете министров в 1831—1834 гг.⁴. Публикуемые ниже воспоминания Н.Н.Покровского⁵, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в научно-исследовательском плане продолжают записку М.А.Корфа, рассматривая Комитет министров и его канцелярию в 90-е гг. XIX в.

¹ См.: Куломзин А.Н. Исторический очерк учреждения Комитета министров и изменений в его организации, пределах власти и составе с 8 сентября 1802 г. по 1826 г. // Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802—1826. Т. 1. СПб., 1888. С. 1—31; Ермолов А. Комитет министров. Царствование Александра I. СПб., 1891; Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1—5. СПб., 1902; Лемке М.К. Комитет министров за полвека // Вестник права. 1902. Кн. 9—10. С. 211—251; его же. Комитет министров при Александре II // Там же. 1903. Кн. 1. С. 105—136 (Статьи Лемке представляют собой критические обзоры 1-3-го томов издания С.М.Середонина); Тельберг Г.Г. Происхождение Комитета министров в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 3. С. 38—62; Ремнев А.В. Комитет министров в системе высших государственных учреждений царской России (1861—1906). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1986.

² См.: Середонин С.М. Указ. соч. Т. 4—5; Ремнев А.В. Указ. соч. С. 79—81; 103—109; 157—162.

³ Корф Модест Андреевич (1800—1876) — барон, управляющий делами Комитета министров в 1831—1834 гг., государственный секретарь в 1834—1843 гг., главноуправляющий II отделением Собственной его императорского величества канцелярии в 1861—1864 гг., председатель Департамента законов Государственного совета в 1864—1872 гг.

⁴ См.: Мироненко С.В. Записка М.А.Корфа о Комитете министров в 1831—1834 годах // Советские архивы. 1976. № 5. С. 59—62.

⁵ Покровский Николай Николаевич (1865—1930) — в 1893—1899 гг. чиновник канцелярии Комитета министров. Государственный контролер в январе—ноябре 1916 г. Министр иностранных дел с ноября 1916 по февраль 1917 г.

Н.Н.Покровский, как и М.А.Корф, был чиновником канцелярии Комитета министров, пройдя путь от помощника начальника отделения до исполняющего обязанности помощника управляющего делами Комитета министров, и потому сведения, приводимые им, содержат информацию как бы изнутри канцелярии Комитета министров, а значит, и изнутри Комитета министров в целом. Эти воспоминания выходят далеко за рамки характеристики только деятельности канцелярии Комитета министров. В них рассматривается деятельность всего Комитета министров, дается оценка отдельным председателям Комитета министров и его членам, рассказывается о важных исторических событиях 90-х гг. XIX в. При этом воспоминания Н.Н.Покровского доносят до нас и специфические черты личности некоторых политических деятелей того времени: характер А.Н.Куломзина, взгляд Н.Х.Бунге, походку Д.М.Сольского, произношение С.Ю.Витте и т.д.

В узко специальном значении мемуары Н.Н.Покровского важны тем, что дают характеристику организации и деятельности канцелярии Комитета министров 90-х гг. XIX в. Важно и то, что автор запечатлел неформальные особенности этой организации и деятельности: разделение чинов канцелярии Комитета министров на «людей белой и черной кости»; отсутствие единой субординации по отношению к начальникам отделений; специфику написания журналов Комитета министров и др. К тому же фигура Н.Н.Покровского уже сама по себе вызывает интерес, т.к. он был последним министром иностранных дел царского правительства. Воспоминания, которые были написаны вскоре после революции, в 1919 г., по заказу Л.М.Клячко-Львова⁶, публикуются по правилам современного правописания, с сохранением стилистических особенностей оригинала.

Публикация воспоминаний Н.Н.Покровского особенно актуальна в настоящее время, в год 200-летия учреждения министерств и Комитета министров в России.

Публикацию подготовил М.А.ПРИХОДЬКО.

Н.Н.Покровский

Комитет министров и его канцелярия в 1890-х годах

Я перешел на службу в канцелярию Комитета министров в начале 1893 г. и пробыл там до середины 1899 г., т.е. более шести лет. Канцелярия эта была в то время очень своеобразным учреждением. Маленькая по составу, она распалась на две группы: людей белой и черной кости. К белой кости относились начальники отделений, их помощники и причисленные; к черной — так называемая экспедиция. Экспедиция — это была группа чиновников, специально предназначенных для

⁶ Клячко-Львов Лев Моисеевич (1873—1934) — известный дореволюционный журналист, «король репортеров», сотрудник газет «Биржевые ведомости», «Новая жизнь», «Речь», «Русское слово» и ряда других. В советское время писатель, автор книг и статей: За кулисами царского режима (Воспоминания журналиста). Л., 1926. Т. 1; Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3. С. 13—38; Певсти прошлого. Л., 1929. (2-е изд. — Л., 1930). После Октябрьской революции Л.М.Клячко-Львову удалось с разрешения наркомата просвещения организовать редакцию для сбора мемуаров оставшихся в столице сановников, в числе которых оказался и Н.Н.Покровский. Редакция действовала несколько лет, но собранные ею материалы так и не были опубликованы.

^a Так в тексте.

письменной [работы]. Во время оно, и даже очень незадолго до моего поступления в канцелярию, все журналы Комитета переписывались от руки и в этом виде шли на утверждение Государя. Нередко это были целые тома, переписывавшиеся несколькими лицами, притом так, что почерк везде был почти одинаковый. Эти писцы выбирались особо из имевших так называемый «царский» почерк. Они всю жизнь сидели только на этом деле, и все их служебные успехи сводились к тому, что их повышали в классе должности, производили в чины и украшали орденами. Когда введено было печатание журналов, значение писцов с «царским» почерком очень упало; тогда им стали поручать хранение дел, журнальную часть каждого отделения, хотя все-таки требовалась и переписка всеподданнейших докладов, некоторых особо-секретных журналов и т.п. Высшею должностью, до которой могли достигнуть чины экспедиции, была должность экспедитора, их непосредственного начальника, на котором лежала ответственность за порядок делопроизводства во всей канцелярии, за безошибочность переписки бумаг и т.д. Это была должность V класса и занимавшие ее доходили до чина тайного советника.

Отношение чинов черной кости к чинам белой кости было чрезвычайно самостоятельное и независимое: они составляли свой собственный мир. Хотя и были распределены по отделениям; в отделениях некоторое, деловое только, подчинение имело место относительно начальника отделения; на прочих, более молодых, старые чины экспедиции смотрели в лучшем случае покровительственно — они всегда были настоящими хранителями традиций канцелярии. Некоторые даже к начальникам отделения относились с нескрываемым пренебрежением, не стеснялись высказывать им свое мнение о них, предъявлять им ультимативные требования и т.п. Что касается экспедиторов, то они с полным основанием могли смотреть свысока на молодых начальников отделений, которые во многом от них зависели и получали нередко нахлобучки. Нечего говорить, что образовательный ценз чинов черной кости был у всех самый незначительный.

Чины белой кости, напротив, были все с высшим образованием. Управляющий делами Комитета, А.Н.Куломзин¹, сам университетский, не давал особого предпочтения лицеистам и правоведам²; университетских было поэтому довольно много. Эта часть канцелярии была своего рода гвардией гражданского ведомства. Полковой характер взаимных отношений проявлялся во всем: за очень немногими исключениями, все были друг с другом на «ты», а постоянное общение не только на службе, но и вне ее еще более поддерживало эту близость. Взаимная подчиненность выражалась только в распределении занятий: от начальника отделения зависело поручить то или иное дело своему помощнику или причисленному и наблюдать за их исполнением, так как он отвечал за отложения. Но за этими пределами никакого подчинения уже не было, даже несмотря на различие возраста.

Во многом такие отношения зависели, конечно, от высшего начальства, в лице А.Н.Куломзина и его помощника Э.В.Шольца³. Они,

бесспорно, дополняли один другого. Э.В.Шольц был человек в высшей степени добрый и благожелательный: всякий из нас мог найти у него помощь и добрый совет. Он никогда не терял самообладания и в моменты особого напряжения предупреждал ошибки и прорухи; в минуты же чрезмерного увлечения, к которым был так склонен А.Н.Куломзин, умел быть весьма полезным тормозом, сдерживающим такие увлечения. Полную ему противоположность представлял сам А.Н.Куломзин: стремительный и увлекающийся, он, в отношениях к подчиненным, держался часто патриархального взгляда. Принимал он в канцелярию с большими затруднениями, иногда огорашивая кандидатов самыми неожиданными вопросами. Но раз кандидат был принят, он становился чем-то вроде сына А.Н.Куломзина, который считал себя вправе даже проникать в его домашнюю жизнь, наблюдать за его поведением, журить и т.д. Иной раз он кричал на своих подчиненных в очень резкой форме, но никто на это не обижался: в этом крике было что-то отеческое и отнюдь ничего оскорбительного. Но зато забота о подчиненных была у А.Н.Куломзина постоянная, забота без напоминаний с их стороны. Он предугадывал их материальные и служебные потребности и изоощрялся в изобретении способов удовлетворения последних. Я десятки раз испытал это на себе самом: тут было действительно использование рабочей силы, но зато эта сила выставлялась вперед и не заполнялась ради личных интересов, как это бывает очень и очень часто.

С.Ю.Витте⁴ характеризовал А.Н.Куломзина бюрократом. Да, это был бюрократ, но в самом лучшем значении этого слова; он не только не мешал хорошим начинаниям, напротив, — он всемерно им содействовал: настойчивая его работа в деле сооружения Сибирской железной дороги⁵ и развития связанных с нею вспомогательных предприятий, в особенности церковного и школьного строительства, не останется забытой. Будучи сам до конца ногтей и до корня волос совершенно порядочным и честнейшим человеком, А.Н.Куломзин умел узнавать и вылавливать на госуд[арственну]ю работу талантливых людей и высоко держать зная порядочности в сфере бюрократии. Вот почему такие люди, как Н.Х.Бунге⁶, дарили его своим полнейшим доверием и уважением.

Чтобы покончить с канцелярией Комитета министров, я должен сказать еще несколько слов о характере ее работы. Впоследствии мне приходилось немало работать в различных учреждениях, работать много серьезнее и основательнее, но никогда у меня не было такого нервного труда, как там. Достаточно изложить его внешнюю сторону. Заседания Комитета министров происходили всегда по вторникам. Доклад дел, впрочем, в форме прочтения заглавий, лежал на начальниках отделений: А.Н.Куломзин и Э.В.Шольц только наблюдали за докладом, сидя за отдельным столом, слева от общего полукруглого стола Комитета. После заседания сходились в кабинет А.Н.Куломзина, где получали будто бы указания, как писать журналы, но таких указаний, в сущности, вовсе не было: «Ну, вы там сами знаете», «ученого учить — только портить», «на-

до, чтобы было хорошо» и т.п. С этим багажом отправлялись домой писать.

Журналы разделялись на общий, куда по родовым отделам заносились сравнительно кратко постановления и суждения Комитета, и на особые — по делам исключительной важности, когда суждения излагались с особою подробностью и представлялись Государю по каждому делу отдельно. В принципе, особые журналы должны были быть сравнительно редким исключением. Но А.Н.Куломзин любил обращать всякое мало-мальски сложное дело в особый журнал. По правилам, общий журнал должен был представляться Государю до следующего заседания Комитета, т.е. в шестидневный срок, а особые журналы могли быть представляемы когда угодно, по мере их изготовления. Но А.Н.Куломзин подвел и особые журналы под правило общих. В силу этого, начальники отделений обязаны были представлять ему написанные ими и перебеленные журналы не позднее как в четверг вечером, т.е. на третий день после заседания. А ведь иногда, по напечатании, такие журналы занимали 20—30 страниц большого формата. Благодаря этому, по крайней мере одну ночь в неделю не приходилось ложиться спать вовсе. Это было поистине мученье: журналы Комитета — это были не протоколы, от нас требовалось творчество — надо было в уста каждого говорившего ввести не только то, что он говорил, но и то, что он мог сказать, и притом в наиболее изящной форме. А так как разные министры говорили вещи, нередко совершенно противоположные, то писавшим журналы приходилось проникаться в одинаковой степени самыми различными точками зрения на один и тот же предмет. Легко понять, насколько трудна была эта задача. Это было своего рода умственное деторождение и высшая школа софистического искусства, в котором доходили до своего рода спорта.

Не было случая, чтобы журнал не был готов к сроку. А.Н.Куломзин ограничивался самыми ничтожными поправками в журналах: начальники отделений обязаны были писать хорошо. Ночью в четверг [журнал] отсылался в Государственную типографию и на утро пятницы корректура была уже готова. Тогда происходил ее просмотр и предварительный доклад дел следующего заседания, сперва А.Н.Куломзину, потом председателю⁷. К последнему отправлялись целым пансионом, предварительно отослав ему корректуры журналов. Н.Х.Бунге читал журналы с большим вниманием и делал в них много исправлений; преемник его И.Н.Дурново⁸ ограничивался вставкою одного или двух слов. После этого журналы приводились окончательно в порядок и рассылались членам Комитета на просмотр. Замечания последних давали повод к личным объяснениям, иногда очень нелегким, где авторитет А.Н.Куломзина играл большую роль; затем журналы окончательно отпечатывались для представления Государю.

И так шло каждую неделю. Наконец, это длинное писание стало, очевидно, утомлять Государя, который всегда очень добросовестно прочитывал комитетские журналы. Первый подметил это министр народного просвещения граф И.Д.Делянов⁹: он стал представлять доклады со-

вершенно короткие. Спohватился и А.Н.Куломзин, и стал перечеркивать наши писания и требовать от нас короткого изложения. Легче от этого работа не стала, так как все-таки А.Н.Куломзин требовал полноты содержания, а известно, что писать длинно легче, нежели коротко. Но справились и с этим препятствием.

Эта работа, и без того забирающая решительно все время, осложнялась еще совершенно исключительными поручениями, возникавшими и по делам Комитета, и помимо их. По делам А.Н.Куломзин постоянно требовал составления разного рода справок, законодательных и статистических, нередко направленных к тому, чтобы подсказать то или иное решение членам Комитета. В большинстве случаев это был совершенно напрасный труд: справки читали, удивлялись работе, но решали дела по совершенно другим соображениям. Иногда такие справки достигали размера целых книг. Затем предпринимались и самостоятельные издания, напр[имер], сводов Высочайших отметок по отчетам губернаторов. Особенно тяжелую работу пришлось мне понести по составлению английской книги: *Statesman's Handbook for Russia*, которую А.Н.Куломзин задумал поднести молодой Императрице Александре Федоровне¹⁰, для просвещения ее в русских делах. Эту книгу я писал, разумеется, порусски, а ее уже переводили на английский язык. Тема была громадная: надо было исчерпать и историю, и статистику, и законодательство чуть ли не по всем вопросам государственоведения. А.Н.Куломзин думал, что эту работу можно закончить в несколько месяцев, но она потребовала двухлетнего усидчивого труда. Отдельные главы просматривались такими авторитетами, как Н.Х.Бунге и К.П.Победоносцев¹¹. Но в результате книга все-таки запоздала, и Императрица, конечно, успела ознакомиться с нашими порядками из других источников.

Подобные же работы выполнялись и по другим отделениям, жестоко осложняя наше существование. Страда продолжалась обыкновенно до середины июня, когда наступал вакант в Комитете, заседания прекращались на два с половиною месяца, и мы имели возможность отправиться на все четыре стороны. Обыкновенно канцелярии Комитета и Государственной канцелярии завидовали, что они располагают таким вакантом; но по совести могу сказать, что без этого мы совершенно не были бы в состоянии работать: только и живы были, что надеждою на летний отдых.

Я, быть может, слишком долго остановился на внутренней жизни канцелярии Комитета министров, но мне кажется, что ее своеобразный характер не лишен интереса для изучающих наш прежний строй и его порядки. Перехожу к составу самого комитета и к его деятельности.

Председателем Комитета я застал Н.Х.Бунге. Этот замечательный человек еще недостаточно оценен у нас. Время его управления финансами¹² многие склонны характеризовать, как эпоху господства теории над практикою, не выведшего нас из трудного положения. Ему противопоставляют время И.А.Вышнеградскаго¹³ и С.Ю.Витте, которые, напротив, отличались необыкновенною практичностью и довели наши финансы до большой устойчивости и прочности. С последним, конечно,

никто спорить не станет. Но основы многого из того, что было выполнено при С.Ю.Витте и даже позже, при В.Н.Коковцеве¹⁴, были, несомненно, заложены Н.Х.Бунге. По крайней мере, сам С.Ю.Витте открыто указывал, что принципы многих из его реформ, напр[имер], денежной, были указаны Н.Х.Бунге. В области податной первые преобразования в промысловом обложении, которые положили на чало постепенному переходу к окладной системе, были осуществлены при Н.Х.Бунге; при нем же отменены последние остатки подушного обложения. В других областях никто, как он, положил основу нашему рабочему законодательству и широкому развитию народных сбережений. Наконец, при нем создан Крестьянский банк, т.е. дано основание аграрному законодательству, которое, при дальнейшем планомерном развитии, сохранило бы основы экономического и социального строя. Если все эти меры были основаны на строго продуманных научных воззрениях и принципах, то видеть в этом их недостаток едва ли справедливо: эпоха Н.Х.Бунге будет всегда занимать в истории наших финансов и государственной экономии самое почетное место.

Здесь, конечно, не место для ее подробной оценки.

Как личность, Н.Х.Бунге производил впечатление самое обаятельное: даже его внешность, глубокий взгляд, ласковое, всегда ровное обращение были необыкновенно привлекательны. Как старый профессор самого лучшего типа, он любил молодежь, любил ее общество. Многих из нас, и не один раз, приглашал он к себе обедать, совершенно запросто, *en tête-à-tête*, и беседовал, как с равными, вызывая на совершенно откровенное выражение своего мнения. Мы гордились своим председателем. После оставления министерского поста Н.Х.Бунге продолжал пользоваться уважением Императора Александра III¹⁵, который особенно ценил в нем его душевную чистоту и хрустальную честность. Но, без сомнения, взгляды его существенно расходились с правительственными воззрениями того времени, хотя, по моим наблюдениям, Н.Х.Бунге был убежденным сторонником исторического нашего государственного строя и, конечно, был далек от всяких тенденций, разрушающих и подтачивающих корни государственного здания: он видел полную возможность перестроения многих неудовлетворительных сторон нашей жизни именно сверху, а не снизу. В области же социального строя его взгляды ярче всего могут быть охарактеризованы следующими его же словами: «Мнение, высказанное большинством (а это большинство было Министерство внутренних дел и согласные с ним члены Государственного совета), что личная собственность служит средством для обогащения многих более самостоятельных лиц, а равно, что личная крестьянская собственность не играют существенной роли в обеспечении всей массы крестьянского населения, противоречит всем общепринятым положениям экономической науки, которая доселе полагала, что распространение личной собственности есть одно из главных условий народного богатства и благосостояния.

Блестящие исследования по этому предмету таких корифеев, как Сисмонди¹⁶, Джон Стюарт Милль¹⁷, Бруно Гильдебрант¹⁸, казалось, не

оставляли ни малейшего сомнения и нашли подтверждение в положении современной Франции, где личная земельная собственность более всего распространена и где благосостояние в сельском населении оказывается наиболее всеобщим, а земледельцы наиболее чужды социализму вообще и революционному в особенности».

«Положение, что крестьянство стоит к земле всего ближе, — говорит Н.Х.Бунге в другом месте, — и что ему она всего нужнее, по меньшей мере неточно: все землевладельцы, которые сами ведут хозяйство, стоят к земле близко, она им равно нужна, — будут ли они крестьяне или дворяне. Большинство, конечно, не имело в виду, что из его слов естественно следует вывод о каких-то особых правах крестьян на землю; однако такой вывод напрашивался сам собою и указывает на преимущественное право крестьян на землю пред другими сословиями».

Представляю судить читателю, кто был ближе к социализму — «большинство» или Н.Х.Бунге.

Как бы то ни было, при господствующем влиянии этого большинства в конце царствования Императора Александра III, политическое значение Бунге должно было отойти на второй план.

20 октября 1894 г. скончался в Крыму Император Александр III. С большим волнением ожидал Петербург вестей о ходе его болезни: умирал Монарх, несомненно, сильный характером, крепко поддерживавший устои самодержавия и мира в Европе и создавший новые связи России с Францией, обеспечивавшие, казалось, от германской угрозы. Преемника его знали мало, знали его немногие. Притом, наследник не был еще женат, а следующий за ним брат вел. князь Георгий Александрович¹⁹ страдал неизлечимую болезнью. Еще 23 сентября на телеграмму Комитета министров с пожеланиями скорейшего выздоровления государь ответил: «Очень тронут и сердечно благодарю всех присутствовавших». Однако, вести получались все более и более тревожные; помощь врачей была недостаточна, в Крым был вызван о. Иоанн Кронштадтский²⁰, но и духовная помощь не спасла болящего.

Одновременно с вестью о кончине Государя узнали, что накануне, по его воле, состоялось обручение наследника с принцессою Алисою Гессенскою. Прибытия тела в Петербург ожидали одновременно с приездом нового Императора и его невесты. Я не присутствовал на похоронах Императора Александра III; но А.Н.Куломзин представил нам возможность быть на свадьбе Императора Николая II²¹ в церкви Зимнего дворца, последовавшей вслед за погребением его отца. Рассказать об этом зрелище я могу очень немного: я был в толпе, в задних рядах, видел торжественное шествие, совершавшееся с обычным церемониалом. Многие отметили тогда трогательное спокойствие вдовствующей Императрицы Марии Федоровны²², которая, только что потеряв горячо любимого мужа, не могла не видеть в церемонии брака своего отхождения на второй план.

Н.Х.Бунге возлагал, по-видимому, особые надежды на новое царствование, в смысле изменения в направлении внутренней политики. Выражая нам свою печаль по поводу кончины Императора Александра III,

он прибавил тут же, что падать духом не следует, что надо, напротив, надеяться на новое царствование, открывающее и новую эру государственной жизни. Он, несомненно, имел в виду возможность и своего более непосредственного влияния на дела управления. Говорили, будто покойный Государь даже рекомендовал сыну советоваться с Н.Х.Бунге. Но и помимо этого Императора Николая II влекло к Н.Х.Бунге личное к нему уважение: ведь Н.Х. был его профессором экономических наук и пользовался его особым расположением. И действительно, в начале царствования Государь постоянно совещался с Н.Х.Бунге, который имел у него одно время ежедневные утренние доклады. Влияние в этот период времени было, по-видимому, очень большое; соответственно изменилось и отношение всех министров, заметное даже в их внешних к нему обращениях: с ним стали советоваться по всем важнейшим делам. Еще большее впечатление произвело увольнение министра путей сообщения А.К.Кривошеина²³, состоявшееся по настояниям Н.Х.Бунге. И в других случаях Н.Х.Бунге не стеснялся прямо высказывать свои взгляды и останавливать мероприятия, которые казались ему вредными или исходящими из личных соображений.

Особенное внимание Н.Х. обратил на дела просвещения. Во главе Министерства народного просвещения стоял тогда граф И.Д.Делянов. Об нем здесь уместно сказать несколько слов, тем более, что он, как старший член Комитета министерств, нередко исполнял обязанности председателя в отсутствие последнего. Это был очень уже старый человек и, как министр, — в полном смысле слова гасильник: никакая живая мысль, никакое серьезное начинание не могли рассчитывать на его поддержку. Он держал себя как бы даже вне своего министерства; об нем ходили в этом отношении самые легендарные анекдоты: будто бы просителям он говорил, что сам того-то и того-то не может сделать, а советует обратиться к Н.М.Аничкову²⁴, директору департамента: «Сильный человек в министерстве», прибавлял он ради большей убедительности. Мне не раз приходилось бывать на докладах нашей канцелярии у графа И.Д.Делянова: он не только не читал докладываемых дел, но даже формально спал на докладах. В министерские же свои дела он не вносил никакой жизни, всецело подчиняясь течению, какие казались ему наиболее удобными в данную минуту. Благодаря этому К.П.Победоносцев имел у нас в делах просвещения такое преобладающее влияние.

Личность К.П.Победоносцева не может быть очерчена здесь несколькими словами: это слишком крупная величина в нашей истории того времени. Притом, я не был настолько знаком с его предшествующей деятельностью, чтобы писать о ней беспристрастное суждение. Могу лишь изложить здесь некоторые мои воспоминания.

Уже самая наружность К.П.Победоносцева производила неотразимое впечатление: все, кто его видел, помнят, конечно, его худощавую фигуру, глубоко ввалившиеся глаза в черепаховых очках и умный лоб. Казалось, этому человеку пристало носить не виц-мундир, а тогу или сутану католического прелата. Чем-то аскетическим веяло ото всей его

внешности. Но еще большее впечатление производила его речь: он никогда не бил на ораторские эффекты, в заседаниях он говорил совершенно так же, как говорил дома с кем-нибудь с глазу на глаз. Однако, речь его была сильнее речей многих заправских ораторов своей выкованной логичностью, глубиной знания и силою убеждения. Говорил он в заседаниях Комитета чрезвычайно редко, но тем сильнее была его речь, когда он считал нужным с нею выступить: чувствовалась за его словами огромная умственная и нравственная сила.

С убеждениями его, с его политическими воззрениями можно было не соглашаться, но нельзя было не уважать их последовательности и прямоты. Непокколебимый защитник идеи самодержавной власти, он вместе с тем не был настолько мелочен, чтобы приклоняться, как многие, перед пустыми ее проявлениями. Однако, в искании путей к укреплению власти и авторитета, он пошел по, несомненно, ошибочному пути: этот путь видел он, кажется, в том, чтобы ограждать народ от знания и от познания своих человеческих прав; он, как однажды и выразился по поводу проекта С.Ю.Витте о необходимости приступить к коренному пересмотру законодательства о крестьянах, особенно опасался возвести крестьянина в «персону», так как «персона» эта, без сомнения, стала бы претендовать на права, ей не принадлежащие. Не хотел он видеть того, что ограждение крестьян от знания правительственными средствами не оградит его от проникновения социалистических учений; эта «персона», наделенная правами и их понимающая, будет иметь личный интерес в защите этих прав и в отстаивании того государственного строя, под покровительством которого эти права находятся. Он был инициатором церковно-приходских школ и школ грамоты, но только для того, чтобы вырвать школу из рук опасных, по его мнению, элементов; в его же школах, особенно в школах грамоты, по отзывам очень многих, ничему почти не обучали, они нередко числились только на бумаге. Нельзя, конечно, отрицать, и последующая история доказала это с очевидностью, что и наша псевдо-интеллигенция, беспочвенная, малорелигиозная и слабо-патриотичная, была очень плохим руководителем в деле народного просвещения. Но тогда надо было создать настоящую школу не по названию только, а по существу; этого же церковные школы К.П.Победоносцева не дали вовсе.

Н.Х.Бунге смотрел с огромным опасением на состояние нашего народного образования. На эту сторону нашего государственного бытия было поэтому прежде всего обращено самое бдительное его внимание. От Министерства народного просвещения с графом И.Д.Деляновым, от церковно-школьного ведомства с К.П.Победоносцевым он не надеялся ни на какую помощь и содействие. Он пошел прямою дорогою, напролом. Государю представлен был проект предисловия к первому в его царствование сборнику Высочайших отметок на губернаторских отчетах. В этом проекте с одобрения Н.Х.Бунге были изложены начала как бы программы нового царствования во внутренней политике, преимущественно же в области просвещения. На корректуре проекта, представлен-

ной Государю, последовала отметка: «Хорошо». Экземпляр этот должен храниться или у А.Н.Куломзина, или в архиве Комитета министров.

Затем начались и практические меры: в ведении Вольно-экономического общества, под общим руководством Министерства государственных имуществ, находились комитеты грамотности, учреждения очень старые и почти потерявшие всякое значение. Возник, сколько помню, вопрос о передаче их в учебное ведомство, и Н.Х.Бунге воспользовался этим случаем, чтобы преобразовать эти комитеты в особое Общество, которое вывело бы народную школу из того тупика, где она находилась. Составлен был проект устава этого Общества, и думаю даже, что Н.Х.Бунге заручился предварительным согласием Государя на эту реформу. Но К.П.Победоносцев усмотрел в ней опаснейшую затею и поехал с особым по этому делу докладом в Царское Село. Дело было приостановлено. С горьким чувством увидел Н.Х.Бунге, что был лишен доверия в самом важном, по его глубокому убеждению, деле, на которое им было положено столько мысли и заботы. Печально, что это впечатление унес он и в могилу: вскоре после этого он занемог, хворал очень коротко и скончался в Царском Селе в начале лета 1895 года.

Грустно было нам его хоронить. Его повезли на Александровскую станцию Варшавской железной дороги и оттуда в Киев, в сопровождении некоторых чинов канцелярии, с Э.В.Шольцем во главе.

Киев Н.Х.Бунге всегда считал своим родным городом: там он был долго профессором, там у него был дом, там же похоронил он и наиболее дорогое для себя существо — свою мать; портрет старушки был всегда на той чашке, из которой он пил кофе. В Петербурге Н.Х. считал себя гостем: в Министерстве финансов занимал только немного комнат внизу, а после назначения председателем Комитета министров нанимал на Екатерининском канале, близ Фонарного переуллка, меблированную квартиру, на лето же переезжал в Царское Село, в один из дворцовых домов. Он всегда мечтал вернуться в Киев — и вернулся, но только после смерти.

Похоронная процессия была очень торжественная, была дивная погода. Мне, помнится, пришлось нести на подушечке медаль, которую Н.Х.Бунге получил за крестьянскую реформу. На вокзал прибыли Государь, Императрица и другие члены Императорской фамилии. Сзади них стоял новый председатель И.Н.Дурново, на которого мы смотрели с нескрываемой антипатией: слишком велика была разница между этими людьми.

Однако, антипатия к И.Н.Дурново едва ли имела достаточные основания. Конечно, это был полнейший контраст Н.Х.Бунге: тип губернского предводителя, большого барина, он относился к делам Комитета министров очень поверхностно. Доклады продолжались по-прежнему, но никогда не слышали мы от И.Н.Дурново никакого мнения или указания. Он считал только своим долгом громко провозглашать на заседаниях составленные канцеляриею справки, но личного его отношения не видно было даже к этим справкам.

Но обращение его к членам канцелярии было изысканно любезное; он, очевидно, стремился привлечь к себе наши симпатии, выжить же старался только А.Н.Куломзина, что и удалось ему в год столетия Комитета министров; но и сам И.Н.Дурново очень недолго оставался после этого председателем: на юбилее он уже едва ходил и вскоре после того скончался.

Кроме министров и главноуправляющих, членами Комитета были Наследник цесаревич Николай Александрович и некоторые великие князья, которые почти никогда не бывали; наследник же не пропускал почти ни одного заседания, но, сколько помню, никогда в прениях не участвовал. Затем постоянными членами Комитета были председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич²⁵ и председатели департаментов Государственного совета. Наиболее видную из них роль играл председатель Департамента государственной экономии граф Д.М.Сольский²⁶. Самая наружность его была очень примечательна: большая, умная голова с высоким лбом и окладистой седой бородой возглавляла довольно грузное тело, едва державшееся на двух подагрических ногах и двух палках, на которые он опирался и без которых не мог ходить. Поистине это было олицетворение приходившего к концу нашего государственного строя: наверху очень просвещенное, умудренное опытом и вместе равнодушное к жизни правящее общество, опирающееся на безразличное, огромное государственное тело, которое, в свою очередь, держалось на крайне ненадежных низах: подкосились ноги и упало грузное тело и мудрая голова.

Карьера Д.М.Сольского была блестящая: еще очень нестарым человеком Д.М.Сольский был назначен Государственным секретарем, а затем Государственным контролером; последнюю должность занимал он много лет, проявив на ней большие знания в области финансов. Уже тогда, по-видимому, он сумел завоевать в правящих сферах тот авторитет, которым неизменно пользовался до самой смерти. «Комиссия Сольского» — это было какое-то нарицательное слово: стоило возникнуть какому-либо более или менее сложному вопросу в области финансов, кредита, государственной экономии, а впоследствии — и государственного строительства вообще, и тотчас для его рассмотрения образовывалась высшая комиссия или комитет из министров и других сановников под неперемнным председательством графа Д.М.Сольского. К этим комиссиям относились с особым уважением, в виду авторитета их председателя, мнение которого имело обыкновенно решающее значение. Относились ли к нему с особой симпатией наверху, этого я не знаю, но, конечно, выслушивали с должным почтением. Самая походка его, опираясь на две палки, внушала уважение. Я помню, впоследствии в Департаменте государственной экономии члены при входе его вставляли и стояли, пока он проходил к своему месту, «посолон», т.е. поворачивались лицом к нему, по мере его прохождения. Граф Д.М.Сольский был, несомненно, очень умный, знающий и опытный сановник. Но за многие годы, что мне пришлось его видеть в разных коллегиальных учреждениях, я не припомню, чтобы слышал от него самостоятельное. Он

умел выслушать всех, ранее говоривших, умел выбрать из их речей то, что казалось ему наиболее в данную минуту подходящим, а это определялось множеством соображений, часто зависевших и от личности говорившего. Когда же точка зрения была им выбрана, он брал слово и с необыкновенною авторитетностью умел облечь чужую мысль в такую форму, что это казалось чем-то новым. Нового же тут обыкновенно не было почти ничего. Этот блестящий, чисто председательский талант — делать резюме — был применяем графом Д.М.Сольским и в Комитете министров, где он являлся только членом. Но всегда выходило так, будто его последнее слово и решало окончательно вопрос. Впоследствии, после революции 1905 г., граф Д.М.Сольский принимает деятельное участие в разработке оснований нового строя и был назначен председателем Государственного совета²⁷. Но, если память мне не изменяет, председательствовал только в одном заседании преобразованного Совета: голоса его не было почти слышно и он немедленно же отказался от дальнейшего несения этих высших функций. Жизнь его была слишком связана с прежним строем, с высшими учреждениями старого порядка. Прекращение работы в них равносильно было прекращению этой жизни, и, действительно, граф Д.М.Сольский очень скоро скончался²⁸.

Из прочих членов Комитета министров того времени я остановлюсь только на виднейшем — на С.Ю.Витте; характеристика остальных, по необходимости ее краткости, не представляла бы особого интереса, о некоторых же министрах я говорил выше. Я увидел С.Ю.Витте впервые на одном молебне в 1889 году или 1890 году, когда он был еще директором созданного им самим Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. Уже тогда стали говорить о нем, как о чем-то новом и совершенно необычном. Рассказывали, что в свое время он начал службу с должности начальника маленькой станции, потом быстро выдвинулся и стал во главе Юго-Западных дорог. Там он и сблизился с И.А.Вышнеградским, который, оценив его огромные способности, вызвал его в Петербург сразу на должность директора департамента. В это время²⁹ это считалось совсем поразительным. С необыкновенной энергией С.Ю.Витте организовал порученный ему департамент, собрав вокруг себя ряд талантливых людей, с такой же необычной карьерой, как и он сам. И.А.Вышнеградский продолжал воздвигать С.Ю.Витте, и когда потребовался кандидат в министры путей сообщения, рекомендовал Государю Александру III его же; опять произошло нечто необыкновенное — недавно сделанный директором департамента, едва только произведенный в действительные статские советники и получивший первый орден — Станиславскую звезду — С.Ю. был прямо назначен министром. Чопорный круг высших сановников был очень шокирован этим назначением, да и не одним назначением: С.Ю.Витте находили грубым, неотесанным; в заседаниях он сидел развалившись, с обоими локтями на столе, и говорил каким-то совершенно необычным языком, с каким-то странным акцентом и необыкновенными ударениями. После многие так к этому привыкли, что, передразнивая, стали и постоянно говорить так, как говорил С.Ю.: «Ходатайство», «они говорить» и т.п. И вот, не

прошло нескольких месяцев, и С.Ю.Витте был назначен на важнейший пост — министра финансов. Тут уже все окончательно растерялись, конечно, признали совершившийся факт и с ним постепенно примирились.

Характеристика С.Ю.Витте будет дана гораздо более полная его будущими биографами: слишком крупная это была личность, именем которой можно будет назвать целый период русской истории. Я сообщу поэтому только личные свои впечатления, которые, быть может, будут полезны этим биографам, как материал.

Несомненно прежде всего, что С.Ю.Витте был головою выше большинства своих современников. Как у всех больших государственных деятелей, у него, конечно, были крупнейшие ошибки, принесшие немало вреда. Но исправить их было почти невозможно, до того все действия его были глубоко-жизненны. Чувство жизни и ее потребностей было нервом деятельности С.Ю.Витте. Эту деятельность нельзя ограничить какою-либо областью: она касалась всех сторон государственного нашего бытия, прежде всего, конечно, сторон экономической и финансовой. С.Ю.Витте был далек от всякой теории, потому что научно не был вовсе к ней подготовлен. Он брал жизнь, как она есть, и искал наиболее действительных решений для выдвигаемых ею практических вопросов. Так, в Комитете министров или, вернее, через его Соединенное присутствие с Департаментом государственной экономии, он с необыкновенной энергией провел ряд дел по выкупу в казну крупных железнодорожных сетей, напр[имер], Главного Общества, Юго-Западных и т.п. Но это вовсе не означает, что он был принципиальным сторонником казенного железнодорожного хозяйства. Напротив, рядом с этим, при его поддержке, создано несколько новых крупнейших железнодорожных обществ — в зависимости от соображений целесообразности.

В податном деле теория в особенности ему претила; вопреки ей, он, опять-таки по соображениям целесообразности, отдавал решительное предпочтение косвенному обложению перед прямым: в большую уравнительность последнего он не верил, а большая простота и доходность первого казалась ему очевидной. В этой области осуществлена им громадная реформа — введение казенной продажи питей. На нее напали очень много, упрекали С.Ю. за наш «пьяный» бюджет; мало того, он сам оказался неожиданным противником ее, когда задумал свергнуть В.Н.Кокорцева, который с усердием, достойным лучшей участи, стал без всяких уступок отстаивать его же творение. В конце 1914 г. винная монополия, под влиянием увлечения идеєю трезвости, была уничтожена, к великому восторгу нашей интеллигенции. И что же? По всей вероятности, ее придется рано или поздно восстановить, как единственно целесообразный способ получения питейного налога. Но, относясь с известного рода пренебрежением к прямым налогам, как источнику государственных доходов, С.Ю.Витте идет очень решительно по пути реформы промыслового налога, предназначенной Н.Х.Бунге, на началах окладного обложения. Вполне сознавая политическое значение прямых налогов, он, в особенности в области крестьянского обложения, являет-

ся с энергичной поддержкой таких преобразований, как отмена круговой поруки и изменение порядка взимания окладных сборов. Противник подоходного налога и противник очень убежденный, он переходит на его сторону, когда начинает видеть в нем серьезный способ для поддержания наших финансов во время войны. Не говорю о блестяще выполненной им реформе денежного обращения, выполненной вопреки довольно яростной оппозиции многих членов Государственного совета; чтобы побороть ее, С.Ю.Витте не стесняется испрашения Высочайшего указа, не опасаясь нарушения этим путем нормального порядка и принимая всю ответственность на себя.

Вообще, как настоящий государственный человек, С.Ю.Витте не боялся никогда ответственности, потому что именно этот страх всегда тормозил у нас всякие реформы. К формам он относился с пренебрежением, особенно в начале своей государственной работы; впоследствии он, мне кажется, стал придавать им большую цену, усвоив их значение для поддержания государственного строя.

Не меньшее значение имела экономическая политика С.Ю.Витте. Здесь он явился энергичнейшим поборником всякой промышленной инициативы, которая за его время сделала бóльший шаг вперед, чем за 50 предшествующих лет. Когда я поступил в канцелярию Комитета министров, число акционерных уставов, проходивших через Комитет, не превышало 12 в год, а до меня уставы считались еще бóльшую редкостью. В последние же годы моей там службы, следовательно, через 5—6 лет, в год проходило свыше 400 уставов. Конечно, в числе этих предприятий были и дутые, но в общем русская промышленность сделала, при содействии С.Ю.Витте, громаднейший шаг вперед.

Не в одном, однако, крупном капиталистическом производстве видел он спасение: он отлично понимал, что база экономической жизни России есть благосостояние сельского населения, основанное на его самостоятельности и на определенности его прав. Вопрос о пересмотре законодательства о крестьянах был поставлен С.Ю.Витте еще в 1898 или 1899 г. в Комитете министров, но встретил решительные возражения со стороны К.П.Победоносцева, который, как я уже упоминал, был против превращения мужика в «персону», наделенную одинаковыми с другими правами. Затем С.Ю.Витте все-таки возобновил этот вопрос и добился учреждения под своим председательством Особого сельскохозяйственного совещания, которое открыло в губерниях местные комитеты. Эти комитеты вскрыли ряд темных сторон в нашей местной жизни, вскрыли их настолько ярко, что вся работа Совещания признана была небезопасною в политическом отношении и оно было закрыто. Но С.Ю.Витте, со своим инстинктом, понимал, что именно здесь корень нашего неустройства и поле для тех преобразований, которые должны были вывести нас из этого неустройства. Дело, им начатое, было остановлено, его передали в Земельный комитет И.Л.Горемыкина³⁰, а за пересмотр крестьянского законодательства взялось Министерство внутренних дел. Но семена были брошены, и вместо того, чтобы расти нормально, они по-

лучили неестественное направление, которое и привело, в связи с другими обстоятельствами, к революции 1905 г.

В 1902 г. С.Ю.Витте был в опале: его уволили из министров и назначали на не отвечающую его свойствам пассивную должность председателя Комитета министров. Началась несчастная Японская война³¹. Я не знаю роли С.Ю.Витте в этом деле. Его иногда обвиняют в том, что его дальневосточная политика — проведение Восточно-Китайской железной дороги и создание Порт-Артура — была основной причиной этой войны. Тут есть доля правды. Но мог ли он останавливаться на половине пути, мог ли удерживаться перед тем, чтобы довести до логических последствий начатое предприятие постройки Сибирской дороги и оживления всего нашего Востока? Войны же ему удалось бы, конечно, избежать своевременным разделением сфер влияния между Россией и Японией, чего именно и не было сделано. Мы переоценивали себя и недооценили Японии; однако тут С.Ю.Витте, по-видимому, не при чем. Когда, после войны, пришлось заключать мир с Японией, обратились не к дипломатам, а к С.Ю.Витте. В Портсмуте³², по рассказам его спутников (И.П.Шипова³³, И.Я.Коростовца³⁴ и др.), он сыграл совершенно исключительную роль: не он, представитель побежденной стороны, а японские делегаты оказались в роли слабейших, добивавшихся уступок. Стоит взглянуть на фотографию конференции, чтобы сразу убедиться, что ее главою и руководителем был С.Ю.Витте. Он сумел в самый короткий срок привлечь к себе такие симпатии американцев, что они явились его помощниками. И это все достигалось почти без всякого знания языков, исключительно личным его обаянием. С.Ю.Витте обвиняют в уступке половины Сахалина, с насмешкою называют графом Полусахалинским. Но пусть смеющиеся указали бы способ заключить мир на более приемлемых условиях. Если к этому прибавить, что, благодаря финансовой политике С.Ю.Витте и его денежной реформе, экономическая жизнь России перенесла несчастную войну без особых потрясений, то заслуга С.Ю.Витте и в этом деле окажется несомненною.

После войны началась политическая разлука. С.Ю.Витте, бесспорно, ее предвидел. Его мысль — поставить на очередь пересмотр крестьянского законодательства и мероприятия по усовершенствованию нашего сельского хозяйства и всего сельского быта в самом широком масштабе свидетельствовали о ясном понимании тех основных причин, которые могли довести Россию до революции. Но, как я говорил, мысль эта была отстранена, признана опасною. Не мысль и не реформа была опасна. Опасно было положение, на которое закрывали глаза. Когда начались первые признаки разлуки, С.Ю.Витте не мог оставаться в тени даже в пассивной роли председателя Комитета министров. Здесь, в Комитете министров, впервые разрабатывались положения 12 декабря 1904 г.³⁵, давшие начало целому ряду актов в деле реформы нашего внутреннего уклада. Когда же в октябре 1905 г.³⁶ началась революция, обратились опять к С.Ю.Витте, при участии которого и составлен был Манифест 17 октября 1905 г.³⁷, причем, на него же, со званием председателя Совета министров, возложено было и проведение этого Манифеста в

жизнь. Здесь, в этой новой роли правителя государства, но правителя, навязанного обстоятельствами и уже не пользовавшегося полным доверием, С.Ю.Витте, по общему отзыву, растерялся и не сумел взять надлежащий тон. Революции был нанесен ущерб, войска, в громадной своей массе, оставались непоколебленными, а при этих условиях не было основания играть двойную роль. Эта двойная роль, как рассказывают, довела почти до того, что неизвестно было, кто кого арестует: Витте—Хрусталёва³⁸ или Хрусталёв—Витте. Поэтому министр внутренних дел П.Н.Дурново³⁹, вовремя понявший необходимость решительных действий, взял первый шаг и заслонил С.Ю.Витте, которого, вместе со всем его кабинетом, уволили накануне открытия первой Государственной Думы⁴⁰. С этого момента карьера его была окончена и он сам стал мало-помалу ветшать. В роли члена Государственного совета он не раз привлекал к себе всеобщее внимание своими выступлениями по различным вопросам. Казалось даже, что он ищет повода говорить по всякому поводу, напомнить о себе, но все это было тщетно: антипатия к нему в высших сферах была настолько сильна, что о возврате к активной работе, а он об этом, без сомнения, мечтал все время уже по свойству своей природы, нечего было и думать.

Я старался, в сравнительно коротком очерке, дать общую характеристику С.Ю.Витте, как государственного деятеля, в той мере, в какой мне это было известно. Как человек, я наблюдал С.Ю.Витте сравнительно не часто и никогда не был к нему близок. Мне кажется, что обычные мерки вообще не применимы к такому характеру; масштабы должны быть совершенно другие. Его политические противники возводят на него самые резкие обвинения: упрекают его в безнравственности и фальшивости, даже в простой нечестности. Последнее представляется мне совершенно неосновательным. Никогда и ни от кого из лиц, близко знавших С.Ю.Витте, а не слышал, чтобы он в какой-либо мере был нечестным человеком. Средства у него были и помимо каких-либо неблагоприятных путей: одними наградами за совершенные под его руководством кредитные операции он получил, как говорят знающие люди, свыше 700000 р. Явными признаками его состоятельности был разве только прекрасный и отлично обставленный особняк и приданое, которое он дал за дочь. Но и приданое это, и другие расходы так потрясли его средства, что он стал очень нуждаться в деньгах. Было время, что он хотел даже бросить службу и пойти в частное предприятие, и не сделал этого только потому, что Государь признал негодным, чтобы его статс-секретарь переходил на частную службу. Тогда он стал просить через В.Н.Коковцева денежной поддержки, которая в конце концов и была ему оказана. Упоминаю об этом, чтобы ответить на рассказы о громадном богатстве С.Ю.Витте.

В политической деятельности его, действительно, трудно назвать образцом корректности. Весьма нередко приближал он к себе людей далеко не первой нравственности; он даже, пожалуй, предпочитал их, как людей, с которыми легче иметь дело, что не мешало ему в то же время отдавать должное людям честным и порядочным. Заявляя громко, даже

в официальных бумагах, о своей солидарности с людьми совершенно сомнительными, С.Ю.Витте неколебимо предаёт в 1906 г. своего долголетнего сотрудника Н.Н.Кутлера⁴¹. По собственным указаниям С.Ю. Кутлер, будучи главноуправляющим земледелия в его кабинете, составил проект принудительного отчуждения помещичьих земель. Проект был просмотрен С.Ю.Витте и разослан, кому следует. По содержанию своему он не мог не вызвать самых решительных протестов. Дело могло принять опасный для самого С.Ю.Витте оборот. Тогда он решил свалить все дело на Н.Н.Кутлера: он де, Витте, прочитал проект, будучи крайне утомленным и не обратил поэтому на него должного внимания, иначе никогда не позволил бы его рассылать; самая же мысль, следовательно, принадлежала Н.Н.Кутлеру, а не ему. В результате Н.Н.Кутлер получил полную отставку. Человек по природе своей страстный, С.Ю.Витте привязывался к людям, но затем также окончательно забывал, если человека не было близко. Вообще, страстность была, несомненно, одной из отличительных сторон характера С.Ю.Витте: он умел сильно желать и добиваться своих целей во что бы то ни стало, но, если охладевал, то нередко уже совсем забывал о том, чего желал раньше.

Поэтому и в вопросах общего характера С.Ю.Витте также не церемонился переменять высказываемые им мысли, в зависимости от обстоятельств. Об одном таком случае с питейною монополиею я уже упоминал. В другой раз он боролся против министра внутренних дел И.Л.Горемыкина и добивался замены его другим лицом. И.Л.Горемыкин в то время был сторонником распространения земских учреждений и широкой постановки местного самоуправления. Витте же выступил с запискою резко противоположного характера, высказываясь даже принципиально против земских учреждений, как противоречащих идее самодержавия. Во время революции 1905 г. С.Ю.Витте, будучи председателем Совета министров, не стеснялся принимать у себя и вести переговоры с самыми темными представителями Совета рабочих депутатов; в то же время, в Совете министров он шел рука об руку с П.Н.Дурново. Все эти шатания мысли и действий не внушали доверия наверху, а в обществе также вызывали основательные сомнения.

Оратор С.Ю.Витте был своеобразный: он говорил всегда очень страстно и увлекательно, но, по форме, далеко не изящно и тем своеобразным языком, о котором я упоминал выше. Речи его всегда обращали на себя внимание и приковывали, несмотря на то, что в последние годы он выступал слишком много и слишком часто, все в надежде опять быть призванным к делу; тут нередко старался он встать на точку зрения людей, далеких от него по своим убеждениям, стремился быть услышанным и наверху, — но все напрасно: доверие было явно и окончательно им утрачено. Писать С.Ю.Витте совершенно не умел, кроме разве резолюций на бумагах своим странным и трудно разборчивым почерком. Вообще не любил он, по-видимому, и читать дел, ограничиваясь выслушиванием устных докладов. Только по самым важным вопросам требовал он к себе корректуры представлений и делал иногда пометки на полях. Большинство же представлений подписывал, совершенно не чи-

тая. Когда, однажды, в Комитете министров заметили ему, что между его словами и собственным его представлением явное противоречие, он не постеснялся ответить, что вовсе не отвечает за всякий вздор, какой чиновники министерства могли написать от его имени. На докладах С.Ю.Витте говорил немного, делал резкие замечания. Впрочем, мне лично приходилось очень редко бывать на этих докладах. Но помню, что два или три раза, когда мне пришлось докладывать С.Ю.Витте с глазу на глаз, отношение его становилось иным: если дело шло о каком-либо вопросе, могущем иметь более широкое значение, он ухватывал его с полуслова и немедленно давал мысли докладчика широкое развитие, рисуя целые перспективы будущих мероприятий и поручая выполнять целые программы работ. Выполнялась, конечно, десятая доля; по свойственной людям лени и за обремененностью другой работой поручения прятались в долгий ящик, а сам он, отвлеченный уже другими мыслями, о них забывал.

В личных отношениях С.Ю.Витте был скорее резок и груб, особенно с постоянными своими сотрудниками; такова была уже его природа. Но, когда хотел, он мог быть тем, что французы называют *un charmeur*. В последнее время я видел С.Ю.Витте ближе в 1914 и 1915 гг., т.е. накануне его смерти. Он не верил, не допускал возможности всемирной войны, считая ее гибелью для России. В этой мысли жил он в Биаррице, где весть о войне поразила его как громом. Постепенно вернулся он в Россию через Италию и, кажется, Салоники. Но это был уже не прежний С.Ю.Витте: на нем лежала печать близкой кончины. Являлся он и на общественные собрания, напр[имер], в Совете съездов промышленности и торговли — по вопросам о подоходном налоге, о золотопромышленности. Приглашался и в особую комиссию Государственного контролера П.А.Харитонова⁴², образованную для обсуждения споров сведения росписи на 1915 г. Речи его, довольно бледные, как будто убитые, выслушивались с почтением, но всеми чувствовалось, что это уже конченый человек. Скончался он после недолгой болезни весной 1915 г. и, к счастью своему, не видел конца войны и крушения той государственности, которую тщетно пытался обновить.

На моем горизонте государственной и общественной жизни не могу указать более выдающейся фигуры, как граф С.Ю.Витте; при всех его недостатках, между ним и прочими деятелями этого времени — громадное расстояние. Оценка его принадлежит будущей истории и, конечно, не может быть сделана в такой заметке, как эта.

Закончив личные характеристики, обращаюсь к самой деятельности Комитета министров того времени. Граф М.М.Сперанский говорил в 1826/7 гг., что Комитет министров обратился в присутственное место, где разбирались всякие дела, важные и неважные⁴³. Эта характеристика совершенно отвечает тому, чем был Комитет и в мое время, т.е. в конце 90-х годов прошлого столетия. Созданный с целью облегчения деятельности разных министерств, он вскоре перестал выполнять эту роль и

^а Соблазнительный, очаровывающий (фр.).

сделался тем учреждением, куда министры стали вносить также вопросы и предположения свои, за которые не желали брать ответственности исключительно на себя. К такой роли Комитет министров был приведен и самым существом тогдашнего нашего государственного строя. В монархии самодержавной, где вся полнота власти сосредотачивается в лице монарха, не должно быть места учреждению, конкурирующему с этою властью. Комитет, который объединял бы всю деятельность министерств, т.е. был бы фактическим кабинетом, как его понимают в государствах конституционных, был бы в самодержавной монархии своего рода коллективным визиром. Если бы председателем такого Комитета было лицо, особенно сильное и влиятельное, то оно превратилось бы силою вещей в великого визиря восточных деспотий, всецело заслоняя собою Особу Монарха. В подзаконной же самодержавной монархии, где источником права и власти должен быть только Монарх, не должно быть места ни единоличному, ни коллективному визирату: все учреждения высшего государственного управления могут иметь только совещательный характер, в пределах своей компетенции. Равным образом, ни один министр не может иметь всей полноты власти в делах управления: он может быть только докладчиком по своему ведомству и проявлять власть лишь в пределах данных ему Верховною властью полномочий. Поэтому никакое учреждение или лицо, кроме самого Монарха, не может быть призвано к объединению деятельности отдельных министров. Вот почему Комитет министров, задуманный, быть может, с целью такого объединения, не мог выполнить этой задачи: этого не желали ни министры, которым гораздо приятнее было идти со всеми более интимными вопросами непосредственно к Государю, ни Государь, который совершенно правильно видел бы в таком объединяющем Комитете ограничение своих прав.

Потом уже, с образованием представительных учреждений, создан был настоящий Совет министров, но и то не без очень серьезных трений. А тогда наша конституция, по меткому выражению, кажется, графа Валуева⁴⁴, заключалась в разногласиях министров: было бы очень опасно, если бы эти разногласия получали согласование не в лице Монарха, а в лице которого-либо из них, или даже учреждения, составленного из одних министров. Другая побудительная причина — создать из Комитета министров такое присутственное место, которое представляло бы Государю коллективные доклады по таким делам, где каждый отдельный министр не желал брать ответственность всецело на себя одного, создала постепенно известный круг дел, которые уже постоянно вносились в Комитет; так образовалась мало-помалу компетенция его, как совещательного при Монархе органа по делам верховного управления. Естественно, что эта компетенция, по самому существу своему, не могла не быть чрезвычайно разнообразной: сюда стали поступать, как справедливо указывал уже граф М.М.Сперанский, и крупные, и совершенно мелкие дела.

В мое время эти дела могли быть подведены под следующие главные категории. На первом плане стояли дела железнодорожные, рас-

смастривавшиеся в Соединенном присутствии Комитета министров и Департамента государственной экономики Государственного совета. Это были, в большинстве, очень крупные вопросы, связанные с многомиллионными интересами: о выкупе железнодорожных предприятий в казну, о разрешении новых железнодорожных обществ и т.д. Они сосредотачивали на себе и значительное общественное внимание. На них я подробно останавливаться не могу, так как ими я лично не занимался: они входили в компетенцию другого отделения канцелярии. К моему ведению относились дела менее видные, но более многочисленные: об учреждении акционерных компаний, по всеподданнейшим отчетам и др. Как я уже упоминал, в течение сравнительно немногих лет, что я был в канцелярии, акционерное дело, благодаря политике С.Ю.Витте, развилось у нас чрезвычайно. Раньше акционерный устав был событием в Комитете; теперь их проходило по 12-ти и более в одно заседание. Так как в законе не было нормального устава, то он, естественно, был выработан практикою: уставы различались, в сущности, только первыми статьями, где излагалась цель компании — дальше шло трафаретное повторение одинаковых для всех обществ постановлений. На канцелярии лежала обязанность считывать эти уставы, т.е. сверять их текст с ранее утвержденными и, в случае отклонения, докладывать об этом Комитету.

Кроме первых статей были, однако, и другие, в которых замечалось нередко разнообразие и около которых сосредотачивались споры. Это статьи политического характера, касавшиеся разного рода ограничений, преимущественно национального характера. Наше законодательство содержало в себе, как известно, множество ограничений в отношении производства промыслов и владения недвижимыми имуществами для евреев и иностранцев. Эти ограничения могли быть обойдены путем учреждения акционерного общества, особенно с акциями на предъявителя: стоило, напр[имер], евреям основать такое общество, формально неограниченное в правах по земледелию, и они могли бы приобретать земли под его фирмою. Поэтому первоначальные ограничения в уставах заключались в том, что акции на предъявителя были совершенно воспрещены. Это правило попало в X т. зак[онов] гражд[анских]⁴⁵. Но жизнь очень скоро показала совершенную его непрактичность и нецелесообразность: именные акции создают крайние затруднения для развития акционерного дела, так как с большими трудностями могут переходить из рук в руки. Акции предъявительские не нуждаются для этого ни в каких формальностях — достаточно простой их передачи. С именными акциями был крайне затруднен и кредит: в случае просрочки уплаты выдавший под них ссуды банк или иной залогодержатель не мог произвести немедленной продажи залога. Вот почему очень скоро начались в отдельных уставах исключения из общего запрещения акций на предъявителя, и к статье X тома прибавили примечание о том, что в отдельных случаях допускаются и акции на предъявителя⁴⁶.

Н.Н.Покровский

А.Н.Куломзин

Н.Х.Бунге

Д.М.Сольский

К.П.Победоносцев

И.Н.Дурново

С.Ю.Витте

И.Л.Горемыкин

Жизнь, однако, шла своим чередом: вскоре исключение сделалось общим правилом, а общее правило — исключением. Но тогда, естественно, возник другой вопрос: как же быть с ограничениями, установленными в законе для производства разных промыслов и для землевладения. Здесь практика пошла с большими колебаниями: в местностях военного управления — в Туркестане, в казачьих областях — местные начальства, поддерживаемые Военным министерством, не желали делать никаких уступок и решительно отказывали в допущении обществ с акциями на предъявителя. Спорить с ними было трудно: уж очень далеко было для дополнительных сношений и переговоров. Здесь поэтому были почти исключительно компании с именными акциями, и, конечно, акционерное дело развивалось чрезвычайно вяло; должно быть, на этих далеких окраинах чувствовали меньшую в этом потребность и, напротив, крайне опасались проникновения евреев и иностранцев. Но в местностях общего управления дело стояло не так. Министерство финансов, заинтересованное экономическим развитием страны, очень решительно отстаивало свободу акционерного дела, а Министерство внутренних дел недостаточно энергично настаивало на противоположной точке зрения. Однако, обход законов об ограничениях был все-таки явный, и надо было изобрести способы борьбы с ним.

Способы были различные. Для некоторых видов промышленности, связанных с владением землею, сохранено было требование выпуска только именных акций. Впоследствии стали вносить во все уставы ограничения, сводившиеся к воспрещению акционерным обществам владеть землями и арендовать их в местностях, где такое владение или аренда воспрещены евреям и иностранцам. Такое ограничение было, несомненно, очень стеснительным: общества, в уставы которых были включены подобные ограничения, были ограничены в своих действиях только определенными местностями; они не могли производить операций в западных губерниях, потому что там было запрещено иностранное землевладение; не могли они устраивать промышленных заведений и вне черты городов, так как там воспрещение земельного владения и пользования распространено было на евреев. При таких условиях не могли возникать акционерные компании сахарных заводов, существующих по преимуществу в западных губерниях и в сельских местностях. Да и другие тоже. Тогда стали придумывать новые обходы: признано было, что владение известным количеством земли, напр[имер], 200 дес., не представляется опасным, хотя бы в числе акционеров были евреи или иностранцы. Но такое ограничение для многих производств, нуждавшихся в большем количестве земли, представляло также явные затруднения.

В конце концов, после очень продолжительной борьбы Министерства финансов, представлявшего интересы торговли и промышленности, с другими министерствами, охранявшими или государственный порядок, как Министерство внутренних дел, или интересы земледелия, как Министерство земледелия и государственных имуществ⁴⁷, пришли к следующему выводу, едва ли оправдываемому законами логики, но находившему основания в требованиях целесообразности: признано было,

что опасность еврейского и иностранного землевладения и землепользования заключается вовсе не в правовом титуле, не в том, что тот или иной еврей или иностранец имеет право владения данным участком земли, а в том непосредственном отношении, которое, благодаря такому владению, создается между владельцем и окрестным населением. Акционер, хотя и владеющий, при посредстве своей акции, земельным имением или имеющий на него арендные права, фактически ни в каком отношении к этому имению не находится и влиять на соседних крестьян в опасном для государства смысле не может. Напротив, опасно будет, если фактические распорядители делами такой акционерной компании — члены правления, кандидаты к ним, директора-распорядители и заведующие ее недвижимыми имуществами — будут евреи или иностранцы: они, действительно управляя непосредственно имениями, могут оказаться очень нежелательным элементом. На основании этих, весьма натянутых соображений, из уставов стали исключать запрещение владеть и арендовать недвижимости и начали заменять его ограничением состава администрации только русскими подданными христианских исповеданий. Допускались и разные другие комбинации: напр[имер], те общества, которые желали иметь какого-либо еврея в правлении, лишались права приобретать и арендовать земли вне городов, или получали это право только в ограниченном размере; другие, в состав администрации которых входили иностранные подданные, лишались владения землями в западной приграничной полосе и т.п.

Вскоре, однако, началось подтачиванье и этой комбинации, не принципиальное, а, так сказать, количественное: признано было, что принцип не будет нарушен, если иностранцы и евреи будут допущены в правление только в меньшинстве; полное же их исключение было сохранено только для должностей директоров-распорядителей и управляющих и заведующих недвижимыми имуществами. Все эти изменения в уставах были произведены очень постепенно, путем практики: никакого законодательного акта издано по этому поводу не было. Министрство финансов мало-помалу вносило в уставы одно исключение за другим, и если какое-либо изъятие однажды прошло через Комитет, оно уже являлось прецедентом для последующих.

Канцелярия Комитета, приставленная хранить установившийся порядок, была часто в крайне затруднительном положении: по существу против предлагаемых послаблений спорить было очень трудно, так как цель их заключалась в облегчении положения нашей промышленности; с формальной же стороны наша обязанность состояла в том, чтобы обращать внимание Комитета на все подобные отступления и тем как бы тормозить дело. Все это требовало от канцелярии сугубой осторожности: мы должны были докладывать о всяком изменении в нормальном уставе, чтобы нас не обвинили в умышленных послаблениях и даже не заподозрили во мздоимстве. Происходило это, конечно, от самой системы проведения уставов: каждый устав, получая отдельное Высочайшее утверждение, имел в данной компании характер сепаратного закона. Было бы предпочтительнее, если бы существовал нормальный акционерный

устав, и общества обязаны были бы регистрироваться для получения права на существование; в Комитет же министров поступали бы только вопросы о более или менее значительных изъятиях из нормального устава.

Однако, до настоящего времени, даже несмотря на революцию, остался прежний разрешительный порядок. И любопытно, что когда заходил более серьезно вопрос о замене его регистрацией и нормальным уставом, сами представители торговли и промышленности решительно высказывались за сохранение прежнего порядка. В самом деле, при ограничениях, существовавших в законе относительно разных видов промышленности и торговли, национальностей, землевладения и т.п., нормальный устав, по необходимости, заключал бы в себе максимум этих ограничений; исключений же достигнуть было бы тогда очень трудно — для этого потребовалось бы всякий раз специально мотивированное представление в Комитет. Гораздо легче было бы вносить прямо туда весь устав, где, в числе массы других параграфов, проходили легче и желательные для учредителей изъятия. Но для лиц, которые, как мы, были приставлены к наблюдению за согласием уставов с законами или, по крайней мере, с практикой Комитета, положение создавалось очень трудное, тем более, что было ясно, что и оставляемые в уставах ограничения, за которые мы вынуждены были ратовать с усердием, достойным лучшей участи, были, в сущности, совершенно безрезультатны.

В самом деле, не ясно ли, что члены правления, русские и православные, но избранные и назначенные акционерами — евреями или иностранцами были простыми исполнителями приказаний сих последних. Следовательно, ограничения в уставах носили чисто фиктивный характер. Но даже если бы в уставах было сохранено самое строгое ограничение и дозволены были бы только акции на предъявителя, принадлежащие исключительно русским подданным христианских исповеданий, то и в этом случае обходы были бы совершенно возможны путем залога акций: стоило акции, принадлежащие русским, заложить евреям, и участие еврейского капитала было бы налицо. Очевидно, все такого рода ограничения, крайне стеснительные и в то же время очень легко обходимые, совершенно излишни и должны были быть отменены: создание отечественной промышленности должно основываться не на формальных ограничениях, а на содействии народному труду, народным сбережениям и нарастанию капиталов в стране, хотя бы на первое время и иностранных или еврейских. Очень выдающийся шведский министр Валленберг⁴⁸ весьма справедливо говорил мне: «Не бойтесь иностранного капитала и иностранных предпринимателей; у нас в Швеции раньше вся промышленность была создана на иностранный капитал, а теперь едва ли его осталось и 5%». Эта истина совершенно у нас не создалась, да едва ли ясно сознается и сейчас. Я помню, что еще летом 1916 года в Совете министров серьезно говорили о разрешении в Приамурском крае только обществ с именованными акциями, хотя в ту минуту, казалось бы, в разгар войны и при трудности нашего финансового положения, крайняя необходимость прилива к нам иностранных капита-

лов не подлежала ни малейшему сомнению, а еврейские ограничения могли только подрывать наш государственный кредит. Но старые заблуждения так упорно держатся, что все мои возражения по этому поводу в Совете (я был тогда Государственным контролером⁴⁹) имели только один результат: вопрос был отложен для нового его обсуждения по соображению со справкою о прежней практике.

Как бы то ни было, в те времена, когда я служил в канцелярии Комитета министров, всякая борьба за каждый параграф уставов, борьба совершенно бесцельная, но в то же время грозившая постоянною возможностью обвинений в недобросовестности, настолько мне надоела, что я решился доложить А.Н.Куломзину о необходимости испросить у Комитета ясных и определенных на будущее время указаний, чего держаться в вопросах о национальных и иных ограничениях. С этою целью была составлена огромная справка о прежней практике, но была ли она доложена Комитету, я не знаю, так как к этому времени я уже ушел отсюда. Во всяком случае, прежняя практика сохранилась, как я упоминал, до самого последнего времени.

Другую крупную отрасль ведения моего отделения были всеподданнейшие отчеты губернаторов, генерал-губернаторов и Государственного контролера. Отчеты эти представлялись ими Государю и уже с Высочайшими пометками поступали в Комитет министров. Здесь они печатались и рассылались членам Комитета, а отметки докладывались в заседаниях, причем, постановлялось, кому из министров сообщить какую Высочайшую отметку. Вопросы сообщались для представления Комитету объяснений, эти объяснения заслушивались в Комитете и с его суждениями представлялись на благоусмотрение Государя. Другие Высочайшие резолюции, смотря по их характеру, сообщались министрам либо на их распоряжение и исполнение, либо для сведения; отметки нередко заключались только в том, что известное место отчета было просто отчеркнуто Государем. Такие отметки, конечно, сообщались только для сведения. За своевременностью представления министрами объяснений по Высочайшим вопросам канцелярия Комитета или, вернее, управляющий его делами имел особое наблюдение. Если объяснения долго не было, он запрашивал министра, почему так долго нет объяснения, и ответ о причинах задержки включался в особую ведомость о неисполненных Высочайших повелениях, которая, в свою очередь, периодически представлялась Государю. Иногда на эти уже ведомости Государь налагал подчас довольно резкие резолюции по поводу медленности министров, которые опять сообщались им, были поводы для новых объяснений и т.д.

Резолюции и отметки по отчетам сообщались обыкновенно не одному министру, а сразу нескольким, если они касались нескольких министерств. Таким образом, формально Комитет и его управляющий делами имели очень важную функцию наблюдения за исполнением Высочайшей воли и даже понуждения к ее исполнению, в случае медленности министерств. По существу, однако, дело оказывалось далеко не столь грозным. Прежде всего, надо сказать два слова о том, что такое

были губернаторские отчеты. В очень редких случаях эти отчеты являлись интересным изложением самостоятельных взглядов их авторов. Замечательно еще и то, что лучшие отчеты, по интересному их изменению, исходили далеко не всегда от лучших и наиболее опытных губернаторов. Обыкновенно новый губернатор считал нужным написать что-либо новое и интересное, надеясь привлечь к себе внимание Государя и высшего правительства. Но умудренный опытом начальник губернии хорошо знал, что многого от этого способа ждать не приходится, отметки же беспокоят министров и могут вызвать их неудовольствие против самого губернатора. Познав тщету отчетов, многие губернаторы, по возможности, сохраняли их изложение, а некоторые доходили до того, что ежегодно писали слово в слово одно и то же, изменяя только цифры и даты. Другие, стеснявшиеся доходить до такой простоты, обыкновенно раньше, чем представлять отчет, при своих посещениях Петербурга выясняли здесь в министерствах виды высшего правительства и вопросы, которые желательно для него поднять в отчете, и тогда уже об этом писали.

Сказанное касается, собственно, губернаторских ежегодных отчетов. Иной характер имели отчеты генерал-губернаторов, представлявшиеся не каждый год, а по мере надобности, после первоначального обозрения края, а иногда после некоторого времени управления им. Будучи гораздо более независимыми от министерств, чем губернаторы, генерал-губернаторы придавали своим отчетам политический характер, излагая в них свои виды по управлению. Обычно они привозили их сами и лично представляли Государю. Рассмотрение этих отчетов Комитетом представляло всегда особый интерес: обыкновенно при этом присутствовал и сам автор отчета, который давал дополнительные к нему объяснения. Здесь я имел случай видеть Кавказских главноначальствующих Шереметева⁵⁰ и князя Г.С.Голицына⁵¹, Варшавского генерал-губернатора князя Имеретинского⁵², Иркутского — А.Д.Горемыкина⁵³, Приамурского — генерала Духовского⁵⁴, начальника Закаспийской области ген[ерала] Куропаткина⁵⁵. Отчет последнего, внесенный в Комитет, и данные им Комитету объяснения произвели сильное впечатление своей определенностью и твердостью мысли. Им тогда очень заинтересовался Н.Х.Бунге, оказавший Куропаткину всякое внимание. Видимая твердость характера, твердость и убедительность мысли, все указывало на А.Н.Куропаткина, как на будущего государственного деятеля более широкого масштаба. Как военный министр, он и был на своем месте, но не оправдал надежд как Главнокомандующий: у него не хватило характера и решительности. Так обманчива бывает наружность!

Шереметев, Кавказский главноначальствующий, был полуразвалившийся старик, и можно было только удивляться, как он управлял таким обширным краем, как Кавказ. Совершенную противоположность ему представлял князь Г.С.Голицын, в просторечии Гри-Гри. Это был своего рода человек-самовар, шумливый и крикливый. Он стал известен, благодаря произведенной им сенаторской ревизии, где, очевидно, также нашумел очень сильно. Назначенный на Кавказ, он начал с тре-

бования о предоставлении ему исключительных полномочий по управлению вверенным ему краем. Так как при нем не было никакой канцелярии (на Кавказ он еще не успел съездить), то, по соглашению с А.Н.Куломзиным, составление проекта этих особых полномочий было возложено на нашу канцелярию. Проект, составленный людьми, не имевшими никакого понятия о нуждах края, конечно, не мог не быть принятым кн. Голицыным, который также не имел о них ни малейшего представления. Такой проект подвергался весьма справедливой критике министров, которые, со своей стороны, старались, по возможности, ограничить полномочия главноначальствующего, претендовавшего вмешиваться даже в отправление правосудия. В конце концов, получился закон, которым, кажется, не были довольны ни министры, ни сам князь Голицын, что не помешало ему, однако, приехав на место, проявлять всевозможные странности, которыми он так очень прославился.

Напротив, Варшавский генерал-губернатор князь Имеретинский производил впечатление человека очень приличного, а его отчеты были написаны разумно и интересно. С ними произошел инцидент, о котором я не могу здесь не упомянуть. Порядок хранения всеподданнейших отчетов в канцелярии заключался только в том, чтобы отчеты нумеровались, т.е. каждый печатный экземпляр имел особый номер, так что можно было всегда знать, у кого из министров и чинов канцелярии находится тот или другой номер. Засим в помещении канцелярии никакой особой системы запоров не практиковалось: все настолько были уверены друг в друге; кроме того, ради вящей осторожности, министров просили возвращать обратно в канцелярию экземпляры дел секретных, в том числе и отчетов, по заслушании их в Комитете. И вот, при такой системе хранения, вдруг обнаружилось, что один из экземпляров отчета князя Имеретинского, с нанесенными на нем Высочайшими отметками, был выкраден, переведен на польский язык и напечатан в Лондоне Польской социал-демократической партией. Можно себе представить, какую горячку затеял по этому поводу А.Н.Куломзин, при своем вообще столь беспокойном характере. К чести его следует, однако, сказать, что он ни одной минуты не заподозрил кого-либо из членов канцелярии. Все подозрения, даже в среде Комитета, были обращены на самих его членов и на их крайнюю неосторожность в обращении с секретными бумагами. Я ездил тогда по этому поводу к министру внутренних дел И.Л.Горемыкину. С отличавшим его невозмутимым спокойствием, он сказал мне, что ничуть этому не удивляется: раз документ напечатан, секрета уже нет, и можно всегда ожидать его появления в печати и в публике.

В справедливости этих слов я впоследствии имел случай убедиться много раз. Я скажу даже более: если какой-либо словесный секрет известен более, чем двум лицам, — секрета также уже нет. Один из трех непременно проболтается четвертому, тот — пятому и т.д. Как бы то ни было, произведено было у нас подробное дознание, не пропал ли какой-либо экземпляр отчета, но ничего обнаружено не было, все отчеты оказались налицо. Приняты были строжайшие меры охраны экземпля-

ров отчетов на будущее время: заведены были особые ящики и ключи от них, за которыми хранились эти экземпляры; установлен был строгий учет последних, сроки возврата разосланных и т.д.

И каково же было всеобщее удивление, когда, несмотря на все эти меры предосторожности, со следующим отчетом князя Имеретинского повторилось буквально то же самое, что было с первым. На этот раз, однако, виновный был найден, но не канцелярией, а Департаментом полиции, который его выследил. Оказался это один чиновник для письма нашей канцелярии, человек чрезвычайно ловкий и смысленый. Это был золотые руки того отделения, где он служил, в таком образцовом порядке держал он там все делопроизводство. Но, как говорит Грибоедов⁵⁶, «умный человек не может не быть плутом». Соблазнили его на пустяках: на каком-то концерте встретился он с представителем одной еврейской комиссионной конторы, который предложил ему за скромное сравнительно вознаграждение — по 50 р. в месяц — доставлять конторе сведения об утвержденных Комитетом министров акционерных уставах, немедленно по их рассмотрении Комитетом. Это сравнительно невинное нарушение канцелярской тайны продолжалось, по-видимому, довольно долго; благодаря этому, упомянутый чиновник оказался в сетях у конторы, которая однажды предложила ему более серьезное нарушение. Отказаться было уже невозможно: вознаграждение предложено было, вероятно, хорошее, а достать отчет было не трудно. На следующий год, однако, когда контора обратилась с подобным же предложением относительно второго отчета князя Имеретинского, дело оказалось гораздо более трудным: меры охраны были приняты очень строгие и добыть экземпляр более, чем на два дня, было почти невозможно. Однако, отчет был все-таки выкраден, послан со скорым поездом в Варшаву, там переведен в одну ночь на польский язык и тем же порядком возвращен на место. Если бы Департамент полиции не наблюдал уже давно за сношениями этого чиновника с комиссионною конторою, то и на этот раз ничего не было бы открыто. А.Н.Куломзин, желая снять подозрения с прочих чинов канцелярии, настаивал на том, чтобы я представил подробные объяснения Департаменту полиции о порядке хранения отчетов. Того же желал и Департамент, надеясь этим способом открыть причастность других лиц. Благодаря этому, я был дважды подвергнут допросу: раз — директором Департамента — очень суммарно, а другой — в губернском жандармском управлении на Тверской — два дня подряд, при участии товарища прокурора судебной палаты. Этот допрос был очень продолжителен, и затем мне предложили написать все мое показание. Конечно, никаких новых виновников не оказалось вовсе.

Отчет Государственного контролера поступал в Комитет министров раз в год уже в печатных экземплярах и с напечатанными Высочайшими отметками. В отличие от отчета Государственного контролера по исполнению росписи, очень обширного и чисто цифрового, отчет Государственного контролера содержал в себе изложение его ревизионных замечаний по всем ведомствам. Здесь бывало довольно откровенное и подчас резкое изображение непорядков, обнаруженных контролером в хо-

зайстве разных министерств, преимущественно военного, морского и путей сообщения. Общие воззрения Государственного контролера на экономическое и финансовое положения страны, если и излагались, то сравнительно коротко и очень бесцветно. Отчет не заслушивался сразу по поступлении в Комитет, а ожидалось объяснения ведомств. Ждать их приходилось довольно долго, иногда несколько месяцев. По поступлении всех объяснений, они излагались параллельно, по Высочайшей отметке, и в больших печатных тетрадях рассылались членам Комитета.

Слушанье отчета было иногда поводом довольно резких объяснений между министрами и Государственным контролером. Так, напр[имер], между Т.Н.Филипповым⁵⁷ и морским министром Н.М.Чихачевым⁵⁸ возник целый конфликт; приходилось их мирить и объясняться с каждым в отдельности. Спор этот (по поводу непорядков в хозяйстве заводов морского ведомства) получил, как это обычно бывало, упокоение в журналах Комитета. Но иногда, очень, впрочем, не часто, бывало и иначе, напр[имер], в деле министра путей сообщения А.К.Кривошеина.

Я изложил уже формальную сторону отношения к Высочайшим отметкам в самом Комитете. По существу же, оно ярче всего может быть охарактеризовано словами К.П.Победоносцева: отметки распределялись по ящикам разных ведомств и там, по мере возможности, предавались забвению. Объяснения же, представлявшиеся Комитету, носили преимущественно характер простых отписок. А периодические ведомости о неисполненных Высочайших повелениях похожи были на неотвязчивых мух, нередко очень больно кусающихся, когда на ведомости оказывалось резкое напоминание самого Государя. В этом, главным образом, смысле министерства обращали на отметки несколько более серьезное внимание. Многое в таком отношении объясняется также чрезмерным обилием отметок. При императоре Александре III Высочайшие резолюции на отчетах составляли, особенно в последние годы его царствования, сравнительную редкость. Император Николай II стал гораздо щедрее: он, по-видимому, считал себя обязанным читать внимательно все отчеты и писать резолюции по целому ряду вопросов. Ежегодно издавались своды Высочайших отметок с объяснениями министерств и суждениями Комитета, причем отметки располагались в этих сводах в известной системе, по их содержанию. Своду каждый год предшествовало сжатое предисловие, где делалась попытка общих выводов, более или менее удачная. В конце концов, все ограничивалось очень кропотливым трудом и для составителей сводов, и для типографии.

Крупную область ведения Комитета министров составляло затем назначение усиленных пенсий и пособий. Здесь, как и в деле утверждения акционерных уставов, практика Комитета заменяла собою законодательство. Наши законы о пенсиях устарели до такой степени, и пенсии, на точном основании этих законов, были столь ничтожны, что поневоле приходилось назначать их почти всегда в усиленном размере. Мало-помалу выработались правила, которых, при испрашении таких пенсий, стали придерживаться все ведомства и которых сам Комитет старался, по возможности, не нарушать. Выработка же нового пенсион-

ного устава требовала очень много времени и его не видели даже в перспективе. Закончен он был, кажется, только накануне революции 1917 г. Таким образом, Комитет, в деле послеслужебного обеспечения чиновников, был хранителем установленных обычаем размеров пенсий. Но и тут была все-таки возможность испрашения особо усиленных пенсий, в порядке особой милости, через Канцелярию прошений, на Высочайшее имя приносимых⁵⁹. К этому пути обращались в таких, главным образом, случаях, особенно при маленьких пенсиях, когда и усиленный их размер оказывался недостаточным для удовлетворения насущных потребностей существования. С другой стороны, сам Комитет имел возможность иногда помочь делу, отступая от своей практики, когда последняя приводила к несправедливости. Дела пенсионные, близко интересовавшие весь чиновничий мир, создавали канцелярии Комитета министров очень влиятельное положение.

На других категориях комитетских дел я не считаю возможным отстраняться. Довольно многие, в области экономических мероприятий, не поддаются обобщению; их пришлось бы излагать каждое отдельно и далеко выйти из рамок этой статьи. Другие, напр[имер], о переменах подданства, о воспрещении книг и т.п., имели меньшее значение. Исключительно, наконец, обязанностью Комитета было составление проектов Всемилостивейших Манифестов. Таких Манифестов, за мое время, последовало, насколько помню, два: по случаю бракосочетания Государя и по случаю Коронации. В сущности, большой сознательной работы тут не было, но кропотливости было много. Все ведомства присылали в Комитет проекты тех статей, которые они желали включить в Манифест. Многое заимствовалось из старых Манифестов, которых было очень большое число. Объединение всего этого материала и приведение в стройный вид и было делом канцелярии. Затем проект рассылался на замечания ведомств и заслушивался в Комитете. В самих ведомствах эта работа, особенно относительно новых статей, вызывала гораздо большее напряжение.

Издание Манифеста 1896 г.⁶⁰ было связано для части канцелярии, в частности и для меня, с интересною поездкою в Москву на коронацию. В Москве составилось особое заседание Комитета министров в большом зале судебных установлений в Кремле, ради чего, собственно, и были командированы чины канцелярии. А.Н.Куломзин нанял для себя дом-особняк и любезно пригласил всех нас поместиться у него. Для нас это, конечно, было очень кстати; всешение нам ничего не стоило, а квартиры в Москве были в это время необыкновенно дороги: мы 13 лет ждали этого дня, говорили москвичи в свое оправдание. Служебной работы в Москве, в сущности, не было никакой. Время проходило у нас очень весело, особенно для других моих сотоварищей, у которых в Москве было много знакомых. Но и мне скучно не было.

Из больших торжеств, связанных с коронацией, мы были только на большом балу в Дворянском собрании. Громадная толпа, блестящие мундиры, туалеты дам — все это видеть было довольно интересно. Государя и Императрицу я видел только очень коротко, при прохождении их

по залам. Императрица, Александра Федоровна, которую я видел тут впервые (так как на свадьбе, за толпою не мог рассмотреть), блистала молодостью и красотой; она была много лучше своих портретов. Государь имел вид веселый и оживленный.

Наконец, 15 мая, состоялось в Кремле в Успенском соборе святое торжество коронавания. Мы, по нашему рангу, доступа в собор не имели, и получили места на скамейках, устроенных вдоль мостков, где должно было проходить царское шествие. Погода в этот день была дивная, поистине царская: солнце блистало на голубом небе. Вдоль линий шествия были расположены хоры военной музыки, которые, при приближении к ним Государя, должны были играть гимн «Боже, Царя храни!». Ждать нам пришлось долго. Наконец, звуки музыки первого оркестра дали знать, что шествие началось. По мере его приближения начинали играть следующие хоры, но не с того места, с которого дошли предшествующие, а каждый с начала, так что, когда первый хор уже оканчивал гимн, другие были на его середине, а третьи — только начинали. Какофония получалась чрезвычайная. Наконец, появилось шествие: после чинов двора, несших государственные регалии, следовал сам Государь Император, в огромной бриллиантовой короне и горностаевой мантии, под балдахинном, поддерживаемом высшими чинами и генерал-адъютантами.

Вид Государя глубоко поразил меня: мне казался он подавленным под тяжестью короны и мантии, казалось — это жертва, которую ведут на казнь, а не Монарх, торжественно вступающий на прародительский Престол. Боже, подумалось мне тогда, неужели это прообраз будущей его судьбы! Ярko и неизгладимо врезалась эта картина в мою мысль, — и увы, она была пророческою. Шествие прошло мимо нас с необыкновенною быстротою, казалось — чего-то боялись, что шли так скоро, хотя в Кремле никого постороннего не было, и весь, так называемый, «народ» был, говорят, бутафорский.

Впечатление какого-то мрачного предзнаменования, оставленное во мне каранационным шествием, еще более усилилось в последующие дни, когда стало известным ужасное ходынское происшествие. Количество погибших с каждым днем обнаруживалось все больше и больше. Аналогия с катастрофою на свадьбе короля французского Людовика XVI⁶¹ напрашивалась сама собою. Назначено было, конечно, следствие о виновниках ходынского несчастья, продолжавшееся очень долго; кое-кто был уволен, но едва ли все виновные понесли наказание.

На этом я заканчиваю характеристику некоторых категорий дел, рассматривавшихся Комитетом министров. Эта характеристика может произвести, пожалуй, неблагоприятное впечатление — мало государственной работы. Но это впечатление было бы неправильным. Разбор каждой категории дел, не говоря о том, что я лично не мог здесь коснуться важнейшей из них — дел железнодорожных, или подробно излагать прохождение более серьезных дел в отдельности, как изучение в лупу или через микроскоп какой-нибудь части большого организма, всегда

обнаружит разнообразные дефекты. Но оно не дает общей перспективы, общего понятия о характере деятельности учреждения.

В кругу совещательных при Монархе органов такое установление, как Комитет министров, было, в строе того времени, совершенно неизбежно. Есть много дел верховного управления, где нужен совокупный доклад министров, ведающих различные области администрации. Понятно, что, благодаря этому, компетенция Комитета сделалась очень обширною, и сюда пошли одинаково дела очень большого значения, напр[имер], железнодорожные, и дела совершенно трафаретные. Во многих случаях Комитет, вследствие грациозности^а законодательного аппарата, принимал на себя квази-законодательные функции, создавая определенный порядок и нормы практически путем прецедентов, напр[имер], так создан был нормальный устав акционерных обществ, определенные нормы пенсий.

Эта сторона деятельности Комитета вызывала всегда наибольшие нарекания, как узурпация права законодательных учреждений. Такие нарекания бывали небезосновательны в отдельных случаях умышленного обхода законодательного порядка. Но, с другой стороны, нельзя не заметить, что у нас этот порядок требовался тогда, да и после революции 1905 г., для многих дел чисто административного характера и только замедлял их разрешение. Такие дела, понятно, не могли быть также предметом единоличного доклада, для этого должно было существовать высокое коллегиальное совещательное учреждение. Задачи его заключались, поэтому, вовсе не в объединении министерской политики, а потому и состав этого учреждения был гораздо обширнее — Комитетом министров он был только по названию, сюда входили председатель Государственного совета и председатели департаментов совета, особо назначенные члены Комитета и др. Мало того, председатель Комитета был всегда не министр. Сверх того, для дел особо важных, железнодорожных, создано было особое учреждение — Соединенное присутствие Комитета с Департаментом государственной экономики. Только такие человеческие недостатки членов Комитета, которые так легко всегда заметить постороннему наблюдателю, не заменяли общего их отношения к делу. В большинстве люди, прошедшие продолжительную служебную карьеру, люди усидчивого труда и государственного опыта, они относились с должною серьезностью к исполнению своих обязанностей. Разумеется, в Комитете были люди и малогосударственные, но достаточно назвать Н.Х.Бунге, С.Ю.Витте, гр.Д.М.Сольского, Э.В.Фриша⁶², К.П.Победоносцева и вспомнить их речи, всегда проникнутые государственным смыслом, широкими взглядами, громадным опытом, чтобы почувствовать огромную разницу против той безответственной болтовни, которую мы сплошь и рядом слышали с тех пор. Все это я говорю вовсе не для прославления старого режима: были в нем огромные дефекты, от которых он, к сожалению, и пал. Но нельзя все-таки замалчивать правду.

РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 39. Л. 1—24об. Подлинник. Рукопись.

^а Так в тексте.

Примечания

¹ Куломзин Анатолий Николаевич (1838—1923) — управляющий делами Комитета министров в 1883—1902 гг.

² Имеется в виду — выпускникам императорского Александровского (Царско-сельского) лицея и императорского Училища правоведения.

³ Шольц Эмилий Васильевич — тайный советник.

⁴ Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — граф, управляющий Министерством путей сообщения в 1892 г., с конца 1892 г. управляющий Министерством финансов, министр финансов в 1893—1903 гг., председатель Комитета министров в 1903—1905 гг., председатель Совета министров в 1905—1906 гг.

⁵ В качестве члена Комитета Сибирской железной дороги.

⁶ Бунге Николай Христианович (1823—1895) — министр финансов в 1881—1887 гг., председатель Комитета министров в 1887—1895 гг.

⁷ Имеется в виду — председателю Комитета министров.

⁸ Дурново Иван Николаевич (1834—1903) — главноуправляющий Собственной е.и.в. канцелярии по учреждениям императрицы Марии в 1886—1889 гг., министр внутренних дел в 1889—1895 гг., председатель Комитета министров в 1895—1903 гг.

⁹ Делянов Иван Давыдович (1818—1897) — граф, министр народного просвещения в 1882—1897 гг.

¹⁰ Александра Федоровна (Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадская) (1872—1918) — российская императрица, супруга императора Николая II в 1894—1918 гг.

¹¹ Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода в 1880—1905 гг.

¹² Н.Х.Бунге был министром финансов с 1881 г. по 1887 г.

¹³ Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895) — министр финансов в 1888—1892 гг.

¹⁴ Коковцев Владимир Николаевич (1853—1943) — граф, государственный секретарь в 1902—1904 гг., министр финансов в 1904—1905 и 1906—1914 гг., председатель Совета министров в 1911—1914 гг.

¹⁵ Александр III (1845—1894) — российский император в 1881—1894 гг.

¹⁶ Сисмонди (Симонд де) Жан Шарль Леонар (1773—1842) — швейцарский экономист и историк.

¹⁷ Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ, экономист и общественный деятель.

¹⁸ Гильдебрант (Хильденбранд) Бруно (1812—1878) — немецкий экономист и статистик.

¹⁹ Георгий Александрович (1871—1899) — цесаревич, великий князь, сын императора Александра III.

²⁰ Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев) (1829—1908) — протоиерей Андреевского собора в Кронштадте.

²¹ Николай II (1868—1918) — последний российский император в 1894—1917 гг.

²² Мария Федоровна (Мария София Фредерика Дагмара) (1847—1928) — российская императрица в 1881—1894 гг., супруга императора Александра III, с 1894 г. вдовствующая императрица.

²³ *Кривошеин Аполлон Константинович* (1833—1902) — министр путей сообщения в 1892—1894 гг.

²⁴ *Аничков Николай Милюевич* (1844—?) — тайный советник.

²⁵ *Михаил Николаевич* (1832—1909) — великий князь, сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал, генерал-фельдцейхмстер, наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией в 1863—1881 гг, председатель Государственного совета в 1881—1905 гг.

²⁶ *Сольский Дмитрий Мартынович* (1833—1910) — граф, государственный секретарь в 1867—1878 гг, государственный контролер в 1878—1899 гг., председатель Государственного совета в 1905—1906 гг.

²⁷ Председателем Государственного совета Д.М.Сольский был назначен 25 апреля 1905 г.

²⁸ Д.М.Сольский скончался 29 ноября 1910.

²⁹ Имеется в виду март 1889 г.

³⁰ *Горемыкин Иван Логгинович* (1839—1917) — председатель Совета министров в 1906 и в 1914—1916 гг.

³¹ Русско-японская война — 1904—1905 гг.

³² Портсмутская (США) мирная конференция между Россией и Японией (июль—сентябрь 1905 г.), итогом которой стал Портсмутский мирный договор, заключенный 23 августа (5 сентября) 1905 г.

³³ *Шипов Иван Павлович* (1865 — после 1917) — член русской делегации на мирных переговорах в Портсмуте, министр финансов в 1905—1906 гг., министр торговли и промышленности в 1906—1909 гг.

³⁴ *Коростовец Иван Яковлевич* (?—1933) — дипломат, секретарь русской делегации на мирных переговорах в Портсмуте.

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. С 1881 по 1913 гг. СПб., 1885 — Пг., 1916. Т. 1—33. Далее: ПСЗ-3. Т. 24. Отд. I. № 25495. С. 1196—1198.

³⁶ Очевидно, Н.Н.Покровский имеет в виду Октябрьскую всероссийскую политическую стачку (7—25 октября 1905 г.) — один из этапов революции 1905—1907 гг., начавшейся 9 января 1905 г.

³⁷ ПСЗ-3. Т. 25. Отд. I. № 26805. С. 754—755.

³⁸ Очевидно, *Хрусталёв Петр Алексеевич* (*Носарь Георгий Степанович*) (1879—1919) — деятель революционного движения. В октябре 1905 г., как беспартийный, был избран председателем Петербургского Совета депутатов, в ноябре арестован, в 1906 г. сослан в Сибирь. В 1906—1909 гг. член РСДРП, меньшевик.

³⁹ *Дурново Петр Николаевич* (1844—1915) — министр внутренних дел в 1905—1906 гг.

⁴⁰ С.Ю.Витте вышел в отставку 14 апреля 1906 г. Государственная дума 1-го созыва начала свою деятельность 27 апреля 1906 г.

⁴¹ *Кутлер Николай Николаевич* (1859—1924) — главноуправляющий землеустройством и земледелием в 1905—1906 гг.

⁴² *Харитонов Петр Алексеевич* (1852—1916) — государственный контролер в 1907—1916 гг.

⁴³ См.: План государственного преобразования графа М.М.Сперанского. М., 1905. С. 289.

⁴⁴ *Валуев Петр Александрович* (1814—1890) — граф, министр внутренних дел в 1861—1868 гг., министр государственных имуществ в 1872—1879 гг., председатель Комитета министров в 1877—1880 гг.

⁴⁵ Свод законов Российской империи (далее: СЗРИ). Издание 1887 г. Т. 10. Ч. 1. Ст. 2160. С. 250.

⁴⁶ СЗРИ. Изд. 1900 г. Т. 10. Ч. 1. Ст. 2160. С. 268.

⁴⁷ Министерство земледелия и государственных имуществ — центральное учреждение государственного управления в 1893—1905 гг.

⁴⁸ Видимо, *Кнут Валленберг* — министр иностранных дел Швеции в период Первой мировой войны.

⁴⁹ Государственным контролером Н.Н.Покровский был в январе—декабре 1916 г.

⁵⁰ *Шереметев Сергей Алексеевич* (1837—1896) — генерал-адъютант, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского округа и наказной атаман кавказских казачьих войск в 1890—1896 гг.

⁵¹ *Голицын Григорий Сергеевич* (1838—1907) — князь, генерал-адъютант, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского округа и наказной атаман кавказских казачьих войск в 1897—1904 гг.

⁵² *Имеретинский Александр Константинович* (1837—1900) — светлейший князь, генерал от инфантерии, Варшавский генерал-губернатор, командующий войсками Варшавского военного округа в 1897—1900 гг.

⁵³ *Горемыкин Александр Дмитриевич* (1832—1904) — генерал от инфантерии, Иркутский генерал-губернатор, командующий войсками Иркутского военного округа в 1889—1899 гг.

⁵⁴ *Духовской Сергей Михайлович* (1838—1901) — генерал-лейтенант, генерал-губернатор Приамурского края в 1893—1897 гг.

⁵⁵ *Куропаткин Александр Дмитриевич* (1832—1925) — генерал от инфантерии, начальник Закаспийской области и командующий войсками в этой области в 1890—1899 гг., управляющей Военным министерством с января по июль 1899 г., военный министр в 1899—1904 гг., главнокомандующий русской армией на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг., Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа в 1916—1917 гг.

⁵⁶ *Грибоедов Александр Сергеевич* (1795—1829) — писатель и дипломат.

⁵⁷ *Филиппов Тертий Иванович* (1825—1899) — государственный контролер в 1889—1899 гг.

⁵⁸ *Чихачев Николай Матвеевич* (1830—1917) — адмирал, управляющий Морским министерством в 1889—1896 гг.

⁵⁹ Имеется в виду Канцелярия е.и.в. по принятию прошений (1884—1917).

⁶⁰ ПСЗ-3. Т. 16. Отд. I. № 12355. С. 1.

⁶¹ *Людовик XVI* (1754—1793) — французский король в 1774—1792 гг., из династии Бурбонов.

⁶² *Фриш Эдуард Васильевич* (1833—1907) — председатель Государственного совета в 1906—1907 гг.

«ПОБОЛЬШЕ СВЯТОЙ НЕНАВИСТИ...»

Письмо боевика в ЦК партии социалистов-революционеров

К концу первого десятилетия XX века противостояние власти «на лезвии с террористами» обострилось настолько, что стало возможным появление одного любопытного документа, который отложился в фонде известного члена партии социалистов-революционеров (ПСР) И.И.Фундаминского, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Автор и точная дата его не установлены. Можно с уверенностью говорить лишь о том, что написан он после 1909 года — в тексте упоминается провокация Азефа. Подпись «А.Ч.» инкогнито автора не раскрывает. По картотеке Департамента полиции проходит только один эсер с такими инициалами — Андрей Михайлович Чирков. Но контекст документа убеждает, что восемнадцатилетний (на 1907 год) ученик Екатеринбургской гимназии слишком молод, чтобы быть автором интересующего нас заявления о необходимости употребления революционерами отравленного оружия.

Известно, что еще в 1902 г. Фома Качура стрелял в Харьковского губернатора князя И.М.Оболенского пулями, отравленными стрихнином (организатором теракта, заметим, был Григорий Гершуни — врач-бактериолог)¹. Но широкого применения этот тактический прием в деятельности ПСР не нашел, что и вызвало негодование автора письма. Причем, оно содержит далеко не умозрительные рассуждения, а совершенно конкретный список мероприятий, к которому для простоты внедрения в практику прилагаются схемы. Все рационально, логично и бесчеловечно.

В этом документе находит ярчайшее отражение факт эксгуманизации противника, т.е. исключения его из числа лиц, на которых распространяются моральные нормы, действующие в пределах своей группы. Пытаясь разобраться, откуда эта продуманная и взвешенная беспощадность, неизбежно сталкиваешься с вопросом о нравственно-психологических установках представителей радикального крыла русского освободительного движения.

Как писал В.Г.Короленко, «террор созрел в долгие годы бесправия. Наиболее чувствительные части русского общества слишком долго дышали воздухом подполья и тюрем, питаясь *оторванными от жизни мечтами и ненавистью*»². Индивидуальный террор рассматривался с точки зрения его сторонников как акт великого самопожертвования ради революционной идеи. Нечаевец П.Успенский вспоминал, что члены «Народной расправы» «себя отдавали на жертву»; виртуоз террора С.Степняк-Кравчинский, передавая душевное состояние героя своего романа Андрея Кожухова перед покушением, писал о всепоглощающем «эгоизме самопожертвования». И у обоих не возникает мысль, что жертва — другой человек. Вернее, этот *другой* вообще не воспринимается как человек. Это враг, но не конкретная человеческая личность; это *абстрактный объект теракта*, подлежащий безусловному уничтожению на пути к свободе.

¹ См.: Гейфман А. Революционный террор в России (1894—1917). М., 1997. С. 73.

² Короленко В.Г. История моего современника. М., 1965. С. 668.

В среде революционной интеллигенции преобладало не менее отвлеченное отношение к миру в целом, который рассматривался в качестве набора средств для реализации социальных утопий. Именно такая жизненная позиция позволяла «генералам» от революции манипулировать людьми, как бесчувственным материалом, и жертвовать ими без сожаления. Ф.М. Достоевский говорил о герое «Преступления и наказания»: «Он был молод, *отвлечен* и стало быть жесток».

Идеал полного самоотречения ради «дела» таил в себе огромную притягательную силу. Именно соответствие Сергея Нечаева образу истинного революционера, сложившемуся в сознании молодого поколения, — аскета, «монаха революции», позволило ему без труда обрести «нечаевцев», беспощадность к которым вполне оправдывалась беспощадностью к себе и объяснялась его целеустремленным утилитаризмом.

Лидеры стремились любыми способами закрыть для потенциальных кадров революции все «лазейки в мирную жизнь граждан», возбуждая в молодежи дух протеста, компрометируя своих сторонников в глазах общества и отрезая им все пути назад. Ибо как только живая жизнь, созидательная повседневность в чьей-то личной судьбе становилась сильнее разрушительных умозрений — человек был потерян для грандиозного процесса обновления мира, который требовал беззаветных жертв.

Пособником революционных вождей в этом деле, как ни парадоксально, оказывалось правительство, реакция которого на общественную активность молодежи была столь же неадекватной, сколь и недалёковидной. Месяцы и годы тюрьмы, которые для некоторых кончались сумасшествием или смертью, для других становились школой политической борьбы. Административные высылки; исключения из учебных заведений; полицейский надзор и прочие репрессии, часто «непропорциональные преступлениям», надолго вырывали молодых людей из мирной обывденности, вызывали ожесточение и укрепляли решимость идти по избранному пути.

С течением времени круг революционеров смыкался все теснее, резче становилась грань, отделяющая их от остального мира. Подполье существовало по собственным законам, не совпадающим с традиционными нормами. В его удушливой атмосфере не могла не возникнуть «двойная мораль»: одни правила применялись по отношению к своим, другие — к чужим.

Но есть в этом противопоставлении и нечто общее — если образ врага представлялся только в близком ряду «царских опричников», винтиков в машине Российской государственности, то и себя «новые люди» осознавали лишь деталями революционного механизма, призванного вывести эту машину из строя. Восприятие мира и своего места в нем через призму абстракций, равнодушие к самооценности собственной личности давало им моральное право на «святую ненависть» ко всему, что стоит на пути осуществления законов «социальной арифметики».

С.Франк, анализируя этику нигилизма, говорил, что революционеры, жертвующие ради идеи всечеловеческого счастья собой, не щадят и других людей, которые являются в их глазах или жертвами, или виновниками мирового зла. Именно в борьбе с последними они видят «ближайшую задачу своей деятельности и основное средство к осуществлению своего идеала. ... Так из великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть к людям, страсть к устройению земного рая становится страстью к разрушению...»³

Текст документа приводится с сохранением орфографии и пунктуации оригинала, подчеркнутые автором фразы выделены курсивом.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Е.И.ЩЕРБАКОВА.

³ Франк Л.С. Этика нигилизма // Вехи. М. 1990. С.166-167.

**Заявление в Центр[альный] Комит[ет] и городск[ой] ком[итет]
и обл[астной] [комитет] П[артии] с[оциалистов]-р[еволюционеров]
О безусловной необходимости употребления революционерами
исключительно отравленного холодного оружия и пуль при
террористических актах и при самообороне^а**

«В знании сила»

Чтобы победить в борьбе врага или по крайней мере нанести ему чувствительный урон, недостаточно одного мужества и готовности умереть в этой борьбе, нужны еще знания — техники борьбы и обладание нужными средствами.

Эту, казалось бы, элементарную истину никак по-види[мо]му не хотели усвоить бывшие «генералы» Центр[ального] Ком[итета] П[артии] с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Еще несколько лет назад много делались попытки поставить широко вопрос о необходимости употребления революционерами отравленного, действительно смертельного оружия, но, увы, несмотря на все старания, голос мой оставался гласом вопиющего в пустыне невежества и предательства, что впрочем и не удивительно[,] ибо там, где царил провокатор, там не могла дать плоды трезвая мысль. Надеюсь, однако, что после операции удаления злокачественной опухоли, разъедавшей ЦК¹, среди членов нового ЦК не найдется ни одного человека, который не согласился бы с предлагаемыми ниже мною доводами и заключениями.

Чтобы не занимать, однако, много драгоценного времени[,] буду стараться быть кратким в изложении своих мыслей.

1. Статистика поранений от огнестрельного и холодного оружия с неотразимой точностью доказывает нам, что люди, получившие даже по нескольку ран, часто выздоравливали вполне от них, если лечение велось надлежащим способом. Факты из недавней русско-японской войны и войны правительства с революционерами это подтверждают вполне.

2. Правительственные агенты, имеющие возможность свободно учиться владеть оружием и учащиеся этому делу под руководством опытных учителей, всегда будут иметь шансы перевеса в вооруженной схватке с революционерами, если сами революционеры не постараются пошевелить мозгами [,] чтобы уравновесить эти шансы.

3. Огнестрельное оружие, находящееся в руках агентов правительственной власти, всегда находится в состоянии неизмеримо лучшей исправности, чем у революционеров. Попробуйте осмотреть браунинг у любого из Ваших товарищей и, если Вы сами хоть что-нибудь смыслите в оружии, Вы ужаснетесь от того количества ржавчины, грязи и пыли, которую заметите в стволе револьвера и в других частях его. Револьвер никогда почти не разбирается и не чистится. Такое невежественное отношение к дорого достаемому партии оружию не может быть дальше терпимо!

^а Заголовок документа.

4. Чем сильнее оболочка пули, тем менее опасна она для жизни, ибо менее деформируется при ударе в тело и наносит более правильные, не рваные раны, очень легко заживающие. Сотни шпиков, стражников, жандармов и т.п. сволочи отлично выздоравливали от пуль браунинга и маузера с твердыми не деформирующимися от нарезов на них оболочками.

Все эти наиболее существенные только пункты доказывают ясно, что надо искать других улучшенных методов физической борьбы. Надо быть совсем кретином или просто симпатизировать врагам народа[,] чтобы не признать, что единственно рациональным способом поражения наверняка противника — *должен быть признан способ употребления исключительно отравленного оружия.*

Первобытные дикари, не щадившие в битвах врага, право, были умнее в этом отношении современных «мягкосердечных с тряпкоподобными душами горе-революционеров», ибо они применяли яд для отравления своих стрел и копий.

Если, вообще, признават[ь] за собою право — физическое уничтожение врага в битве, то нечего церемонит[ь]ся и сантиментальничать. В борьбе же с агентами царской власти такое мягкосердечие[,] на мой взгляд[,] *просто преступно и свидетельствует* без сомнения об отсутствии той «святой ненависти» к врагу народа[,] без которой невозможна победа. Как часто приходится читать сообщения о вооруженных схватках революционеров с царскими опричниками, заканчивающихся по большей части победой последних. Случается[,] что обороняющийся революционер ранит нескольких человек[,] прежде чем его застрелят самого, *но почти всегда эти раненые опричники выздоравливают и, награжденные и поощренные свыше, еще усерднее и ревностнее несут свои гнусные обязанности служения царю и капиталу.*

Довольно товарищи! Пора взяться за ум; пусть же *отныне каждая легкая царапина, полученная агентами царской власти в борьбе с революционерами, несет собою безусловную смерть.* И это очень легко достигнуть путем отравливания пуль и холодного оружия. Тогда только опричники увидят, что борьба с революционерами не шутка, что жизнь дороже царских рублей[,] и начнут они избегать опасных — смертельных всегда для них встреч и столкновений с революционерами. Надо быть страшными для врагов! Пока за нами нет реальной физической силы, мы должны взять на помощь другую силу — знание.

3. *Вопрос об изучении свойств разных ядов, способов приготовления их и употребления в дело должен быть поставлен вопросом дня и разрешен повсеместно в указанном мною смысле.*

«Смерть беспощадная всем супостатам

Всем паразитам трудящихся масс

Мщенье и смерть всем царям-плутократам

Близок победы торжества час»²

Так поете Вы, Товарищи, в песне, но поступаете ли Вы в жизни согласно слов этой могучей песни?.. Нет и тысячу раз нет!

Побольше «святой ненависти» к врагу! Воспитывая в себе готовность собственными руками вонзить в бок опричника отравленный

кинжал, влечь ему в живот отравленную пулю[,] и часть победы будет за Вами. Тогда Вы будете наводить *панику на врагов*, а пока... пока Вы... *жалки* в своем бессилии и смешны по неимению реальных приемов борьбы.

Не сердитесь, но это так! Высказать же то, что накопело в душе в многолетия[,] я имею полное право, ибо без критики невозможен никакой прогресс[с].

Возвращаясь к сути дела, делаю предложения:

I. Употреблять пули для браунинга *исключительно свинцовые без твердых оболочек*, как легко деформирующиеся в ране и дающие возможность легче обрабатывать *часть для заложения порции яду*.

II. Снабдить все провинциальные комитеты запасами ядов и указать способы их добывания.

III. Разработать инструкции для отравления пуль и холодного оружия ядом.

IV. Произвести осмотр оружия и привести его в порядок.

V. Применять в случае отсутствия яда для отравления пуль разводку заразных бактерий: чахотки, столбняка, дифтерита, брюшного тифа и т.п. непосредственно перед террористическим актом.

Надо помнить, что теперь за каждый выстрел в царского опричника (даже намерение), — ждет стрелявшего (или намеревающегося) смертная казнь. Думаю, что тяжело умирать тому, кто сознает, что не убрал с арены битвы врага, а лишь сам сошел с нее без пользы для дела.

Пусть же каждая легкая царапина[,] нанесенная врагу[,] будет смертельная для него!

А. Ч.

ГА РФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 139. Л. 1—4. Подлинник. Рукопись.

Примечания

¹ Речь идет о Евно Фишелевиче Азефе (1870—1918 гг.), который, будучи одним из организаторов и лидеров ПСР, с 1892 г. являлся секретным сотрудником Департамента полиции. После ареста Г.Гершуни (1903 г.) он возглавил Боевую Организацию ПСР, руководил подготовкой ряда важнейших террористических актов (убийство министра внутренних дел В.К.Плеве (1904 г.), великого князя Сергея Александровича (1905 г.) и др.). Разоблачен В.Л.Бурцевым; в январе 1909 г. революционным трибуналом ПРС приговорен к смерти; скрылся. Во время Первой мировой войны был арестован в Германии как русский террорист; находился в тюрьме до декабря 1917 г.; умер в Берлине. Разоблачение Азефа стало крупнейшим политическим скандалом в России начала XX в., вызвав целый шквал запросов к правительству по поводу провокационных действий его агента. Партия эсеров оказалась на грани развала, многих ее членов охватил кризис веры в руководство партии, его стратегию и тактику. Деятельность Азефа, говорилось на V съезде Совета ПРС, «обессилила террор в самую критическую для правительства и для революционеров эпоху, она воспрепятствовала проявлению всей силы этого метода борьбы и всей энергии, которую могла развить Партия в пользовании этим методом; она усилила уверенность правительства в своей безопасности и, тем самым, усилила его решительность как раз в те

моменты, когда оно в этой решительности более всего нуждалось». (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 281. Л. 127).

² Автор приводит часть куплета «Варшавянки», популярного революционно-го гимна, слова которого были написаны польским социалистом В.Свенцицким на мотив повстанческой песни 1863 г. «Marsz zuawow» В.Вольского. Текст «Варшавянки» впервые был опубликован в нелегальном польском журнале «Proletariat» (1883, № 1). На русский язык песню в 1897 г. перевел Г.М.Кржижановский. Начало широкому распространению «Варшавянки» в России положила революция 1905—1907 гг. В издании «Русские песни. Песни революционного движения, гражданской войны, современные народные песни» (Л. 1954. С. 80—81) цитируемые в документе строки выглядят так:

«Мечь беспощадная всем супостатам
Всем паразитам трудящихся масс
Мщенье и смерть всем царям-плутократам
Близок победы торжественный час!»

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВ ВОЖДЕЙ

- За советами в Кремль.** Запись беседы И.В.Сталина с руководителями
СЕПГ. Март 1948 г. (В.К.Волков)..... 3

РОССИЯ В КОСМОСЕ

- «Испытатель».** К 75-летию космонавта В.М.Комарова (Е.Ю.Башилова,
Т.А.Головкина)..... 28

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

- «Я левый из левых, демократ, социалист...».** Архивная справка на
В.Л.Бурцева (С.С.Попова) (Окончание)..... 42
- «Находясь во французском Иностранном легионе...».** Письма русских
эмигрантов из Северной Африки в Париж. 1911—1914 гг. (Ю.В.Бойко).. 81

ФОТОЛЕТОПИСЬ

- Мастера русской историографии: Сигурд Оттович Шмидт**
(В.Ю.Афиани)..... 87

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

- «Вся его работа проникнута крайней враждой по отношению к России».**
Документы, письма, свидетельства современников об униатском
митрополите Галицком Андрее Шептицком. 1914—1917 гг.
(М.И.Одинцов)..... 103

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

- «Мы в созвездии политических волнений».** Письма П.Г.Виноградова
В.И.Вернадскому. 1899—1904 гг. (А.В.Антощенко)..... 129

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

- Н.П.Чулков о владельцах Ясной Поляны в XVII—XVIII вв.**
(О.Н.Наумов)..... 142

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

- «...Считая важным ознакомить западноевропейских социалистов».**
Документы ГА РФ о представительстве России на Парижском (1889 г.)
конгрессе II Интернационала (А.Н.Свалов)..... 167
- Воспоминания Н.Н.Покровского о Комитете министров в 90-е гг.**
XIX в. (М.А.Приходько)..... 179

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

- «Побольше святой ненависти...»** Письмо боевика в ЦК партии
социалистов-революционеров (Е.И.Шербакова)..... 216

CONTENTS

LEADERS' ARCHIVES

- «**Coming to Kremlin to get advised**». Record of J.V.Stalin's conversation with the leaders of the Socialist Unity Party of Germany. March of 1948. (V.K.Volkov) ... 3

RUSSIANS IN OUTER SPACE

- «**Test-pilot**». On the 75th anniversary of cosmonaut V.M.Komarov's birthday (E.Iu.Bashilova, T.A.Golovkina)..... 28

RUSSIANS ABROAD

- «**I am an extreme leftist, democrat, socialist...**». Archival information on V.L.Burtsev (S.S.Popova) (*The End*) 42
- «**Serving in the French Foreign Legion...**». Russian emigrants' letters from North Africa to Paris. 1911—1914. (Iu.V.Boyko) 81

PICTORIAL REVIEW

- Pillars of Russian historiography: Sigurd Ottovich Schmidt** (V.Iu.Afiani)..... 87

STATE AND CHURCH

- «**Extreme hostility towards Russia was the most characteristic feature of all his activities**». Documents, letters, testimonies of contemporaries describing the life of the Uniat Metropolitan of Galicia Andrei Shepitsky. 1914—1917. (M.I.Odintsov) 103

HISTORY AND HISTORIANS

- «**We go through the period of political unrest**». P.G.Vinogradov's letters to V.I.Vernadsky. 1899—1904. (A.V.Antoschenko) 129

CULTURE AND SOCIETY

- N.P.Chulkov on the owners of Yasnaya Poliana in XVII—XVIII centuries** (O.N.Naumov)..... 142

THE NINETEENTH CENTURY

- «**...I think it important to acquaint West-European specialists** ». Documents from the State Archives of Russian Federation on Russia's representation at the 1889 Paris Congress of the Second International (A.N.Svalov) 167
- N.N.Pokrovsky's reminiscences on the Cabinet and its office in the 1890s.** (M.A.Prikhodko)..... 179

MISCELLANEA FROM THE ARCHIVES

- «**More holy hatred...**». A fighter's letter to the Central Committee of Party of Socialist Revolutionaries (E.I.Scherbakova)..... 216

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АНТОЩЕНКО** Александр Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Петрозаводского государственного университета
- АФИАНИ** Виталий Юрьевич — кандидат исторических наук, заместитель директора РГАНИ
- БАШИЛОВА** Елена Юрьевна — ведущий специалист РГАНТД
- БОЙКО** Юрий Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института культурологии
- ВОЛКОВ** Владимир Константинович — член-корреспондент РАН, директор Института славяноведения РАН
- ГОЛОВКИНА** Татьяна Александровна — начальник отдела научного использования и публикации документов РГАНТД
- НАУМОВ** Олег Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического университета
- ОДИНЦОВ** Михаил Иванович — доктор исторических наук, начальник отдела аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ
- ПОПОВА** Светлана Сергеевна — историк-архивист
- ПРИХОДЬКО** Михаил Анатольевич — аспирант Московской государственной юридической академии
- СВАЛОВ** Александр Николаевич — кандидат исторических наук
- ЩЕРБАКОВА** Екатерина Игоревна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Академии ФСБ РФ

Издатель: АНО Издательство

«Российская политическая энциклопедия»

Компьютерная верстка *А.Ю.Егоркина, О.И.Поток.*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 27.02.2002.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 800 экз. Заказ № 5727

125256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6

**Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)**

Выпускает научную литературу по истории, философии, политологии, культурологии, экономике, энциклопедические издания, мемуаристику и т.п.

**Наши книги вы можете приобрести без торговых наценок
в фирменных магазинах Издательства в г. Москве:**

«Книжный салон РОССПЭН» (в офисе Издательства): В. Пика ул., д. 4, корп. 2. Тел. 181-34-57, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ (метро «Ботанический сад»).

«Книжная лавка историка»: Б. Дмитровка ул., д. 15. Тел. 200-50-07, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ (метро «Охотный ряд», «Театральная», «Пушкинская», «Чеховская»).

«Книжный киоск РОССПЭН»: Дм. Ульянова ул., д. 19. Тел. 126-94-18, с 11⁰⁰ до 17⁰⁰ (метро «Академическая»).

«Книжная лавка обществоведа»: Нахимовский пр-т, д. 51/21. с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ (метро «Профсоюзная»).

Наши книги постоянно продаются в книжных магазинах:

Академкнига (Екатеринбург)
Мамина-Сибиряка ул., д. 137

Библио Глобус (Москва)
Мясницкая ул., 6

Академкнига (Красноярск)
Сурикова ул., д. 45

Дом книги (Санкт-Петербург)
Невский пр., 28

Академкнига (Новосибирск)
Красный пр., д. 51

Московский Дом Книги (Москва)
Новый Арбат ул., 8

Академкнига (Санкт-Петербург)
Литейный пр., д. 57

Дом книги (Ярославль)
Кирова ул., д. 18

Академкнига (Уфа)
Зорге ул., 10

Светоч (Краснодар)
Красная ул., д. 145/1

Деком (Н. Новгород)
Б.Покровская, 46 (магазин «Дирижабль»)

Топ-книга (Новосибирск)
Арбузова ул., 1/1

Справки по тел./факсу: (095) 181-34-57

E-mail: rosspen-market@mail.ru

URL: <http://www.rosspen.com>

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

проводит подписку на журнал «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»
на I полугодие 2002 г.

Периодичность издания 3 номера в полугодие
Стоимость полугодовой подписки **300 руб.** с учетом почтовых
услуг в пределах Российской Федерации

Для оформления подписки переведите 300 руб.
на расчетный счет издательства через любое отделение Сбербанка

Образец заполнения квитанции в Сбербанке:
АНО «Издательство Российская политическая энциклопедия»
ИНН 7717098296

Р/сч 40703810638090103673 в Мещанском отделении 7811
Сбербанка России г. Москва

К/сч 3010181040000000225 БИК 044525225

Просьба в квитанции точно указывать свой почтовый адрес с
индексом, фамилию, имя и отчество.

В графе «вид платежа» укажите: «Исторический архив»
и подписной период

Для сотрудников Федеральной архивной службы и для
подведомственных Росархиву учреждений при подписке в
издательстве на I полугодие 2002 г. (а также при покупке в
издательстве ранее вышедших полугодовых комплектов журнала)
устанавливается специальная цена — 240 руб.

Подписаться на журнал «Исторический архив» или приобрести его
в розницу можно также в офисе издательства:

129256, г. Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2

Тел./факс: (095) 181-34-57

E-mail: rosspen-market@mail.ru

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ДАННОЕ ИЗДАНИЕ
ПО КАТАЛОГУ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Тел.: /007 095/ 195 6677, 195 6418

Факс: /007 095/ 195 1431, 785 14 70

E-mail: ovs@rosp.ru

Web site at <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

YOU CAN SUBSCRIBE TO THIS EDITION
THROUGH THE «ROSPCHAT» AGENCY CATALOGUE
«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Phone: /007 095/ 195 6677, 195 6418

Fax: /007 095/ 195 1431, 785 14 70

E-mail: ovs@rosp.ru

Web site at <http://www.rosp.ru>